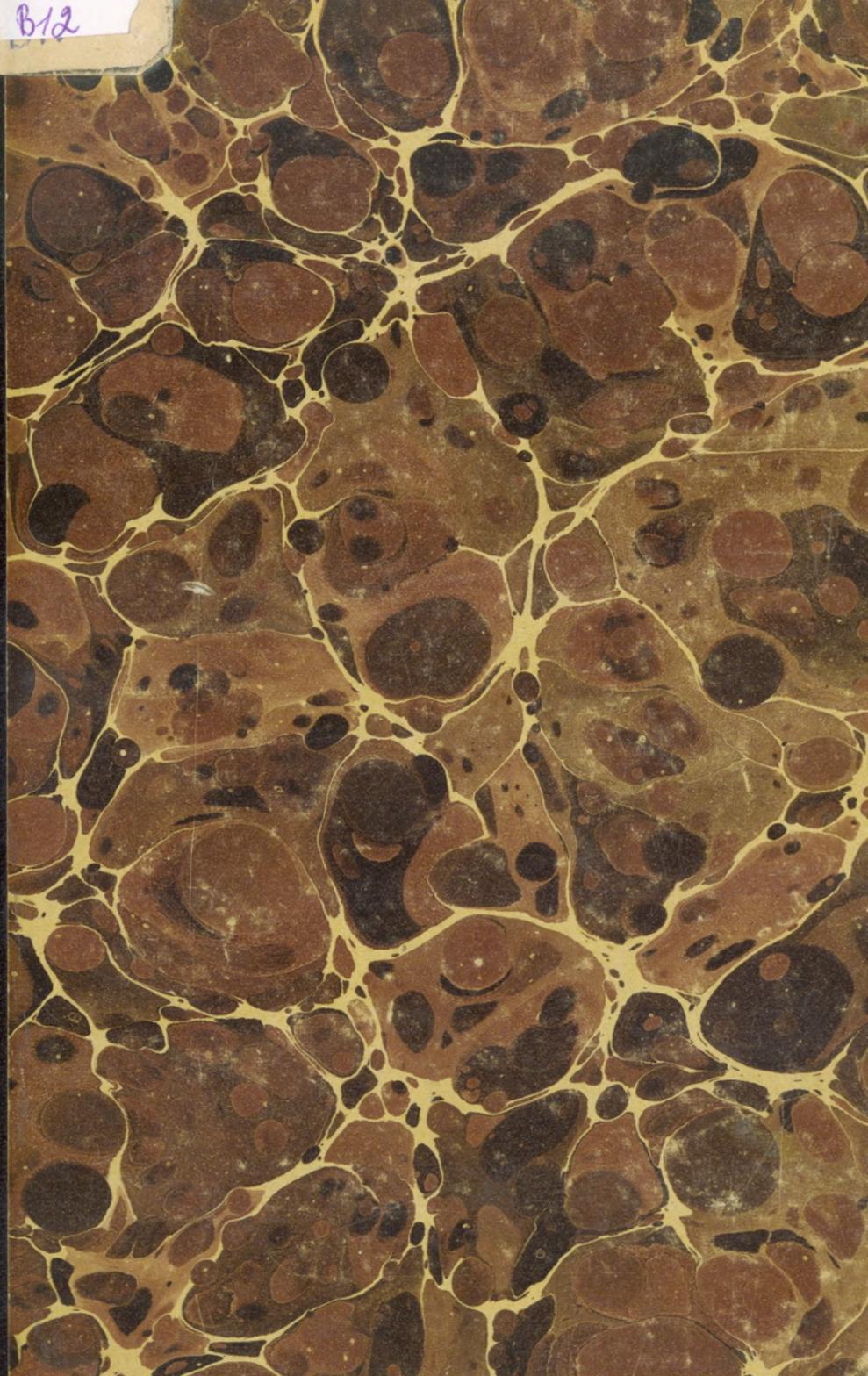

B12

В. 12
013
Д-ръ зоологii, приватъ-доцентъ И. Спб. У. профессоръ
психоневрологическаго института и педагогической академіи

Владиміръ Вагнеръ.

Біологическія теоріи
и вопросы жизни.

БИБЛИОТЕКА
Кабинета Даръ Жизни
МУ

Книгоизд-ство „Образованіе“. Спб.
1910.

Содержание

История развития

и борьбы за жизнь

БИБЛИОТЕКА

Наименование

ЛЮ

Введение.

Старый споръ о томъ, кто призванъ давать отвѣты на вопросы индивидуальной и общественной жизни, кто компетентенъ въ организаци этой жизни, въ установленіи правилъ поведенія и указаніи путей, которые могутъ привести человѣчество къ лучшему будущему—одни ли, такъ называемыя, гуманитарныя знанія или рядомъ съ ними и вмѣстѣ съ ними знанія естественно-историческія вообще и прежде всего біологія,—все еще далекъ отъ своего окончательнаго рѣшенія.

И это совершенно понятно, принимая во вниманіе, что натуралистамъ—біологамъ въ этой области знанія приходится не только прокладывать новые пути изслѣдованія, заново перерабатывать матеріалъ науки и устанавливать законы въ области явленій, не всегда хорошо изслѣдованныхъ и еще слабо координированныхъ, но приходится одновременно съ этой работой, требующей огромнаго напряженія умственныхъ силъ, затрачивать энергію на борьбу съ традиционными точками зрѣнія противниковъ—гуманистовъ.

Еще въ XIII вѣкѣ Роджеръ Бэконъ оцѣнилъ всю трудность борьбы съ традиціями и призывалъ къ борьбѣ съ невѣжествомъ людей, происходящимъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, во-первыхъ, что они склонны слѣдовать недостойнымъ авторитетамъ, потому, во-вторыхъ, что они еще болѣе

склонны держаться преданій, вошедшихъ въ привычки, и потому, наконецъ, въ третьихъ, что люди тщательно стараются скрывать свое невѣжество. Онъ дважды сидѣлъ за это въ тюрьмѣ, и послѣдній разъ въ теченіе девяти лѣтъ, никого не убѣдивъ въ основательности своихъ мнѣній.

Триста лѣтъ спустя Френсисъ Бэконъ (1560—1626) снова и по тѣмъ же соображеніямъ призывалъ къ борьбѣ съ традиціонными основаніями невѣжества, полагая необходимымъ для этого опрокинуть стоящіе на пути къ просвѣщенію *idolae theatri* ¹⁾ *et fori* ²⁾. Въ тюрьмѣ за это онъ уже не сидѣлъ, но результаты отъ его призыва оказались не лучше тѣхъ, за которые потерпѣлъ его знаменитый предшественникъ. Прошло еще триста лѣтъ. Бэконовъ смѣнили научныя организаціи, которыхъ работники выступаютъ не за свой страхъ и рискъ, а ведутъ дѣло общими силами отъ имени той или другой идейной общественной группы. Выдающіеся ученые нашего времени не оторваны отъ тѣхъ группъ, къ которымъ принадлежатъ, и роль ихъ въ большинствѣ случаевъ сводится къ тому лишь, что они даютъ опредѣленныя формулы назрѣвшему знанію и такимъ образомъ являются выразителями того или иного научнаго теченія мысли. Одновременно съ этимъ философскія теченія въ наукѣ получили новое значеніе для жизни обществъ, за этими теченіями стала чувствоваться социальная роль, а борьба ихъ между собою въ тѣхъ случаяхъ, когда она затрагивала идейные интересы вліятельныхъ общественныхъ группъ, такъ же станови-

¹⁾ *Idolae theatri*—это разныя преданія, мнѣнія и свѣдѣнія, къ которымъ люди питаютъ большее уваженіе, чѣмъ къ опытному знанію.

²⁾ *Idolae fori*—это понятія, зависящія отъ подчиненія общественному мнѣнію, отъ придаванія вещамъ того значенія, которое имъ придаетъ общество (*forum*), а не сами онѣ по себѣ.

лась дѣломъ не отдѣльныхъ лицъ, а дѣломъ общественнаго интереса и значенія: увеличеніе числа сторонниковъ увеличивало шансы побѣды и руководство въ идейномъ прогрессѣ.

Но за то параллельно съ этимъ и вслѣдствіе этого борьба разнородныхъ идейно общественныхъ группъ получила характеръ особенной остроты, иногда партійности, которая къ затрудненіямъ всякому вновь возникающему теченію научно-философской мысли присоединила новыя, чрезвычайно могущественныя.

Въ такихъ именно условіяхъ стоитъ въ настоящее время стремленіе ученыхъ—біосоціологовъ провести въ общественное сознаніе слѣдующія идеи: біологическій законъ борьбы за существованіе, какъ бы ни возставали противъ него наши нравственныя чувства, продолжается и въ человѣческихъ обществахъ дѣйствовать, хотя и съ меньшею суровостью, но съ тою же неуклонностью, съ какою дѣйствуетъ въ мірѣ животныхъ; законъ этотъ будетъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока останется въ силѣ тотъ фактъ, что естественныя порывы къ жизни и къ воспроизведенію жизни являются болѣе сильными стимулами и больше вліяютъ на поведеніе, чѣмъ какой бы то ни былъ масштабъ качества жизни, такъ какъ высше и справедливѣйшіе идеалы, какъ критеріи поведенія, будутъ составлять достояніе лишь ничтожной горсти людей, а масса живетъ и еще долго будетъ жить подъ гнетомъ борьбы за существованіе и естественнаго отбора, къ стыду человѣчества узаконивающихъ несправедливость и страданія; вслѣдствіе всего этого біологія, изучающая эти законы жизни, не только имѣетъ право, но и обязана принять участіе въ рѣшеніи задачъ соціологіи.

„Старыя традиціи, вошедшія въ привычку“ противоплагаютъ однако этимъ требованіямъ натуралистовъ

открыто враждебное настроеніе вліятельныхъ общественныхъ группъ, продолжающихъ настаивать на „классическихъ“ воззрѣніяхъ, по которымъ рѣшеніе „соціальныхъ проблемъ“ должно составлять дѣло однихъ только гуманистовъ, и что вмѣшательство людей „съ одностороннимъ естественно - историческимъ образованіемъ“ ничего, кромѣ вреда, принести не можетъ, ибо „законы, писанные для животныхъ, не для людей писаны“.

Главные этапы борьбы однако уже пройдены!

Несмотря на огромныя трудности, которыя стояли на пути новой дисциплины знанія, сторонникамъ біосоціологіи уже удалось кое-что отстоять въ пользу истины и прежде всего убѣдить видныхъ представителей враждебнаго лагеря — гуманистовъ въ томъ, что претензіи на исключительное ихъ право рѣшать задачи соціологіи по матеріалу и методу только ихъ науки не соотвѣтствуютъ давнымъ современнаго знанія. Теперь, поэтому, мы все рѣже и рѣже встрѣчаемся съ тѣмъ безнадежнымъ упорствомъ, съ тою нетерпимостью, съ какою двадцать лѣтъ тому назадъ противники естествознанія стремились доказать, что только тотъ путь, на которомъ стоятъ они, ведетъ къ истинѣ, а всѣ остальные—въ бездну, грозящую всяческими заблужденіями и бѣдствіями. Большинство уже признало, что если не всѣ дороги ведутъ въ Римъ, какъ это полагали граждане вѣчнаго города, то многія. „Натуралисты“ уже имѣютъ теперь много сторонниковъ среди представителей гуманитарнаго знанія и, что еще важнѣе, имѣютъ рядъ стройныхъ теорій, которыми возможность къ соглашенію сторонъ и совмѣстной работѣ устанавливается съ полною очевидностью.

Можно спорить о предѣлахъ роли біологическихъ законовъ въ жизни людей, можно говорить о факторахъ культуры, ограничивающихъ силу и суровость вмѣша-

тельства животныхъ процессовъ въ укладъ человѣческой жизни, можно указывать на признаки, болѣе или менѣе существенно отличающіе явленія біологическія отъ явленій соціальныхъ,—но отрицать значеніе и роль біологіи въ жизни человѣка и человѣческихъ обществъ, а вмѣстѣ съ этимъ и необходимость изучать ея законы и пользоваться ими при рѣшеніи задачъ соціологическихъ, при уровнѣ нашихъ современныхъ познаній, уже нельзя—нельзя, по крайней мѣрѣ, безъ риска очутиться въ рядахъ той археологической толпы, которую призывалъ къ просвѣщенію Роджеръ Бэконъ еще семь вѣковъ тому назадъ¹⁾

Серія книжекъ подъ общимъ заглавіемъ: „Біологическія теоріи и вопросы жизни“, имѣетъ своей задачей познакомить читателя съ рѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ индивидуальной и коллективной жизни людей, какимъ рѣшеніе это можетъ быть получено на основаніи данныхъ біологіи. Въ первую книжку, кромѣ опредѣленія границъ и области біологіи въ томъ смыслѣ, въ которомъ терминъ этотъ будетъ употребляться во всей серіи книжекъ, вошли статьи, отвѣчающія на вопросъ о правѣ вмѣшательства біологіи въ рѣшеніе „соціальныхъ проблемъ“: итоги борьбы біологовъ и соціологовъ за послѣдніе тридцать лѣтъ, данныя, свидѣтельствующія о неотложнѣйшихъ случаяхъ вмѣшательства точнаго знанія въ рѣшеніе вопросовъ общественной жизни („наука, какъ критерій качества жизни“); о не-удачныхъ попыткахъ учesty звѣря въ человѣкѣ философи, чуждыми точныхъ біологическихъ знаній (Ренанъ и Ничше) и, наконецъ, объ идеѣ о гармоническомъ развитіи человѣка, какъ средствѣ выйти изъ

¹⁾ Нельзя, поэтому, не привѣтствовать попытки книгоиздательства «Образованіе» систематически знакомить читателей съ новѣйшими успѣхами въ области біологіи, давъ рядъ книгъ по различнымъ ея вопросамъ.

кризиса, созданнаго „дисгармоническимъ развитіемъ его физическихъ и психическихъ силъ“.

Во вторую книжку войдутъ статьи о генезисѣ материнскаго чувства и семьи у животныхъ; о факторахъ эволюціи материнства у животныхъ и человѣка; о генезисѣ и эволюціи общественности; о взаимоотношеніи семьи и общественности, какъ біологическихъ организацій и др. Въ третью и слѣдующія книжки войдутъ статьи: о біологіи и психологіи толпы, о біологическихъ основахъ этики, о психологической индивидуальности, о біологіи школы, о біологіи искусства, объ индивидуальности и большинствѣ, о роли личности въ исторіи, о біологіи и логикѣ смерти и др.

Мнѣ остается добавить, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ статей уже были мною напечатаны въ журналахъ: „Русская Мысль“, „Русское Богатство“, „Научное Обозрѣніе“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Вопросы философіи и психологіи“ и появляются здѣсь частью измѣненными, частью дополненными, другія же составляютъ часть моего курса по общей біологіи, который я читалъ въ Московскомъ Университетѣ и „Высшей русской школѣ общественныхъ наукъ“ въ Парижѣ, когда во главѣ этого интереснаго учрежденія стоялъ нашъ извѣстный ученый и общественный дѣятель, М. М. Ковалевскій.

Границы и область биологii.

1.

Неопредѣленность границъ биологii, какъ самостоятельной дисциплины естествознанiя.—Крайнiя точки зрѣнiя на предметъ.—Историческiя данныя въ рѣшенiи вопроса.

Нѣтъ дисциплины естествознанiя, взгляды на область и границы которой представляли-бы собою такую пестроту и разнообразiе, какiя мы встрѣчаемъ въ опредѣленiи биологii. По мнѣнiю однихъ, напр., задача этой науки исчерпывается описанiемъ нравовъ и образа жизни животныхъ; по мнѣнiю другихъ, биологiя есть не болѣе и не менѣе, какъ философiя всей естественной исторiи организованныхъ тѣлъ.

Таково различiе воззрѣнiй на область и границы биологii; таково-же различiе и во взглядахъ на ея значенiе. Въ то время какъ одни утверждаютъ, что биологiя составляетъ вѣнецъ науки о живой природѣ, науки, уже способной служить базисомъ для рѣшенiя сложныхъ вопросовъ социальной жизни, другiе, отступая шагъ за шагомъ въ опредѣленiи границъ этой области знанiя, приходятъ, наконецъ, къ мнѣнiю, что основной вопросъ биологii, около котораго вращаются все остальные—вопросъ о борьбѣ за существованiе и естественномъ отборѣ — представляетъ собою не болѣе, какъ сумму бесплодныхъ разговоровъ, въ которыхъ произволъ царитъ въ полной силѣ.

Придумать болѣе широкое различіе въ опредѣленіи границъ науки и ея значенія едва ли возможно.

Легко понять изъ сказаннаго, что прежде, чѣмъ приступить къ изученію біологіи, какъ одного изъ источниковъ познанія человѣка, какъ индивида и члена коллективности, необходимо разобратъся въ этихъ противорѣчивыхъ, взаимно исключаютъ другъ друга мнѣніяхъ: необходимо потому, что, не опредѣливъ отношенія біологіи къ другимъ сосѣднимъ дисциплинамъ знанія, мы не будемъ имѣть возможности выяснитъ ни ея собственную область, ни ея границы, ни, наконецъ, значенія ея, какъ науки.

Къ рѣшенію этой нелегкой задачи ведутъ нѣсколько путей. Можно, изучивъ разныя точки зрѣнія на предметъ, остановиться на одной изъ нихъ и выставитъ въ защиту этого избраннаго опредѣленія науки рядъ болѣе или менѣе оригинальныхъ и убѣдительныхъ соображеній. Можно также, не останавливаясь ни на одномъ изъ имѣющихся въ наукѣ опредѣленій области и границъ біологіи, дать свое новое. И тотъ и другой путь однако едва-ли способны устранить затрудненія.

Заявленія, вродѣ нижеслѣдующихъ: „такъ я опредѣляю область біологіи и ея границы и предлагаю подраздѣлитъ ее на такія-то и такія-то части“, или: „такъ я понимаю задачи біологіи и въ этомъ смыслѣ буду разумѣть ихъ въ моемъ трактатѣ“,—рѣдко бывають убѣдительными. Нуженъ другой путь, чтобы придти къ рѣшенію задачи, для всѣхъ одинаково обязательному, и таковымъ едва-ли можетъ быть иной, кромѣ историческаго. Его обычное неудобство—длиннота—въ нашемъ случаѣ является не особенно осязательнымъ, такъ какъ огромный періодъ времени, лежащій за рубежомъ XVIII вѣка, по нашему мнѣнію, имѣетъ для біологіи весьма спорное и, во всякомъ случаѣ, очень отдаленное значеніе, а попытка Осборна установить

связь біологіи нашихъ дней съ ученіемъ мудрецовъ глубокой древности, на нашъ взглядъ, грѣшитъ совершенно очевидной искусственностью.

Прежде всего по поводу классической древности отмѣчу, что наши сужденія объ ученіи философовъ ¹⁾, предшествовавшихъ Плагону, строятся на основаніи весьма скудныхъ и не всегда достовѣрныхъ отрывковъ. Далѣе, даже и тогда, когда подлинность сочиненій не подлежитъ сомнѣнію, отрывки эти толкуются очень различно, такъ какъ имѣютъ различное значеніе въ связи съ предыдущимъ или послѣдующимъ, которое для насъ бываетъ не всегда извѣстно. Наконецъ, даже тогда, когда два указанныхъ затрудненія устранены и получается достовѣрный и законченный текстъ, то оказывается, что цитаты, въ которыхъ нѣкоторые историки науки хотятъ видѣть элементы эволюціонной теоріи, на самомъ дѣлѣ представляютъ собою лишь туманныя и неопредѣленныя догадки, едва-ли способныя служить доказательствомъ связи изрѣченій мудрецовъ древности съ современной намъ научной біологіей. „Мыслить вѣчность, говорить одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ біологовъ, можно было также успѣшно подъ синимъ небомъ Эллады, какъ и подъ сѣренькимъ небомъ Берлина, но дать научное объясненіе самому ничтожному факту можно только тогда, когда для этого приспѣетъ время: наука—дѣло времени“.

Для біологіи оно, по нашему мнѣнію, приспѣло лишь къ началу XVIII вѣка, и мы вслѣдствіе этого обойдемъ молчаніемъ какъ періодъ классической древности, такъ и слѣдующій за Аристотелемъ періодъ исторіи науки вплоть до того времени, когда Линней создалъ свою знаменитую систему растительнаго и животнаго

¹⁾ Я имѣю въ виду исключительно тѣ ихъ возрѣнія, которыя стоятъ въ связи съ естественной исторіей организованныхъ тѣлъ.

царствъ, а Бюффонъ, пользуясь матеріаломъ науки, поставилъ на очередь основные вопросы біологіи, исходя не изъ апріорныхъ началъ метафизики, не изъ сопоставленія и критики догадокъ классическихъ писателей, а на основаніи добытыхъ къ этому времени и прочно установленныхъ наукою фактовъ.

II.

Естественная исторія организованныхъ тѣлъ съ первой половины XVIII вѣка до 1809 г.—Бюффонъ.—Выдвинутые имъ на очередь вопросы естествознанія.—Дальнѣйшее развитіе науки: Гребергъ, Палласъ, Эразмъ Дарвинъ.

Съ того момента, когда естествознаніе Западной Европы, окончивъ счеты съ перипатетиками и схоластикой, становится на путь самостоятельнаго изслѣдованія,—моментъ, который хронологически лишь очень приблизительно можно отнести къ XV—XVI вѣкамъ,—главное русло научнаго движенія составляетъ изъ работъ, задача которыхъ заключается въ описаніи растеній и животныхъ съ точки зрѣнія ихъ внѣшняго строенія. Морфологія такимъ образомъ является на исторической сценѣ первой по очереди. Нѣсколько позднѣе къ описанію внѣшнихъ признаковъ организаціи присоединяется описаніе внутреннихъ органовъ того или другого животнаго и ихъ дѣятельности. Это—анатомія и физиологія животнаго царства ¹⁾).

Когда начатыя изслѣдованія, годъ за годомъ приобрѣтая новые факты, накопили такое количество матеріала, что пользованіе имъ становилось затруднительнымъ, на очередь выступаетъ новая задача, непосредственно вытекающая изъ сдѣланнаго ранѣе: задача такъ сгруппировать матеріаль, чтобы до-

¹⁾ Анатомія и физиологія растеній явилась позднѣе.

ступно было имъ пользоваться съ возможною легкостью. Является рядъ болѣе или менѣе удовлетворяющихъ потребность классификаціи. Огромный періодъ времени идетъ на эти работы, т. е. на собраніе матеріала и на усовершенствованіе способовъ его группировки; классификаціи, удовлетворявшія только удобству пользованія матеріаломъ, мало по малу начинаютъ уступать свое мѣсто классификаціямъ, которыя, распредѣляя матеріаль на группы, руководствуются внутренней связью этихъ группъ между собою. Задачу эту рѣшаетъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда хорошо собраннаго научнаго матеріала накапливается очень много, знаменитый Линней. Заслуги его въ этомъ отношеніи достаточно извѣстны, и потому я ограничусь лишь немногими словами.

Необычайный успѣхъ въ описательной естественной исторіи, достигнутый Линнеемъ, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ предложилъ классификацію животныхъ и растений, въ такой степени раціональную и логичную, что до сихъ поръ еще она во многихъ отношеніяхъ составляетъ *vide mesum* изучающихъ животныя и растительныя формы. Натуралисты до Линнея, теряясь въ безконечномъ хаосѣ собраннаго въ наукѣ матеріала, тщетно подыскивали номенклатуру и классификацію, которую Линнею удалось установить путемъ, такъ называемой, двучленной номенклатуры. Благодаря такому приему, въ первый разъ получилась возможность классифицировать громадное количество формъ и обнять однимъ взглядомъ всю ихъ сумму, методически раздѣленную въ порядкѣ раціональной системы. Это дало возможность впервые выдвинуть цѣлый рядъ вопросовъ и приступить къ разработкѣ ихъ на почвѣ фактовъ и наблюденій, хотя-бы очень незначительныхъ и неважныхъ.

Итакъ, многолѣтнее накопленіе матеріала, обнимаю-

щее собою длинный періодъ лѣтъ, къ началу XVIII вѣка, благодаря трудамъ Линнея, завершается естественной его группировкой, которая даетъ возможность перенести общіе вопросы естествознанія изъ области метафизики и теологіи на почву наблюденій и фактовъ.

Первымъ и центральнымъ изъ этихъ вопросовъ, около котораго группируются всѣ остальные и разработка котораго, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, объединила въ одно характерное цѣлое плеяду натуралистовъ-философовъ, былъ вопросъ о видѣ и его происхожденіи. Какъ рѣшалъ эти вопросы самъ Линней, долго на нихъ однако не останавливавшійся, можно видѣть изъ слѣдующихъ его соображеній.

Различныхъ видовъ, говорить ученый, столько-же, сколько создано безконечнымъ Существомъ первоначально различныхъ формъ. („Species tot sunt diversae formae, quod ab initio creavit infinitum Ens“). Такимъ образомъ Линней совершенно ясно высказалъ идею о постоянствѣ вида, идею о томъ, что, разсматривая нынѣ живущія существа, мы имѣемъ передъ глазами тѣ-же формы, какія образовались при началѣ міра. Изъ положеній Линнея, какъ-то: „Simile semper parit sui simile“ и „nullae species novae hodie-
num producuntur; nullae dantur novae species“—вытекаетъ, что нынѣшніе виды преемственно произошли отъ первозданныхъ и вслѣдствіе полнаго наслѣдственнаго сходства повторяютъ ихъ вполнѣ; причемъ новыхъ видовъ не образовалось ни посредствомъ измѣненій первозданнаго типа, ни вслѣдствіе новаго творенія.

Линней не замѣтилъ, что собранный имъ къ этому времени и имъ самимъ обработанный матеріалъ уже давалъ возможность нѣсколько иначе отнестись къ на-
зрѣвавшему вопросу о видѣ, какъ основной единицѣ классификаціи; эта задача выпала на долю современ-

ника Линнея—Бюффона (1707—1788). Огромная заслуга этого бесспорно гениальнаго челоуѣка передъ нашей наукой заключается въ томъ, что онъ не только поставилъ въ XVIII вѣкѣ тѣ вопросы, которые намѣчались научнымъ матеріаломъ того времени, но сумѣлъ понять ихъ капитальное значеніе и смѣло выставилъ ихъ, какъ знамя новаго теченія науки.

Это обстоятельство обязываетъ насъ остановиться на главнѣйшихъ изъ выводовъ этого ученаго съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что заслуга его передъ наукой признается далеко не всѣми одинаково. Рядомъ съ натуралистами, которые не находятъ словъ достаточно превознести геній ученаго, мы встрѣчаемъ другихъ, которые не признаютъ за нимъ заслугъ именно тамъ, гдѣ первые ихъ видятъ по преимуществу ¹⁾).

1) Вотъ для образчика два рода оцѣнокъ натуралистовъ, уже сошедшихъ съ жизненной сцены.

Нельзя не признать того, что Бюффонъ замедлялъ истинные успѣхи естествовѣдѣнія тѣмъ презрѣніемъ, которое онъ внушилъ къ системамъ... Однако же, нельзя отвергнуть и того, что онъ собралъ много интересныхъ и неизвѣстныхъ до того времени фактовъ. Эти слова высказаны были въ *Introduction des actes de la Societ  d'histoire naturelle de Paris. 1792 г., т. XII. Предисловіе* это носитъ заглавіе: *Discours sur l'origine et les progr s de l'histoire naturelle en France* и написано секретаремъ Общества Millin. Замѣтимъ, что Общество имѣло цѣлью утвердить за Франціей то значеніе, которое „она должна имѣть въ естествовѣдѣніи“ и которое уменьшилось изъ-за Бюффона, по мнѣнію новаго поколѣнія, „рѣшившагося со смертію его“ оставить старику его ошибки и предрассудки.

А вотъ другое, противоположное: „Считаю себя счастливымъ, что могу повторить со столькими другими то, что болѣе шестнадцати лѣтъ тому назадъ я говорилъ почти одинъ: Бюффонъ столько же великъ, какъ естествоиспытатель и мыслитель, сколько великъ, какъ писатель *Majestati naturae par ingenium*. Если онъ является такимъ великимъ писателемъ, то это только потому, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и великій мыслитель“. (Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ. Общая Біологія.

Причинъ этого явленія главнымъ образомъ двѣ. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что Бюффонъ въ разные періоды жизни говорилъ не одно и то же, другими словами, что онъ измѣнялъ свои теоретическія воззрѣнія. Вторая—въ томъ, что онъ брался, между прочимъ, за такіе вопросы, для рѣшенія которыхъ вовсе не имѣлъ фактическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего являлся въ глазахъ натуралистовъ не ученымъ естественнымъ испытателемъ, а метафизикомъ.

Что касается измѣчивости его идей, то фактъ этотъ свидѣтельствуесть лишь о ростѣ его міросозерцанія по мѣрѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ все новыя и новыя знанія. Въ то время, напримѣръ, какъ въ первыхъ томахъ своего знаменитаго творенія Бюффонъ не только не слѣдуетъ какой-либо системѣ, но отвергаетъ возможность и пользу всякой классификаціи и описываетъ домашнихъ животныхъ даже въ умышленномъ безпорядкѣ, дикія четвероногія уже соединяются имъ въ родственныя группы; при описаніи птицъ мы не только встрѣчаемъ семейства, но и самыя семейства расположены въ нѣкоторомъ порядкѣ. Въ послѣднихъ томахъ Бюффонъ говоритъ о видахъ, родахъ и семействахъ, какъ о группахъ вполне определенныхъ.

Что касается до происхожденія видовъ, то съ одной стороны мы встрѣчаемъ у него цитаты, представляющія его единомышленникомъ Линнея, какъ слѣдующая, напримѣръ: *Les espèces dans les animaux sont toutes séparées par un intervalle que la nature ne peut franchir* («Histoire naturelle» Т. V стр. 59, 1755), а съ другой—находимъ идеи совершенно иного порядка. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ въ изложеніи Ж. С. Илера ¹⁾.

Въ то время, какъ Линней и его ближайшіе послѣ-

¹⁾ „Общая Біологія“, стр. 78.

дователи считали видъ за реально существующее явленіе въ природѣ, онъ даже тогда, когда пользовался услугами классификаціи животныхъ, постоянно утверждалъ, что всѣ систематическія единицы суть не болѣе, какъ изображеніе представленія человѣческаго ума, имѣющее назначеніемъ облегчить изученіе природы.

По вопросу объ измѣняемости видовъ Бюффонъ, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ, высказываетъ съ полною опредѣленностью, что, не имѣя возможности размножаться всюду, большинство животныхъ ограничены извѣстными климатическими условіями и даже извѣстными мѣстностями. Животныя одного материка не встрѣчаются на другомъ, а если и встрѣчаются, то они уже переродились, уменьшились въ ростѣ, измѣнились до неузнаваемости.

Поворотъ въ мнѣніи Бюффона на измѣняемость формъ, повидимому, былъ вызванъ изученіемъ фауны Америки, гдѣ животныя, будучи въ общемъ сходны съ животными стараго свѣта, отличались отъ нихъ однако болѣе или менѣе существенно. Бюффонъ высказывается за то, что американскія животныя въ сущности тѣ же, что и животныя стараго свѣта и произошли отъ этихъ послѣднихъ, но, подвергнувшись дѣйствию новаго климата, измѣнились въ силу тѣхъ же причинъ, вслѣдствіе которыхъ произошло и самое разобщеніе континентовъ.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы Бюффонъ понималъ измѣняемость видовъ такъ, какъ мы понимаемъ ее въ настоящее время. До этого еще было далеко; въ какихъ границахъ именно онъ признавалъ ее, сказать трудно, потому что ученый не характеризуетъ различіе между родомъ и семействомъ; тѣмъ не менѣе, что измѣняемость онъ признавалъ въ той или иной формѣ, это съ полною очевидностью вытекаетъ изъ нижеслѣдующихъ словъ натуралиста: *La forme constitu-*

tive de chaque animal s'est conservée la même et sans alteration des ses principales parties... Les individus de chaque genre representent aujourd'hui les formes de ceux des premiers siècles, surtout dans les espèces majeurs; car les espèces inférieurs ont éprouvé d'une manière sensible tout les effet des différentes causes de dégénération ¹⁾

Высказавъ свой взглядъ на измѣняемость видовъ, Бюффонъ говоритъ затѣмъ, что виды, измѣняясь, совершенствуются и вырождаются (denaturer). Онъ указываетъ и на причины такихъ измѣненій, которыя заключаются въ измѣненіи окружающихъ условій. Климатъ, свойства пищи и (для домашнихъ животныхъ) гнетъ порабощенія—вотъ, говоритъ онъ, три причины вырожденій и измѣненій въ животныхъ (Loc. с. Т. XIV, стр. 335).

Бюффонъ впервые отмѣчаетъ тотъ фактъ, ключъ къ пониманію котораго былъ данъ почти сто лѣтъ спустя Дарвиномъ. „Обычный ходъ природы“,—читаемъ мы у Бюффона,—„въ общемъ всегда тотъ же, всегда постояненъ; его движеніе всегда правильное, опирается на два непоколебимыхъ пункта: одинъ это—безграничная плодovitость, которой одарены всѣ виды; другой—безчисленныя препятствія, которыя низводятъ эту плодovitость къ опредѣленной мѣрѣ, и дѣлаютъ то, что во всякое время количество особей одного и того же вида приблизительно одно и то же“ ²⁾.

Ис. Ж. С. Илеръ, указывая на отмѣченные нами заслуги Бюффона, говоритъ, что „онъ возвысился до сознанія единства плана въ твореніи животныхъ“ (стр. 78).

Нижеслѣдующія слова Бюффона показываютъ, что въ указаніи Ис. Ж. С. Илера нѣтъ преувеличенія: „Если среди громаднаго разнообразія существъ, населяющихъ

¹⁾ «Époque de la nature», Suppl. T. V, стр. 27.

²⁾ Osborn. From the Greeks to Darwin. 1894, стр. 136 и слѣд.

земной шаръ, мы выберемъ одно, напр., человѣка, какъ исходный базисъ нашихъ познаній, то мы найдемъ, что, хотя всѣ животныя существуютъ вполне независимо и варьируютъ постепенно до безконечности, все-таки существуетъ первичный и общій планъ, который можно прослѣдить очень далеко и отступленія отъ котораго совершаются гораздо медленнѣе, чѣмъ измѣненія въ формѣ и другихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Ибо, не говоря уже объ органахъ пищеваренія, кровообращенія и воспроизведенія, которые свойственны всѣмъ животнымъ и безъ которыхъ животное перестало бы быть таковымъ и не могло бы ни существовать, ни размножаться, существуетъ даже въ тѣхъ частяхъ, которыя обусловливаютъ наибольшее внѣшнее варьированіе, чудесное сходство, напоминающее намъ идею общаго плана, подъ влияніемъ котораго все начато“.

И далѣе: „Творя животныхъ, Высшее Существо употребляло всегда одну только идею, заставляя ее варьировать всевозможными способами“.

Таковы нѣкоторыя изъ воззрѣній Бюффона на тѣ общіе вопросы естественной исторіи, которые были выдвинуты къ тому времени собраннымъ матеріаломъ.

Подсказать ихъ Бюффону въ то время, когда его современники держались ученія Линнея, не допуская возможности какихъ-либо поправокъ, могла необычайная его прозорливость и способность къ глубокому пониманію явленій природы. Принимая во вниманіе эти воззрѣнія, принимая во вниманіе, при какихъ условіяхъ они разрабатывались, едва ли стоитъ ставить ему въ упрекъ измѣнчивость его взглядовъ на тотъ или другой вопросъ: она несомнѣнно была, но свидѣтельствуетъ она не о поспѣшности заключеній, не о неустойчивости ума этого великаго натуралиста, а о чрезвычайной трудности прокладыванія новыхъ путей для рѣшенія назрѣвающихъ задачъ біологіи.

Изъ сказаннаго о Бюффонѣ понятно, какъ далеко опередилъ онъ современниковъ въ своихъ воззрѣнiяхъ на основные вопросы науки; само собою разумѣется, поэтому, что его взгляды не могли встрѣтить и, какъ мы знаемъ, дѣйствительно не встрѣтили сочувствiя у огромнаго большинства натуралистовъ XVIII вѣка. Мало того: они единодушно были признаны грубымъ и вреднымъ заблужденiемъ.

Послѣ Линнея, какъ и до него, господствующимъ направленiемъ въ наукѣ было чисто эмпирическое. Въ этомъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что имена самыхъ выдающихся дѣятелей въ исторiи нашей науки за разсматриваемый періодъ времени медленнаго накопленiя научнаго матеріала и обработки его этимъ методомъ слѣдуютъ одною непрерывною цѣпью отъ Линнея до Дарвина. Вокругъ этихъ именъ, передъ числомъ которыхъ представители, такъ называемаго, философскаго направленiя составляютъ едва замѣтное меньшинство, группируется и главная масса рабочихъ рукъ ¹⁾.

¹⁾ С. Er. Baer («Ueber Entwicklungsgeschichte der Thiere. Beobachtung und Reflexion»), Haeckel («Histoire de la création naturelle») и другіе смотрятъ на дѣло нѣсколько иначе. Они полагаютъ, что въ историческомъ развитiи биологiи съ эпохи Линнея мы замѣчаемъ чередующееся преобладаніе, то эмпирическаго или точнаго метода, то философскаго или спекулятивнаго. Намъ этотъ взглядъ представляется не вполне согласнымъ съ фактами. Если въ извѣстные моменты натурфилософское направленіе бросалось въ глаза съ особенною яркостью, такъ это потому лишь, что высказываемыя время отъ времени представителями этого направленiя идеи обращали на себя общее вниманіе ученыхъ. Что господствующимъ методомъ во все это время однако, дѣйствительно, былъ методъ эмпирическій — это, быть можетъ, всего нагляднѣе доказывается тѣмъ, что лишь въ 30-мъ году нашего столѣтiя представители эмпиризма, въ лицѣ Кювье, сочли доктрины натурфилософовъ достигшими такого развитiя, при которомъ съ ними сдѣлалось необходимымъ считаться. Результатъ спора Кювье съ Эт. Ж. С. Илеромъ.

Открытый Бюффономъ (пусть изысканій однако не могъ не найти послѣдователей и поднятые имъ вопросы въ связи съ вопросомъ о видѣ привлекають все большее и большее вниманіе натуралистовъ.

Отмѣтимъ изслѣдованія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Гребергъ въ своей диссертациі „Fundamentum fructificationis“ (1762), высказываетъ предположеніе, что всѣ виды одного рода составляли вначалѣ одинъ видъ. Онъ такъ же, какъ Бюффонъ и всѣ сторонники измѣняемости видовъ, даетъ свои объясненія причинъ этого явленія. Единственнымъ факторомъ, ихъ порождающимъ, по мнѣнію Греберга, является образованіе помѣсей. Онъ говоритъ, что многіе виды одного и того же рода произошли отъ того, что самки первобытнаго вида помѣшались съ самцами другихъ первобытныхъ видовъ: слѣдовательно, Гребергъ считалъ нынѣшніе виды за происшедшихъ отъ помѣсей нѣсколькихъ первобытныхъ видовъ, сдѣлавшихся въ настоящее время родовыми типами, и эти-то типы онъ полагалъ существовавшими отъ начала, т. е. тѣмъ, за что Линней считалъ свои species.

Въ 1784 г. Палласъ ²⁾ высказалъ аналогичное мнѣніе относительно происхожденія домашнихъ животныхъ. Онъ предполагалъ, что многочисленныя породы ихъ произошли отъ смѣшенія типическихъ видовъ домашнихъ животныхъ съ различными видами дикихъ животныхъ.

Въ 1794 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе Эразма Дарвина, дѣда знаменитаго автора „Происхожденія видовъ“, *Zoonomia*, въ которомъ многіе не безъ основанія

по тогдашней его оцѣнкѣ, наглядно убѣждаетъ насъ, въ какомъ изъ этихъ направленій была сила и гдѣ лежало преобладаніе.

²⁾ «Memoire sur la variation des animaux». Mem. d. l'Ac. de St. Petersb.

видять предшественника Ламарка. Эразмъ Дарвинъ приводитъ цѣлый рядъ доводовъ, которыми стараются установить идею о томъ, что организованныя существа произошли отъ одного или нѣсколькихъ зародышей ¹⁾).

Причинами измѣняемости являются, по его мнѣнію, во первыхъ, факторы, доступные наблюденію, каковы, напримѣръ, климатическія условія, а, во вторыхъ, факторы, недоступные наблюденію; такимъ факторомъ является стремленіе зародыша къ совершенствованію, вложенное въ него при самомъ его созданіи. Онъ говоритъ: „всѣ теплокровныя животныя произошли отъ одного живого волокна, которое великая конечная причина одарила животною жизнью, способностью пріобрѣтать новыя части, снабженныя новыми наклонностями, направляемыми возбужденіями, ощущеніями, хотѣніями и ассоціаціями, и которое такимъ образомъ было способно далѣе совершенствоваться въ силу своей собственной врожденной дѣятельности“.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, по мнѣнію Эразма Дарвина, стремленіе къ прогрессу представляется уже predeterminedнымъ.

Въ этомъ именно пунктѣ воззрѣнія Эразма Дарвина совпадаютъ, какъ мы увидимъ, съ воззрѣніями Ламарка, и ихъ имѣлъ въ виду Чарльзъ Дарвинъ, когда писалъ: „любопытно, до какой степени мой дѣдъ—д-ръ Эразмъ Дарвинъ—предупредилъ Ламарка въ ошибочныхъ основаніяхъ его мысли и его взглядовъ“.

Совпадаютъ воззрѣнія названныхъ ученыхъ и въ томъ отношеніи, что, по мнѣнію ихъ обоихъ, рядомъ съ нер-

¹⁾ Подъ зародышемъ авторъ разумѣетъ «волокна», которыя, какъ онъ предполагаетъ, образовались «концомъ перваго волокна» и одарены частью личными свойствами, частью наследственными, перешедшими къ нимъ вслѣдствіе того, что они составляютъ часть родительскаго организма.

воначально вложеннымъ стремленіемъ къ прогрессу, они допускають возможность измѣненія животныхъ путемъ процессовъ, порождаемыхъ ихъ собственными желаніями. Развитие зародышей каждаго типа опредѣлялось какъ его свойствами, такъ и ощущеніями, испытываемыми ими въ опредѣленную стадію: чувствомъ довольства или страданія и, наконецъ, его усиліями продлить наслажденіе или избавиться отъ страданія. Эти чувства вытекають изъ возможности или невозможности удовлетворить основнымъ, свойственнымъ зародышамъ всѣхъ типовъ, потребностямъ: размножаться, питаться и жить въ безопасности.

Я не буду останавливаться на разсмотрѣніи этихъ воззрѣній ученаго, такъ какъ мнѣ придется это сдѣлать, разбирая аналогичныя воззрѣнія Ламарка, который ихъ выразилъ съ несравненно большею опредѣленностью и научностью.

Далѣе, Э. Дарвинъ трактуеть объ измѣненіяхъ внѣшнихъ условій, какъ о причинахъ видоизмѣненій организмовъ. Указывая на явственное сходство типовъ животныхъ, какъ на доказательство ихъ первоначальнаго родства, онъ принимаетъ ихъ уклоненія другъ отъ друга за результатъ различій въ образѣ жизни, причемъ такія различія произошли путемъ непосредственнаго приспособленія. Перечисливъ различныя приспособленія животныхъ для добыванія пищи, онъ говоритъ, что всѣ они, повидимому, „постепенно образовались въ продолженіе многихъ поколѣній путемъ постоянныхъ усилій существъ удовлетворить потребности въ пищѣ и передавались потомству, постоянно совершенствуясь для достиженія требуемыхъ цѣлей“. Въ качествѣ примѣра измѣненій, вырабатываемыхъ измѣненіемъ условій, онъ приводитъ признаки, пріобрѣтенные домашними животными.

Въ книгѣ Эразма Дарвина мы встрѣчаемъ такимъ

образомъ цѣлый рядъ новыхъ догадокъ, которыя имѣютъ своей основой новыя фактическія данныя и новыя наблюденія. Стремленіе дать этимъ отрывочнымъ наблюденіямъ опредѣленное единство привело Эр. Дарвина, какъ въ свое время Бюффона, къ построенію гипотезъ совершенно метафизическаго характера. Иначе не могло и быть, разумѣется, принимая во вниманіе отрывочность наблюденій и незначительное число фактовъ.

Волокно—зародышъ, которое съ ростомъ получаетъ новыя способности, порождающія, по Эр. Дарвину, новыя привычки, въ сущности, представляетъ сплошную метафизику. Но цѣнность отдѣльныхъ наблюденій и заключеній, на нихъ построенныхъ, отъ этого, разумѣется, не уменьшается. Такъ, мы находимъ у него рядомъ съ соображеніями, не имѣющими никакой цѣны, идею о томъ, наприм., что окраска животныхъ можетъ служить имъ средствомъ быть незамѣтными, что битвы самцовъ имѣютъ цѣлью обезпечить сохраненіе вида посредствомъ болѣе сильныхъ и активныхъ особей и т. п.

Изслѣдованіями Эразма Дарвина мы закончимъ разсматриваемый періодъ исторіи нашей науки. Слѣдующій періодъ этой исторіи открывается двумя событіями огромной важности, возникновеніемъ идеи безграничной измѣняемости видовъ и накопленіемъ такого обильнаго матеріала на почвѣ общихъ вопросовъ естествознанія, которое привело къ обособленію извѣстной ихъ группы въ отдѣльную дисциплину науки, получившую названіе биологіи.

III.

Обособленіе біологін, какъ новой дисциплины знанія.—Тревиранусъ.—Ламаркъ.—Основныя положенія гипотезы Ламарка.—Этьенъ Жоффруа-Сентъ-Илеръ; отличіе его ученія отъ гипотезы Ламарка.—Дальнѣйшее развитіе біологін; «Слѣды творенія», Гоффмейстеръ.—Исидоръ Жоффруа-Сентъ-Илеръ; основныя положенія его ученія, область біологін или философіи естественной исторіи органическихъ тѣлъ.

Идея безграничной измѣняемости видовъ, какъ и многія другія научныя идеи, пришла въ голову, независимо другъ отъ друга, нѣсколькимъ выдающимся умамъ эпохи. Назрѣвшая мысль какъ бы носилась въ воздухѣ: ей оставалось дать плоть и кровь. Совершенно опредѣленно она высказывается Ламаркомъ и Тревиранусомъ, независимо другъ отъ друга, въ 1809 г.; независимо-же другъ отъ друга на рубежѣ XIX вѣка ими устанавливается подъ названіемъ біологін новая дисциплина науки, въ которую они включают скопленный къ этому времени матеріалъ по вопросамъ о видѣ и его измѣненіи, т. е. тѣмъ общимъ вопросамъ науки, которые наканунѣ XVIII вѣка составляли достояніе теологін и метафизики¹⁾.

Тревиранусъ трактуетъ слѣдующимъ образомъ во-

¹⁾ Первый томъ «Biologie ou philosophie de la nature vivante» Тревирануса появился въ 1803 г., т. е. въ томъ же, въ которомъ Ламаркъ выступилъ со своею рѣчью о видѣ, а послѣдній въ 1805. Основнымъ вопросомъ изслѣдованія является, какъ сказано, вопросъ о происхожденіи видовъ.

Геккель («Histoire naturelle» стр. 68) даетъ такую оцѣнку видамъ названнаго ученаго: Тревиранусъ въ самомъ началѣ столѣтія въ первыхъ своихъ большихъ работахъ, въ его «Biologie ou philosophie de la nature vivante» выражалъ уже взгляды совершенно съ нами согласные, на единство природы и генеалогическую связь организмовъ.

В. А. Вагнеръ.

прось о происхожденіи видовъ: „каждая живая форма можетъ быть произведена физическими силами двоякимъ образомъ: она можетъ произойти или отъ аморфной матеріи, или посредствомъ измѣненія отъ формы уже существующей. Въ послѣднемъ случаѣ первой причиной измѣненія можетъ быть либо вліяніе оплодотворяющаго вещества на зародышъ, либо вліяніе другихъ силъ, появляющихся лишь послѣ оплодотворенія. Каждая живая форма надѣлена способностью поддаваться многообразнымъ измѣненіямъ и приспособляться къ измѣненіямъ, совершающимся во внѣшнемъ мірѣ. Эта-то способность, въ связи съ измѣненіями среды, дала возможность простымъ зоофитамъ достигъ все болѣе и болѣе высокихъ степеней организаціи и ввела въ живую природу безконечное разнообразіе“. Зоофиты Тревирануса суть организмы самаго низшаго порядка съ самой элементарной организаціей, особенно тѣ существа, которыя занимаютъ средину между животными и растеніями. Эти зоофиты, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, представляютъ примитивныя формы, отъ которыхъ произошли всѣ организмы высшихъ классовъ путемъ постепеннаго развитія. Кромѣ того, мы полагаемъ, что каждый видъ, такъ же, какъ и каждый индивидуумъ, проходитъ извѣстные періоды роста и смерти, но что смерть вида есть не разложеніе, какъ у индивидуума, а дегенерація. Подъ этимъ терминомъ Тревиранусъ разумѣетъ не то, что въ наше время подъ нимъ разумѣютъ вообще, но „дегенерація“ есть то, что мы называемъ приспособленіемъ или измѣненіемъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ. Тревиранусъ объясняетъ метаморфозъ органическихъ видовъ приспособленіемъ, а ихъ сохраненіе наслѣдственностью. Многообразность органическихъ формъ онъ относитъ къ совокупному дѣйствію приспособленія и наслѣдственности, что ясно вытекаетъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ его книги. На-

сколько правильно Тревиранусъ понималъ взаимную зависимость всѣхъ живыхъ существъ другъ отъ друга, явствуетъ изъ слѣдующей выдержки его біологів: „Живой“ индивидуумъ зависитъ отъ вида, видъ—отъ рода, этотъ послѣдній—отъ всей живущей природы, а живущая природа отъ организма земли. Такимъ образомъ, индивидуумъ живетъ жизнью, которая ему свойственна, и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ особенный міръ. Но въ силу того, что жизнь его ограничена, онъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ часть въ общемъ организмѣ. Всякое живое тѣло существуетъ міромъ; но обоюдно и міръ существуетъ этимъ живымъ тѣломъ“.

Таково было въ общихъ чертахъ ученіе Тревирануса, съ которымъ натуралистъ выступилъ въ 1803 г.

Въ 1809 г. появилось знаменитое изслѣдованіе Ламарка „Philosophie Zoologique“, который высказалъ свои идеи о безконечной измѣняемости видовъ еще въ 1801 году, т. е. тремя годами раньше, чѣмъ это сдѣлалъ Тревиранусъ. Гипотеза Ламарка въ своихъ основныхъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Каждый видъ, подъ вліяніемъ условій, въ которыхъ онъ жилъ въ теченіе долгаго времени, пріобрѣлъ привычки, которыя, въ свою очередь, повліяли на организацію особей даннаго вида въ такой степени, что они измѣнили эти части и поставили ихъ въ соотвѣтствіе съ пріобрѣтенными привычками (I. с. стр. 53). Итакъ, первопричину измѣняемости видовъ Ламаркъ видитъ въ измѣненіи внѣшнихъ условій—обстоятельство, отмѣтимъ кстати, которое такъ часто упускается изъ виду современными критиками его ученія. Вотъ дословныя выраженія ученаго: „дѣйствія и привычки животнаго совершенно зависятъ отъ условій, въ которыхъ оно находится, и я постараюсь доказать, какъ велико то вліяніе, которое эти условія оказываютъ на

общій видъ, состояніе частей и даже строеніе организмовъ". (Начало 7-й главы „Philos. Zool.“).

Эта точка зрѣнія выступаетъ еще съ большей опредѣленностью изъ нижеслѣдующаго положенія:

„При помощи достаточнаго промежутка времени, при помощи обстоятельствъ благопріятныхъ, при помощи измѣненій, послѣдовательно испытанныхъ каждою точкою земного шара, однимъ словомъ, при помощи того могущества, которымъ обладаютъ новыя положенія и новыя привычки для того, чтобы измѣнять органы одаренныхъ жизнью тѣлъ, всѣ живыя тѣла, нынѣ существующія, нечувствительно сдѣлались такими, какими мы ихъ видимъ“.

На первомъ мѣстѣ такимъ образомъ стоятъ внѣшнія, вліяющія на жизнедѣятельность организма, условія. Далѣе: „все, что животныя пріобрѣтаютъ или утрачиваютъ вслѣдствіе вліянія на нихъ внѣшнихъ условій, которымъ они подвергаются долгое время, а также вслѣдствіе усиленнаго упражненія или постояннаго неупотребленія органа, передается по наслѣдству потомкамъ, если только пріобрѣтенныя измѣненія были свойственны обоимъ поламъ, которые произвели это потомство“.

Итакъ, сначала вліяніе среды, потомъ употребленіе или неупотребленіе органовъ — таковы факторы, измѣняющіе организмы.

Ламаркъ разъясняетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ:

„Во-первыхъ, всякое замѣтное вліяніе обстоятельствъ, въ которыхъ находится данная порода животныхъ, производитъ въ ней дѣйствительныя измѣненія въ потребностяхъ“. „Во-вторыхъ, всякое измѣненіе въ потребностяхъ животныхъ необходимо вызываетъ другія дѣйствія для удовлетворенія новымъ нуждамъ и, какъ

слѣдствіе, другія привычки“. „Въ третьихъ, всякая новая потребность, обуславливая новыя дѣйствія для ея удовлетворенія, требуетъ отъ животнаго, имѣющаго эту потребность, болѣе частаго употребленія тѣхъ его частей, которыя имъ прежде мало употреблялись, что значительно развиваетъ и увеличиваетъ эти части“.

Если мы присоединимъ къ этому, что, по мнѣнію Ламарка, особи, находясь въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, не пріобрѣтаютъ новыхъ потребностей, не измѣняютъ образа жизни, а потому и виды остаются неизмѣняемыми ¹⁾, то для насъ сдѣлается вполне ясною та роль, которую Ламаркъ приписывалъ дѣйствію среды на измѣняемость организмовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ станетъ совершенно очевидной и связь его ученія съ воззрѣніемъ Бюффона на причины измѣняемости видовъ.

Разница въ томъ, что Бюффонъ признавалъ за средой непосредственную способность измѣнять формы организмовъ, а, по ученію Ламарка, среда вызываетъ лишь измѣненія привычекъ животнаго, т. е. вліяетъ на измѣненія животнаго не прямо, а косвенно. „Не органы животнаго вызываютъ его привычки, говоритъ Ламаркъ, а, наоборотъ, его привычки, его образъ жизни и условія, въ которыхъ находились его предки, съ те-

¹⁾ Это заключеніе имѣетъ своимъ основаніемъ нижеслѣдующія строки «Philosophie zoologique» — стр. 235: «я вѣрю, — говоритъ Ламаркъ, — въ полное сходство животныхъ, мумифицированныхъ (найденныхъ въ египетскихъ пирамидахъ) съ тѣми, которыя встрѣчаются теперь въ Египтѣ: птицы, которыхъ египтяне бальзамировали двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ, сходны съ тѣми, которыя живутъ въ этихъ странахъ и въ настоящее время. Странно было-бы если бы это было иначе, такъ какъ положеніе Египта и его климатъ до сихъ поръ (за весьма малыми отклоненіями) тѣ же, что были и въ ту эпоху, и птицы, теперь тамъ живущія, находясь въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ онѣ находились тогда, не могли быть принуждены измѣнять свои привычки».

ченіемъ времени опредѣляютъ число и состояніе его органовъ и его способностей“.

Какъ именно представлялъ себѣ ученый вліяніе указанныхъ факторовъ на измѣняемость животныхъ формъ, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста его книги.

„Кто не знаетъ, говоритъ онъ, что птица, воспитанная нами въ клѣткѣ, прожившая тамъ лѣтъ 5 или 6 сряду и послѣ этого выпущенная на свободу, уже не въ состояніи летать, какъ летаютъ ей подобныя птицы? Незначительное измѣненіе обстоятельствъ, правда, уменьшило только способность летанія и, конечно, не произвело никакого измѣненія въ формѣ частей птицы. Но если-бы многочисленный рядъ поколѣній особей одной и той-же породы (расы) содержался въ неволѣ въ теченіе значительнаго промежутка времени, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что самая форма частей этихъ особей мало по-малу претерпѣла-бы значительныя измѣненія“¹⁾.

Китъ и муравьѣдъ, по мнѣнію Ламарка, потеряли зубы вслѣдствіе привычки не жевать пищу. Протей потерялъ способность видѣть, потому что, живя въ темныхъ пещерахъ, потерялъ привычку глядѣть, и т. д.

Такова сущность ученія Ламарка по вопросу о происхожденіи видовъ, измѣняемость которыхъ онъ признавалъ безпредѣльной. Геккель²⁾, подводя итоги ученію Ламарка, опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: ученіемъ Ламарка устанавливается, во-первыхъ, что систематическія раздѣленія, классы, порядки, семейства, роды и виды, такъ-же, какъ и ихъ названія, суть чисто искусственныя обозначенія человѣка; во-вторыхъ, что всѣ виды непостоянны; они произошли другъ

1) Г. с. стр. 228.

2) Hist. de la creat. natur. стр. 83.

отъ друга, и ихъ неизмѣняемость (*fixité*) только относительная и временная; разнообразіе условій порождаетъ виды. Различіе въ условіяхъ жизни, измѣняясь, вліяетъ на организацію, общую форму и органы животнаго. Тоже можно сказать и объ употребленіи или неупотребленіи органовъ. Сначала были созданы самыя простыя животныя и растенія, а потомъ существа, надѣленные болѣе сложной организаціей. Геологическая эволюція земного шара и его населеніе совершались постепенно и не прерывались бурными революціями“.

Кромѣ указанныхъ факторовъ измѣняемости видовъ Ламаркъ признаетъ однако еще и другіе, а именно: „усилія внутренняго чувства животныхъ“, которыя могутъ привести къ образованію новыхъ частей (органовъ) (стр. 233) или, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, стремленіе организмовъ къ совершенствованію: („*la progression evidente qui existe dans la composition de l'organisation des animaux*“).

Мы уже познакомились въ общихъ чертахъ съ этими воззрѣніями у Эразма Дарвина.

Ученіе Ламарка, не смотря на множество цѣнныхъ идей, заключало въ себѣ (собственно во 2-й части, въ которой онъ трактуетъ о причинахъ жизни, о происхожденіи жизни, воли и разума, о сущности организаціи, о произвольномъ зарожденіи и т. д.) слишкомъ много гадательнаго, беспочвеннаго, не научнаго, вслѣдствіе чего оно не было оцѣнено его современниками по достоинству и не только не было принято учеными—главнымъ образомъ представителями эмпирическаго направленія,—но было осмѣяно.

Нѣтъ надобности говорить, конечно, что, однажды получивъ движеніе, идея эволюціи не заглохла, а продолжала укрѣпляться.

Ближайшимъ и наиболѣе талантивымъ представи-

телемъ этого движенія въ разсматриваемый періодъ развитія нашей науки является Жоф. Сентъ-Илеръ. Въ первый разъ онъ опубликовалъ свои изслѣдованія по вопросу объ измѣнчивости видовъ въ 1828 году. Ученый этотъ допускаетъ измѣняемость организмовъ, но въ значительно болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, чѣмъ это полагалъ Ламаркъ; не соглашается онъ съ послѣднимъ и по вопросу о причинахъ трансформизма животныхъ. Вопреки мнѣнію Ламарка, С. Илеръ полагаетъ, что трансформизмъ этотъ произошелъ не столько отъ дѣятельности организма (привычки, упражненія, употребленія или неупотребленія органовъ), сколько подъ вліяніемъ „окружающаго міра“, т. е. вѣчныхъ измѣненій внѣшняго міра и между прочимъ атмосферы. Такъ, напр., Ж. С. Илеръ полагаетъ, что фактъ уменьшенія въ атмосферѣ угольной кислоты былъ причиною того, что отъ пресмыкающихся произошли птицы, ибо при большемъ количествѣ кислорода первыя сдѣлались болѣе живыми, энергичными, вслѣдствіе чего возвысилась температура ихъ крови, усилилась нервная и мускульная дѣятельность и чешуя съ теченіемъ времени замѣнилась перьями и т. д. Ученіе объ измѣняемости организмовъ, не смотря на разногласіе ученыхъ, представляло собою къ этому времени такую богатую по фактическому матеріалу область знанія, что строгіе эмпирики не сочли возможнымъ игнорировать его дальше и выступили въ открытую борьбу по центральному вопросу ученія натурфилософовъ—о происхожденіи видовъ.

Достойнымъ противникомъ Этьена Жоффруа Сентъ-Илера выступилъ знаменитый Георгъ Кювье, который стоялъ къ нему приблизительно въ томъ же отношеніи, въ какомъ Линней стоялъ къ Бюффону ¹⁾.

¹⁾ Нѣтъ надобности говорить, конечно, что между Кювье и Ли

Извѣстное столкновение противниковъ въ стѣнахъ академіи имѣло мѣсто 22 февраля и 19 іюня 1830 г.

Жоффруа, какъ глава натурфилософіи во Франціи, защищая теорію естественной эволюціи и унитарное или мовистическое зарождение природы, утверждалъ, что виды измѣняются, имѣютъ общее происхождение и получили начало отъ одной прародительской формы; онъ говорилъ сверхъ того объ единствѣ организациіи или единствѣ плана строенія, по выраженію тогдашняго времени. Кювье былъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ этихъ взглядовъ. Онъ старался доказать, что натурфилософы не имѣли никакого основанія выводить изъ научнаго матеріала, существовавшаго тогда, столь широкихъ заключеній; онъ отрицалъ предполагаемое единство организациіи или плана. Онъ защищалъ теологическое или дуалистическое зарождение природы и полагалъ, что неизмѣняемость видовъ составляла самое условіе существованія научной естественной исторіи.

Позднѣе силою фактовъ натуралисты-эмпирики были приведены къ признанію истины за положеніями С. Илера по вопросамъ о видѣ; примирившись съ этими положеніями, они однако вовсе не признали за нимъ побѣды въ вопросѣ о методѣ изслѣдованія вопросовъ

неемъ было совершенно такое-же различіе, какое было между положеніемъ наукъ времени перваго и втораго изъ нихъ. Въ то время, какъ Линней при опредѣленіи видовъ, родовъ, порядковъ и классовъ чаще всего опирался на внѣшніе признаки, на особенности, легко констатируемыя, въ числѣ, величинѣ, положеніи и формѣ отдѣльныхъ частей тѣла. Кювье основывалъ классификацію на признакахъ внутренней организациіи; онъ сгруппировалъ семейства въ классы животныхъ на основаніи данныхъ сравнительной анатоміи этихъ классовъ и такимъ образомъ далъ естественную систему, взамѣнъ искусственной—Линнея. Остается добавить, что Кювье, какъ и Линней, принималъ виды за формы, независимо другъ отъ друга созданныя и вполне другъ отъ друга изолированныя.

науки и остаются до нашего времени болѣе или менѣе открытыми сторонниками Кювье.

Въ 50-хъ годахъ, т. е. уже къ концу второго періода, продолжателемъ ученія Этьена Ж. С.-Илера является его сынъ Исидоръ Ж. С.-Илеръ. Работая подъ руководствомъ своего отца, онъ еще при жизни послѣдняго освоился съ его идеями и большую часть своей ученой дѣятельности употребилъ на то, чтобы сдѣлаться истолкователемъ и популяризаторомъ его изслѣдованій.

Свое ученое поприще онъ закончилъ большимъ сочиненіемъ: „Histoire naturelle générale des règnes organiques“ (1859), оставшимся неоконченнымъ.

Еще въ 1850 г. Исидоръ Жоффруа издалъ свои лекціи о видѣ, и эти-то лекціи (1847 г.) почти безъ измѣненій вошли во второй томъ его большого сочиненія, появившагося въ 1859 г. С.-Илеръ называетъ свое ученіе объ измѣняемости видовъ уже не гипотезою, а теоріею ограниченной измѣняемости видовъ. Самое заглавіе это указываетъ, что для измѣняемости ставятся предѣлы, а, слѣдовательно, Исидоръ Жоффруа поддерживаетъ мнѣніе своего отца.

Сущность ученія вытекаетъ изъ слѣдующихъ его положеній.

I. Признаки видовъ не абсолютно постоянны, но и не безпредѣльно измѣнчивы. Эти признаки постоянны для каждаго вида, пока онъ размножается среди условій, подъ вліяніемъ которыхъ они образовались; они измѣняются, если окружающія условія измѣнились. (L. c. стр. 441).

II. Въ послѣднемъ случаѣ новые признаки вида представляютъ собою равновѣйствующую двухъ противоположныхъ силъ: одна — и з м ѣ н я ю щ а я — есть вліяніе новыхъ окружающихъ условій, другая — о х р а н я ю щ а я типъ, —наслѣдственное стремленіе воспроизводитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе тѣ же самые при-

знаки. Изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы вліяніе перваго фактора могло оказаться преобладающимъ надъ вліяніемъ втораго фактора, нужно, чтобы видъ перешелъ изъ условій, въ которыхъ онъ жилъ, въ новыя условія, весьма отличныя отъ первыхъ.

III. Отсюда весьма тѣсныя предѣлы измѣненій, замѣченныхъ у дикихъ животныхъ. Отсюда также крайняя измѣняемость животныхъ домашнихъ.

Въ IV-омъ положеніи Исид. Жоффруа, какъ и Ламаркъ, говоритъ, что животныя, оставаясь въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, не измѣняются.

Не будемъ перечислять дальнѣйшихъ положеній: ихъ недостатки были указаны въ книгѣ Дарвина о происхожденіи видовъ, появившейся въ одинъ годъ съ упомянутой книгой И. Ж. С.-Илера; мы знаемъ теперь, что измѣненіе видовъ отнюдь не ограничивается типомъ семейства, — какъ это утверждалъ вслѣдъ за своимъ отцомъ Исидоръ Жоффруа С.-Илеръ, дѣлая такимъ образомъ шагъ назадъ, сравнительно съ тѣмъ, что утверждалъ Ламаркъ, — и причины этихъ измѣненій отнюдь не сводятся къ измѣненію лишь внѣшнихъ условій и вліянію человѣка.

Гораздо болѣе интереснымъ для насъ является взглядъ Ис. Ж. С.-Илера на область биологіи или философіи естественной исторіи органическихъ тѣлъ, какъ онъ называетъ ее. Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ, изслѣдованіе которыхъ составляетъ предметъ этой науки, какъ она представлялась Ис. Ж. С.-Илеру.

Первымъ и самымъ важнымъ является вопросъ о жизни особи и жизни вида.

Ж. С.-Илеръ такимъ образомъ имѣлъ въ виду прежде всего тѣ-же стороны жизненныхъ явленій на земномъ шарѣ, которыя имѣлъ въ виду и Ламаркъ. Это была не жизнь органовъ, не жизнь частей организма, а жизнь самого организма, какъ цѣлаго.

Изученіе ея начинается опредѣленіемъ того, что называется не дѣлимьмъ въ царствѣ животныхъ и растеній: простыхъ и сложныхъ, единичныхъ и составныхъ индивидовъ. Далѣе идетъ рѣчь о другомъ капитальномъ вопросѣ біологіи—измѣнчивости вида, о наследственности и измѣняемости, о помѣсяхъ, объ уродствахъ, о домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеніяхъ, ихъ происхожденіи, ихъ возвращеніи къ данному состоянію.

Еще далѣе разсматривается цѣлый рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ вопросомъ о жизни особи и вида и ихъ видоизмѣненіяхъ: явленія полиморфизма, гетерогенезъ, метаморфозъ, явленія паразитизма и т. д.

Вся четвертая часть посвящена вопросамъ объ инстинктѣ и умѣ животныхъ. Наконецъ, особая часть посвящалась вопросамъ о географическомъ распространеніи животныхъ и растеній.

Не трудно видѣть, что вопросы, которые, по мнѣнію Ис. Ж. С. Илера, должны были входить въ составъ біологіи, по своему характеру являются тѣми-же, что и у Дарвина и тѣми-же приблизительно (принимая во вниманіе отдѣляющія ихъ другъ отъ друга пятьдесятъ лѣтъ), что и у Ламарка.

Во всѣхъ случаяхъ рѣчь идетъ о жизни особей и вида, какъ ближайшихъ объектовъ изслѣдованія.

Этимъ я и закончу очеркъ второго періода въ развитіи біологіи, какъ самостоятельной дисциплины, науки, границы и область изслѣдованія которой принимались натуралистами приблизительно такими, какими ихъ опредѣлилъ И. Ж. С. Илеръ ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь уместно сказать, что рядомъ съ опредѣленіемъ біологіи въ указанномъ смыслѣ были попытки дать этому термину и другой, болѣе широкій смыслъ. Огюсть Контъ, исходя не изъ ея

Къ 1859 году вышла въ свѣтъ книга Чарльза Дарвина „О происхожденіи видовъ“ и ею кладется начало, третьему періоду.

IV.

Дарвинъ, какъ типъ біолога въ настоящемъ значеніи этого слова.— Уоллестъ.— Опредѣленіе области и задачъ біологіи этимъ ученымъ.—
Общее заключеніе.

Дарвинъ, сколько я знаю, вовсе не даетъ опредѣленія біологіи, какъ обособленной отрасли естественной исторіи. Онъ изслѣдовалъ опредѣленную группу во-

исторій, а пзъ филологическихъ соображеній. опредѣлялъ ее, какъ науку, изучающую жизнь вообще; ея предметомъ онъ считалъ: „вещество, одаренное способностью питаться, воспроизводить, чувствовать и двигаться“. Вслѣдствіе этого біологія, по мнѣнію ученаго, должна обнимать всѣ явленія органической жизни, т. е. должна заключать въ себѣ не одну фізіологію человѣка, но и фізіологію растеній и животныхъ. („Ог. Контъ и Милль Льюиса стр. 181).

А такъ какъ разныя дисциплины естествознанія помимо фізіологіи, какъ то: сравнительная анатомія, гистологія, эмбриологія, палеонтологія и др., своими изслѣдованіями давали спеціальнй матеріалъ для рѣшенія вопросовъ біологіи, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ науку эту понималъ Ламаркъ и Тревиранусъ, и въ томъ, который ей придавалъ Ог. Контъ, то ученые вмѣсто того, чтобы принять къ свѣдѣнію эти выводы, какъ аргументы сосѣднихъ біологич. дисциплинъ естествознанія, включили эти дисциплины науки въ составъ самой біологіи. Ея границы такимъ образомъ раздвигались все шире и шире, охватили, наконецъ, такую область знанія, которая превращала ее въ терминъ, совершенно равнозначущій термину естественной исторіи организованныхъ тѣлъ. Начались разногласія въ пониманіи термина, все болѣе и болѣе значительныя, которыя въ концѣ концовъ привели къ новымъ опредѣленіямъ термина, новымъ указаніямъ его границъ и т. д. и т. д. Но тѣ представители этой науки, изслѣдованіями которыхъ намѣчались главнѣйшіе этапы ея развитія, держались точки зрѣнія, установленной Ламаркомъ и Тревиранусомъ. Таковыми и являются Дарвинъ и Уоллестъ.

просовъ, стоящихъ въ прямой связи съ вопросами о происхожденіи видовъ, и не заботился о томъ, въ какую дисциплину науки будутъ отнесены его изслѣдованія. Самъ онъ однако, равно какъ и другіе ученые, называетъ эти изслѣдованія біологическими. По нимъ не трудно опредѣлить, что онъ разумѣлъ подъ этой наукой то самое, что современный ему натуралистъ, раздѣляющій съ нимъ славу открытія закона „естественнаго подбора“, Уоллесъ, формулировалъ въ своей книгѣ „Дарвинизмъ“ въ 1890 году такимъ образомъ.

„Возраженія, которыя встрѣчаетъ теперь теорія Дарвина, направлены единственно на пути, приведшіе къ измѣненію видовъ, и вовсе не касаются самого факта измѣненій.

Мнѣнія противниковъ и ихъ возраженія встрѣчаютъ сильную поддержку и еще болѣе довѣріе всего чаще у современной школы лабораторныхъ натуралистовъ, для которыхъ особенности и различія видовъ, какъ таковыхъ, ихъ распространеніе и сходство представляютъ мало интереса по сравненію съ проблемами гистологии, эмбриологии, фізіологии и морфологии. Конечно, изслѣдованія ихъ въ этихъ областяхъ представляютъ большой интересъ и значеніе, но сами по себѣ они не такого свойства, чтобы способствовать людямъ, посвятившимъ себя ихъ изученію, произнести здравое сужденіе по вопросамъ, содержащимся въ дѣйствиіи естественнаго подбора. Вопросы эти лежатъ главнымъ образомъ во внѣшнихъ и жизненныхъ отношеніяхъ вида къ виду въ естественномъ состояніи“.

Самый вопросъ о происхожденіи видовъ, продолжаетъ Уоллесъ, теперь отошелъ на задній планъ и на очередь выступилъ рядъ законовъ біологіи. Какіе же это законы и путемъ какихъ изслѣдованій они устанавливаются?

Это—законы, вытекающіе и изъ явленій борьбы за существованіе и на нихъ покоющіеся. Законы эти покоятся, по словамъ Уоллеса, главнымъ образомъ на внѣшнихъ жизненныхъ отношеніяхъ видовъ другъ къ другу въ естественныхъ условіяхъ жизни, на томъ, что Семперъ съ основаніемъ назвалъ физиологіей организмовъ, а не на анатоміи и физиологіи органовъ.

Такимъ образомъ, біологія, получивъ свое крещеніе въ 1803 году, за послѣдующіе годы развилась, пріобрѣла всѣ тѣ свойства, которыя ее характеризуютъ, и въ 1890 году получила отъ одного изъ своихъ выдающихся представителей свою конечную и точную формулировку.

Изложенный въ общихъ чертахъ ходъ историческаго развитія и преимущества возрѣвнѣи на задачи нашей науки, казалось бы, освобождаетъ насъ отъ необходимости говорить о ея границѣ и области изслѣдованій: то и другое само собою вытекаетъ изъ сказаннаго.

Но это только казалось бы. Толчекъ, по недоразумѣнію данный Ог. Контонъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка въ смыслѣ расширенія области изслѣдованія и задачъ біологіи, о которомъ я упоминалъ выше, не остался безслѣднымъ. Порожденныя его попыткой измѣнить границы біологіи, какъ самостоятельной дисциплины знанія, разногласія ученыхъ въ концѣ концовъ привели къ такой пестротѣ въ опредѣленіи науки, по поводу которой Визнеръ, напримѣръ, въ его книгѣ „Біологія растений“ пишетъ слѣдующія строки:

„Словомъ „біологія“ обозначаютъ весьма различныя понятія. Гексли, и вмѣстѣ съ нимъ большинство британскихъ натуралистовъ, употребляютъ это слово въ его наиболѣе широкомъ значеніи, какъ названіе науки объ организамахъ. Согласно этому возрѣвнѣю, біо-

логія нѣкоторыми авторами раздѣлялась на морфологию, въ составъ которой они вносятъ не только анатомію и гистологию, но еще эмбриологию и палеонтологию, далѣе на біогеографію и физиологию. Другіе натуралисты, напротивъ, очень ограничиваютъ его смыслъ, рассматривая біологию, какъ ту часть естественныхъ наукъ, которая занимается лишь образомъ жизни растеній и животныхъ. Большинство современныхъ естествоиспытателей колеблется между этими двумя крайностями“.

И что всего хуже, добавлю я отъ себя, натуралисты вмѣсто того, чтобы обратиться къ исторіи предмета и первоисточникамъ, стараются выйти изъ создавшагося положенія путемъ новыхъ терминовъ, вмѣсто стараго, или новымъ толкованіемъ стараго термина, или, наконецъ, совершеннымъ упраздненіемъ біологіи въ ея первоначальномъ смыслѣ, то есть въ томъ, въ которомъ ее принимали Ламаркъ, Тревиранусъ, Дарвинъ и Уоллесъ. Попытки эти нельзя признать удачными. Такъ введеніемъ новаго термина „этологія“ на мѣсто біологіи мы не только отнимаемъ право авторовъ этого термина на пріоритетъ въ его толкованіи, а мы не рѣшаемъ самой задачи біологіи, какъ таковой, ибо подъ „этологіей“ разумѣютъ „модификаціи реакцій животныхъ организмовъ въ разныхъ состояніяхъ ихъ жизни“, біологія-же— въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали Ламаркъ и Дарвинъ,—имѣетъ въ виду и это, и еще многое другое, сверхъ этого. Новыя толкованія термина часто не имѣютъ другого значенія, кромѣ того, что такъ я понимаю терминъ біологіи, и въ этомъ смыслѣ его употребляю въ своемъ трактатѣ. Нааке, напримѣръ, въ его *Gestalt und Vererbung* (стр. 324) пишетъ, что, по его мнѣнію, біологія должна быть раздѣлена на три главныя вѣтви: біономію, біогеографію и біогенію. Задача первой изъ нихъ опредѣлять законы, по которымъ пре-

образуются органическія существа; второй—изслѣдовать происходящія въ жизни животныхъ и растеній періодическія явленія; наконецъ, задача третьей—историческое развитіе животныхъ и растительнаго царства; она должна идти рука объ руку съ геологіей, которая, по требованію того-же автора, въ свою очередь должна быть раздѣлена на три отдѣла; геонومیю, географію и геогенію и т. д.

Биологія, какъ это слѣдуетъ изъ того, что было сказано о ея исторіи, ни то и ни другое; она не синонимъ естественной исторіи организованныхъ тѣлъ или органической физики, какъ это полагали нѣкоторые натуралисты второго періода нашей науки и какъ это полагаютъ еще и въ наши дни многіе ученые — одни, ограничиваясь замѣной стараго термина новымъ, другіе, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ и большинство остальныхъ прежнихъ терминовъ замѣнить новыми.

Биологія не натурфилософія, хотя мы и понимаемъ теперь, почему до нашихъ дней на нее нерѣдко смотрѣли именно съ этой точки зрѣнія.

Биологія не физиологія и не анатомія, ибо изучаетъ не жизнь и дѣятельность органовъ и частей, а жизнь и дѣятельность организма, какъ цѣлаго. Правда, соприкосновенія здѣсь весьма близки, но теоретическія границы между этими науками столь же необходимы въ интересахъ успѣховъ каждой изъ нихъ, сколько практически возможны. Мы, во всякомъ случаѣ, имѣемъ основаніе утверждать, что, если выводы сравнительной анатоміи и физиологіи могутъ оказаться въ высокой степени полезными для ближайшихъ задачъ біологіи, то и обратно—заключенія біологіи могутъ служить наводящими моментами въ изслѣдованіяхъ анатоміи и физиологіи.

Биологія — не эмбриологія, какъ это въ послѣднее

время высказываютъ представители этой послѣдней, такъ какъ біологія имѣетъ дѣло съ организмомъ по выходѣ его изъ яйца, а не въ періодъ его эмбриональной жизни. Самый „интересъ эмбриологіи,—говоря словами Дарвина,—значительно возвышается, если мы станемъ смотрѣть на зародышъ, какъ на снимокъ, болѣе или менѣе затемненный, съ общаго родича каждаго великаго класса животныхъ“.

Біологія, наконецъ, и не то, что, послѣ появленія въ свѣтъ сочиненія Дарвина о происхожденіи видовъ, въ естествознаніи называется дарвинизмомъ. Біологія не дарвинизмъ, ибо во-первыхъ, дарвинизмъ, какъ принципъ, обнимаетъ гораздо большее число явленій, чѣмъ то, которое имѣетъ въ виду біологія. Принципы дарвиновскаго ученія являются руководящими не только въ разныхъ дисциплинахъ естествознанія, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ біологіи, а они проникли въ такія области науки, которыя ни къ біологіи въ частности, ни къ естественнымъ наукамъ вообще, никакого отношенія не имѣютъ, какъ философія, исторія и даже филологія.

Біологія не дарвинизмъ и потому, во-вторыхъ, что еслибы когда нибудь были указаны иные законы, обусловливающіе сосуществованіе организмовъ, сверхъ указанныхъ Дарвиномъ или вза м ѣ н ѣ имъ указанныхъ, а ея законы были признаны невѣрными,—чего пока мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать,—то дарвинизма, какъ принципа, не было-бы, а біологія, какъ наука съ указанною нами областью изслѣдованій, осталась-бы неприкосновенной.

Біологія есть наука, объединяющая разработку выдвинутыхъ на очередь въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія вопросовъ о происхожденіи видовъ въ смыслѣ изученія законовъ ихъ сосущество-

ванія, въ смыслѣ познанія тѣхъ полезныхъ приспособленій, которыя даютъ имъ возможность выдержать конкуренцію въ борьбѣ за существованіе и попасть въ число не „званныхъ“ только, но „избранныхъ“ путемъ процесса, названнаго Дарвиномъ процессомъ естественнаго отбора.

Біологическіе принципы въ соціологіи.

I.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія Огюсть Контъ ¹⁾ впервые указаль на связь наукъ біологическихъ съ науками соціальными, которая вытекаетъ изъ того, что соціологическій рядъ въ мірѣ животныхъ имѣеть для познанія истины такую же цѣнность, какъ и рядъ морфологическій. Это было ново и являлось продуктомъ сильной мысли; съ тѣмъ вмѣстѣ однако это было слишкомъ обще, мало устойчиво и недостаточно обосновано фактическимъ матеріаломъ.

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ появились изслѣдованія Дарвина, которыми на основаніи множества тщательно собранныхъ и изученныхъ фактовъ устанавливалось мѣсто человѣка въ ряду другихъ животныхъ организмовъ. Въ нихъ указывались не только генетическая связь его морфологическихъ и психологическихъ признаковъ съ таковыми у высшихъ животныхъ, но и тѣ, такъ называемые, законы біологіи, ²⁾ которыми обуславливалась эволюція органической жизни и которые привели эту жизнь въ наше время къ тому ея состоянію, въ какомъ мы ее видимъ въ переживаемую нами эпоху.

¹⁾ *Système de politique positive.*

²⁾ Я буду употреблять этотъ терминъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ законъ природы былъ опредѣленъ Огюстомъ Контомъ.

Представляя собою впервые ясно сформулированное и во всеоружии множества фактов обоснованное мировоззрѣніе, объединяющее отдѣльныя догадки и мнѣнія ученыхъ той эпохи, теорія Дарвина, выдержавъ борьбу съ противниками, скоро завоевала множество сторонниковъ во всѣхъ областяхъ человѣческой мысли.

Послѣдователямъ великаго ученаго, разумѣется, предстояло много работы для того, чтобы продолжать завоеванія дарвинизма въ нозыхъ областяхъ знанія, приложивъ къ нимъ и прослѣдивъ въ нихъ идею о генетической связи явленій, какъ въ области морфологіи, такъ и въ области сравнительной психологіи. Эта задача была тѣмъ болѣе трудной, что Дарвинъ, захвативъ своей теоріей многое множество вопросовъ науки, часто долженъ былъ, устанавливая свои положенія, ограничиваться лишь самымъ необходимымъ, а въ подкрѣпленіе многихъ изъ нихъ пользоваться матеріаломъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ.

Очень скоро идеи дарвинизма проникли въ соціологію, гдѣ не представляли совершенной новинки, но именно потому, что вошли въ нее при новой аргументаціи, вызвали горячіе протесты и повели за собою полувѣковую борьбу съ біологической школой въ соціологіи.

Я различаю въ этой борьбѣ три этапа.

Первый изъ нихъ—это періодъ взаимнаго непониманія и вслѣдствіе этого взаимное отрицаніе сторонами другъ друга. Критика заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы доказать непригодность приемовъ и матеріала для рѣшенія задачъ общественной жизни біологами—приемовъ соціологическихъ, а соціологами—біологическихъ приемовъ. Исходила критика изъ общихъ соображеній о томъ, къ чему въ концѣ концовъ приведетъ пользованіе матеріаломъ и приемами противниковъ.

Второй этапъ,—періодъ взаимнаго ознакомленія другъ

съ другомъ и критика уже не предполагаемыхъ только результатовъ, а самого матеріала и средствъ рѣшенія задачи. Соціологи (признають-ли они или отрицають принципы дарвинизма въ качествѣ руководящихъ въ общественной жизни людей,—это временно отходитъ на задній планъ) стараются доказать отличіе матеріала ихъ науки, отъ матеріала біологіи, и съ этой точки зрѣнія вносятъ рядъ поправокъ и дополненій къ самой теоріи Дарвина.

Біологи въ свою очередь, стоя на своей первоначальной точкѣ зрѣнія, начинаютъ считаться съ данными соціологіи и вводятъ въ цѣпь своихъ разсужденій аргументы соціологическаго характера.

Наконецъ, третій и послѣдній этапъ развитія—тотъ, который можно считать въ настоящее время научно устанавливающимся—есть періодъ взаимнаго признанія сторонъ и выработка директивъ путемъ совмѣстной работы. Такой представляется мнѣ полувѣковая исторія дарвинизма въ соціологіи, вѣрнѣе было бы сказать: полувѣковой борьбы дарвинистовъ съ соціологами.

Набросать въ общихъ чертахъ картину этой исторіи біологіи въ общественныхъ наукахъ, или—какъ это по существу ближе опредѣляетъ дѣло, — исторіи дарвинизма въ соціологіи и составляетъ задачу этого очерка.

II.

Періодъ крайнихъ увлеченій біологовъ-дарвинистовъ въ области соціологіи и взаимнаго непониманія сторонъ.—Первыя столкновения біологовъ съ соціологами.—Характеръ взаимной критики.—Геккель и Вирховъ.

Періодъ этотъ можно въ немногихъ словахъ охарактеризовать такъ: біологи утверждали, что „организовать счастье и научить людей имъ пользоваться—дѣло біологовъ, соціологи этому только мѣшаютъ“; послѣд-

ніе же, не входя въ разсмотрѣніе аргументовъ противной стороны, доказывали, что вмѣшательство біологовъ въ область соціологіи, есть нашествіе иноплеменныхъ въ чуждую имъ область знанія, въ которой имъ мѣста нѣтъ и быть не можетъ.

Самымъ виднымъ, самымъ глубокомысленнымъ и самымъ свѣдущимъ представителемъ того направленія, по которому законы біологіи суть благодѣтельные законы и одни гарантируютъ прогрессивную эволюцію человѣчества, безспорно является Гербертъ Спенсеръ.

Монистическая философія, которая въ его рукахъ впервые получила свою законченную форму, привела его къ выводу, что какъ въ мірѣ, такъ называемой, мертвой природы, такъ и въ мірѣ живой природы, руководящими являются одни и тѣ же космическіе законы. „Тѣ же самыя причины, говоритъ онъ въ статьѣ „Прогрессъ, его законъ и причина“, которыя повели за собой развитіе земной коры отъ простаго къ сложному, одновременно повели за собой и параллельное этому развитіе жизни на поверхности земли“.

Не исполнѣ справедливо, поэтому, исторію біологіи въ общественныхъ наукахъ начинать съ выхода въ свѣтъ книги Дарвина „о происхожденіи видовъ“, хотя безспорно только послѣ выхода въ свѣтъ этой книги роль біологіи въ соціальныхъ наукахъ получила широкое научное обоснованіе *).

*) Самъ Спенсеръ въ своихъ „Основахъ Біологіи“ (т. II, стр. 389) указываетъ на то, чего не доставало въ его толкованіи процесса эволюціи сравнительно съ тѣмъ, что для этого сдѣлалъ Дарвинъ. „Хотя я еще въ 1852 г. указывалъ на естественный отборъ, какъ на принципъ органической эволюціи, говоритъ Спенсеръ, однако данное о немъ понятіе отнюдь не должно быть смѣшиваемо съ тѣмъ, которое м-ръ Дарвинъ выработалъ съ такимъ замѣчательнымъ искусствомъ и которое онъ подтвердилъ такимъ обширнымъ запасомъ фактовъ. Во-первыхъ, естественный отборъ описанъ, какъ процессъ,

Почти за цѣлое десятилѣтіе до выхода въ свѣтъ упомянутаго изслѣдованія Дарвина Спенсеръ въ своей книгѣ „Соціальная статика“ (1851 г.) писалъ слѣдующее.

„Въ мірѣ нисшихъ существъ царитъ всеобщая война, приводящая въ итогъ къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ. Плотоядныя рыбы устраняютъ изъ среды растеніеядныхъ не только старѣющихъ, но и болѣзненныхъ, уродливыхъ, неповоротливыхъ и слабѣйшихъ животныхъ. Этотъ процессъ очистки, равно какъ и всеобщая борьба въ періодъ спариванія, препятствуетъ ухудшенію расы путемъ размноженія слабѣйшихъ экземпляровъ, обуславливая развитіе такой организаціи тѣла, которая наиболѣе приспособлена къ окружающей средѣ и потому обезпечиваетъ наибольшую сумму счастья. Развитіе высшихъ существъ совершается въ смыслѣ прогрессивнаго движенія къ состоянію благополучія, которое не будетъ нарушаться этими отрицательными явленіями.“

„Въ человѣческой расѣ достигнуто совершенство. Цивилизація—послѣдняя ступень его исполненія. Идеальный человѣкъ тотъ, въ которомъ осуществлены всѣ условія этого совершенства.“

только споспѣшествующій непосредственному приспособленію—какъ начало, только помогающее прогрессу сохраненіемъ особей, въ которыхъ, вызванныя отправлениями, видоизмѣненія совершились наиболѣе успѣшно. Во-вторыхъ, здѣсь и слѣда нѣтъ той идеи, что естественный отборъ можетъ, дѣйствуя совмѣстно съ указанною причиною, или съ другими, произвести расхожденія строенія; и понятно, что при отсутствіи этой идеи не подразумевается даже, чтобы естественный отборъ имѣлъ какое-либо отношеніе къ происхожденію видовъ. Наконецъ, здѣсь нѣтъ и помину о самомъ главномъ дѣятелѣ измѣненія—„самопроизвольной измѣнчивости“, или случайной, какъ мы можемъ иначе назвать ее“.

Не смотря на эти оговорки Спенсера, онъ все же такъ близко подошелъ къ великимъ обобщеніямъ Дарвина, что въ вопросахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, онъ не можетъ быть обойденъ молчаніемъ.

„Но благополучіе существующаго человѣчества и достиженіе имъ этой крайней степени совершенства обезпечены тѣмъ же благодѣтельнымъ, хотя строгимъ, отборомъ, которому подчиненъ весь органическій міръ, отборомъ, который безжалостно стремится къ достиженію блага, закономъ, который, поставивъ своей цѣлью благополучіе, не заботится объ устраненіи случайныхъ и мимолетныхъ страданій.“

„Бѣдность неспособнаго, притѣсненіе, достающееся на долю глупаго, голоданіе лѣниваго и то оттираніе слабыхъ сильными, благодаря которому такъ много людей живетъ въ нуждѣ и нищетѣ,—все это велѣнія дальновиднаго и благожелательнаго закона. Чтобы быть годнымъ для общественнаго состоянія, человѣкъ долженъ не только разстаться со своей дикостью, но и приобрести способности, необходимыя для цивилизованной жизни. Должно развиться упорное прилежаніе, интеллектъ долженъ измѣниться такъ, чтобы умѣть жертвовать маленькой настоящей выгодой для большой будущей. Переходное состояніе естественно сопряжено со страданіями. Всѣ эти бѣдствія, которыя смущаютъ насъ и кажутся несвѣдущему очевидными послѣдствіями тѣхъ или другихъ отдаленныхъ причинъ,—неизбѣжные спутники прогрессирующаго приспособленія. Человѣчество вынуждено мириться съ неизбѣжной необходимостью своего положенія, достигать гармоніи и терпѣть бѣдствія, какъ умѣть. Этотъ процессъ долженъ совершиться, и страданія должны быть перенесены. Никакая земная сила, никакіе хитроумные законы государственныхъ людей, никакія утопическія мечты друзей человѣчества, никакая коммунистическая всеобщая панацея, никакія реформы, когда-либо предпринимавшіяся или имѣющія быть предпринятыми, не могутъ ни на іоту уменьшить страданія.

Усиливаться они могутъ и должны, и въ качествѣ

помѣхи этому усиленію человѣческая симпатія къ себѣ подобнымъ имѣеть большое значеніе. Но съ измѣненіемъ нормально связаны страданія, которыя нельзя уменьшить, не измѣнивъ основныхъ законовъ жизни. Само собою разумѣется, что, поскольку суровость этого процесса можетъ быть смягчена сочувствіемъ людей другъ къ другу, она и должна быть смягчена, хотя сочувствіе, не принимающее въ расчетъ конечную цѣль, безспорно приносить вредъ“. „Безусловный вредъ приносить симпатія лишь въ томъ случаѣ, когда идетъ въ разрѣзъ со справедливостью, приводитъ къ вмѣшательству, возбраняемому закономъ одинаковой свободы, нарушаетъ въ какой-нибудь сферѣ жизни соотношеніе между организаціей и жизненными условіями. Этимъ она уничтожаетъ ту самую цѣль, къ которой стремится, умножаетъ страданія вмѣсто того, чтобы уменьшать ихъ. Она содѣйствуетъ размноженію тѣхъ, которые наименѣе приспособлены къ условіямъ, и этимъ самымъ препятствуетъ размноженію лучше приспособленныхъ, суживая поле ихъ дѣйствія. Она стремится наполнить міръ людьми, для которыхъ жизнь готовитъ наибольшую сумму страданій и устранить тѣхъ, которымъ она приносить максимумъ счастья. Она приводитъ къ фактическому злополучію и тормозитъ благополучіе“.

Спустя 25 лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ „Соціальной Статики“ въ своемъ „Введеніи въ изученіе соціологіи“ (1875 г.), а потомъ въ сборникѣ статей „Индивидуумъ противъ государства“ Спенсеръ попрежнему продолжаетъ утверждать, что „поддерживать бездѣльника на счетъ лучшаго—верхъ жестокости“, что „стремленіе поддержать массу бездѣльниковъ и тѣмъ самымъ мѣшать естественному процессу выпалыванія (то есть естественному отбору)—приносить огромный и безспорный вредъ“ (1875 г.); въ 1884 г. онъ пишетъ, что всѣ попытки государства защитить слабыхъ представ-

ляють нарушение естественнаго закона жизни, что нелѣпо добиваться переживанія наименѣе приспособленныхъ, въ число которыхъ онъ включаетъ, между прочимъ, преступниковъ, пьяницъ и бѣдныхъ.

Общій смыслъ этого міровоззрѣнія таковъ: эволюція человѣчества совершается по законамъ космическимъ, и благо ему, ибо въ этихъ законахъ лучшая гарантія прогресса. Человѣческое, гуманное допустимо лишь до такихъ предѣловъ, при которыхъ оно не вредитъ космическому.

Ученіе это не получило широкаго распространенія: ему, какъ и идеямъ Огюста Конта о томъ, что социологія есть только глава біологіи, не доставало фактовъ, не доставало того, что получили возможность извлечь сторонники этой точки зрѣнія изъ вышедшей въ 1859 г. книги Дарвина „О происхожденіи видовъ“. То, что въ общихъ чертахъ и не всегда вѣрно было только намѣчено Спенсеромъ, здѣсь получило новую формулировку и научное обоснованіе. Вотъ почему какъ только выводы, изложенные въ книгѣ Дарвина о происхожденіи видовъ, были признаны научно обоснованной теоріей, онъ сейчасъ получили широкое распространеніе и скоро были вынесены далеко за предѣлы біологіи. Является рядъ попытокъ приложить ихъ не только къ рѣшенію вопросовъ социальныхъ явленій, въ связи съ идеями Спенсера, но и къ подчиненію явленій социологіи біологическимъ законамъ.

Особенно смѣлымъ и крайнимъ выразителемъ этихъ идей является Геккель.

Вотъ, что мы читаемъ, между прочимъ, въ его *Freie Wissenschaft und freie Lehre* (1878 г.).

„Жестокая и беспощадная“ борьба за существованіе, которая свирѣпствуетъ всюду въ природѣ и должна свирѣпствовать въ силу естественныхъ законовъ, это непрерывное и неумолимое соперничество всего жи-

вого—неоспоримый фактъ; только избранное меньшинство способнѣйшихъ въ состояніи успѣшно выдержать эту конкуренцію, тогда какъ огромнсе большинство конкурентовъ неизбѣжно осуждено на гибель. Можно глубоко сожалѣть объ этомъ трагическомъ фактѣ, но нельзя ни отрицать, ни измѣнить его. Всѣ званы, но лишь немногіе избраны! „Отборъ“ этихъ „избранниковъ“ необходимо связанъ съ ущербомъ и гибелью остального большинства“. И далѣе, въ другомъ мѣстѣ: „Такимъ образомъ борьба за существованіе въ человѣческомъ обществѣ и естественный отборъ суть факты, которыхъ нельзя ни отрицать, ни измѣнить“.

Геккель идетъ дальше этого. Онъ утверждаетъ, что и желать такого измѣненія нелѣпо; ибо „естественный отборъ ведетъ къ побѣдѣ лучшихъ. Въ немъ, въ этомъ отборѣ, какъ въ горнилѣ очищающаго и совершенствующаго процесса, получаютъ начало высшіе принципы жизни до идеи о „любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ“.

Къ совершенно аналогичнымъ заключеніямъ по поводу борьбы за существованіе и естественнаго отбора приходитъ и Прейеръ, напечатавшій статью „О соперничествѣ въ природѣ“ годъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ названнаго сочиненія Геккеля ¹⁾. Въ статьѣ этой авторъ утверждаетъ, между прочимъ, что замѣна свободной конкуренціи фантомомъ всеобщаго равенства или равноправности въ отношеніи всѣхъ житейскихъ потребностей, — измышленіемъ заблудившагося социализма, — имѣла бы немедленнымъ послѣдствіемъ превращеніе здороваго государственнаго организма въ разлагающійся трупъ. Соперничество—поясняетъ Прейеръ— не только душа промышленности и торговли, но и могущественнѣйшій рычагъ прогресса наукъ и искусствъ,

¹⁾ Nord und Süd. Febr. 1879 г.

важѣйшее побужденіе къ работѣ, къ самообразованію, къ развитію всѣхъ задатковъ характера, всѣхъ талантовъ и добродѣтелей, къ улучшенію матеріальнаго и духовнаго благополучія, какъ отдѣльной личности, такъ и всей націи.

Никто не можетъ устраниваться отъ конкуренціи, хотя бы и желалъ этого. Каждый пробивается впередъ въ жизни и добивается того, къ чему наиболѣе стремится, т. е. успѣха и счастья, только напрягая свою способность къ борьбѣ.

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было произвести это „безцеремонное вѣдреніе иноплеменныхъ“ не только въ рядахъ соціологовъ, т. е. среди людей, которые никогда не допускали и мысли, чтобы законы, писанные для животныхъ, могли имѣть мѣсто для человѣка, но и среди самихъ натуралистовъ, которымъ дарвинизмъ, какъ научная теорія, былъ понятенъ, но, какъ соціологическій принципъ, казался парадоксальнымъ. Дарвинизмъ, говорили они въ одинъ голосъ, унижилъ достоинство человѣка, онъ оскорбилъ его, поставивъ на одну доску съ міромъ безсловесныхъ существъ и возымѣлъ дерзкую мысль подчинить эволюцію тѣхъ и другихъ однимъ общимъ біологическимъ законамъ! Тысячи вдохновенныхъ страницъ самого искренняго, самого горячаго протеста были отвѣтомъ на попытку натуралистовъ „узурпировать не принадлежащее имъ право сужденія о дѣлахъ, ихъ не касающихся“.

Интересно между прочимъ, что идея о томъ, что законы біологіи не должны имѣть мѣста въ рѣшеніи соціологическихъ задачъ, были высказаны вполнѣ опредѣленно и нашимъ извѣстнымъ публицистомъ, Михайловскимъ.

Въ то время, когда часть біологовъ дружнымъ хоромъ твердила, что борьба за существованіе въ чело-

вѣческомъ обществѣ желательна, что она есть благо и единственная гарантія прогресса, когда Кузенъ утверждалъ, что побѣжденный заслуживаетъ своей участи, ибо побѣдитель лучше, нравственнѣе побѣжденнаго, и только потому онъ и побѣдитель, — Михайловскій, вмѣстѣ съ соціологами западной Европы, категорически утверждалъ, что законъ борьбы за существованіе писанъ не *humani generis*, а *animalium* и что уже по одному этому „онъ не долженъ имѣть мѣста среди общества людей“.

Вотъ что онъ писалъ между прочимъ по этому предмету.

„Удивительное мы съ вами время переживаемъ, читатель. Приходится доказывать, что чувства и возрѣнія, противоположныя эгоизму и праву силы, не неестественны. Приходится доказывать, что изъ того, что человѣкъ животное, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы для него обязательно было быть скотомъ. Тѣни великихъ служителей человѣчества, вы всѣ, для насъ мыслившіе и страдавшіе и пролившіе кровь, и молившіеся, заблуждавшіеся и находившіе истину,—посмотрите на насъ, посмотрите, что спекли мы изъ вашей крови и мысли: съ одной стороны пропись—будь добродѣтеленъ, ибо добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказуется; съ другой стороны, нѣчто, не имѣющее имени — добродѣтель есть порокъ, порокъ же есть добродѣтель или, по крайней мѣрѣ, добродѣтель неестественна.

И особенно достойно вниманія, что и эти прописи и это нѣчто, не имѣющее имени, существуютъ совмѣстно и ни малѣйше другъ друга не стѣсняють“.

Этотъ горячій протестъ, направленный противъ біологовъ (но не біологіи, какъ онъ оговаривается не одинъ разъ), представляетъ плодъ глубокаго недоразумѣнія, недоговоренности, непониманія другъ друга и обоюдныхъ ошибокъ.

Михайловскій рѣшительно протестуетъ противъ такой

точки отправленія въ разсужденіяхъ біологовъ, слѣдую которой Егеръ, напримѣръ, утверждаетъ, что человѣкъ такой же дѣятель природы „какъ и майскій хрущъ“. Михайловскій опрокидывается на это разсужденіе со всею силою своей аргументаціи.

Онъ доказываетъ, что біологи смѣшиваютъ раздѣленіе труда физиологическое, которое мы наблюдаемъ у пчелъ и муравьевъ, съ раздѣленіемъ труда въ экономическомъ смыслѣ этого слова, которое мы встрѣчаемъ въ человѣческомъ обществѣ *).

А такъ какъ раздѣленіе труда въ экономическомъ смыслѣ слова вредно для составляющихъ общество индивидуальностей, личностей, то онъ не можетъ допустить ни аналогіи между общественностью пчелъ и муравьевъ съ человѣческимъ обществомъ, ни плодотворности самого принципа раздѣленія труда въ этомъ послѣднемъ.

Ссылаясь на „Капиталъ“ Маркса, Михайловскій утверждаетъ, что „раздѣленіе труда уродуетъ рабочаго, такъ какъ развиваетъ въ немъ извѣстную спеціальную способность, подавляя при этомъ цѣлый міръ производительныхъ силъ“. „Мануфактурный порядокъ обогащаетъ всю совокупность раздѣленныхъ рабочихъ силъ, т. е. капиталъ истощаетъ производительныя силы рабочихъ“.

„Можно сказать, что фабричный рабочій тѣмъ современнѣе, чѣмъ ничтожнѣе его духовныя силы, такъ

*) Это замѣчаніе справедливо не вполне: Вундтъ 10-ю годами раньше Михайловскаго указалъ на это различіе и какъ разъ по поводу пчелъ и муравьевъ: «у послѣднихъ — писалъ ученый — раздѣленіе труда обусловлено различіемъ физической организаціи, чего нѣтъ въ человѣческомъ обществѣ“. Но что цѣлый рядъ ученыхъ до сего времени все еще продолжаетъ подробно трактовать объ экономическомъ раздѣленіи труда у насѣкомыхъ, это остается справедливымъ.

что фабрику можно разсматривать, какъ машину, составныя части которой суть люди“.

Ссылаясь на Ад. Смита, Михайловскій утверждаетъ, что раздѣленіе труда принижаетъ человѣка, ослабляетъ его не только умственно, но и физически. А затѣмъ, снова возвращаясь къ Марксу, онъ заканчиваетъ свой горячій протестъ противъ біологической доктрины слѣдующими словами Маркса:

„Раздроблять человѣка значить казнить его, если онъ заслуживаетъ смертнаго приговора и просто убивать, если онъ не заслуживаетъ. Раздѣленіе труда есть убійство народа“.

Такъ встрѣтились между собою представители двухъ теченій въ наукѣ: одно — старое, считавшее возможнымъ рѣшеніе вопросовъ общественной жизни людей на основаніи данныхъ, добытыхъ путемъ изученія только человѣка; другое—новое, которое принималось за рѣшеніе той же задачи на основаніи общихъ законовъ біологіи. Ихъ аргументы свидѣтельствовали краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всего о томъ лишь, что враждебныя стороны другъ друга не понимали, потому что другъ друга не знали *).

Само собою понятно вслѣдствіе этого, что критика сторонъ держалась не столько аргументаціи теорій,

*) Въ какой степени это замѣчаніе справедливо, можно судить по слѣдующему примѣру.

Пауль Бартъ, въ своей интересной книжкѣ „Философія истории, какъ соціологія“, переведенной на русскій языкъ въ 1900 г.,—выражаетъ свое недоумѣніе передъ положеніемъ Уорда о томъ, что будто бы естественный отборъ обусловилъ возникновеніе многоклеточныхъ организмовъ изъ одноклеточныхъ; недоумѣваетъ Бартъ передъ той аксіомой не на основаніи тѣхъ ограниченій, которыя выставляются нѣкоторыми біологами, а на основаніи того, что ему непонятнымъ представляется «почему же, если бы это было такъ, вообще еще остались нѣкоторыя (?) одноклеточныя животныя!!“

сколько предполагаемыхъ возможностейъ отъ того, что произойдетъ, если этимъ теоріямъ будутъ слѣдовать.

Съ такой критикой выступили не только соціологи, но и тѣ изъ натуралистовъ, которымъ дарвинизмъ въ соціологіи казался неумѣстнымъ.

Талантливымъ выразителемъ этого момента въ развитіи біосоціологіи является извѣстный ученый Вирховъ. Нѣсколько дней спустя послѣ рѣчи Геккеля въ Мюнхенѣ на конгрессѣ натуралистовъ (въ 1887 г.) о дарвинизмѣ въ соціологіи, знаменитый патологъ выступилъ съ горячимъ протестомъ и противъ автора рѣчи, и противъ идеи, будто теорія Дарвина можетъ служить для объясненія и руководства въ явленіяхъ общественной жизни. Дарвинизмъ, послѣдовательно проведенный, ведетъ, по мнѣнію ученаго, прямой дорогой къ социализму и потому въ политическомъ отношеніи представляетъ крайнюю опасность!

Геккель, отстаивая свою точку зрѣнія, доказывалъ, что, если дарвинизмъ и представляетъ какую нибудь опасность, такъ это развѣ въ томъ смыслѣ, что борьба за существованіе и естественный отборъ, гарантируя переживаніе наиболѣе приспособленныхъ и лучшихъ людей, благопріятствуютъ аристократическимъ стремленіямъ; что же касается до социализма или, какъ иногда его называли тогда, коллективизма, то теорія Дарвина не только къ нему не ведетъ, но даже стоитъ съ нимъ въ открытомъ и непримиримомъ противорѣчьи.

„Коллективизмъ, утверждалъ Геккель въ своемъ отвѣтѣ Вирхову, требуетъ для всѣхъ гражданъ равныхъ правъ, равныхъ обязанностей, равнаго благосостоянія, равныхъ наслажденій, теорія же происхожденія видовъ, напротивъ, доказываетъ, что осуществленіе этихъ желаній просто на просто невозможно, что въ человѣческихъ обществахъ, какъ и въ животныхъ, ни права, ни обязанности, ни блага, ни наслажденія всѣхъ чле-

новъ ассоціаціи не будутъ и никогда не могутъ быть равными“.

„Великій законъ дифференціаціи учитъ, какъ въ общей теоріи эволюціи, такъ и въ біологической ея части, что разнообразіе явленій вытекаетъ изъ первоначальнаго единства, различіе функцій—изъ первоначальнаго тождества, сложность организаціи — изъ первоначальной простоты. Условія существованія индивидовъ съ самаго вступленія въ жизнь неодинаковы. Прибавьте сюда болѣе или менѣе несходныя наслѣдственныя качества и врожденныя склонности. Какимъ же образомъ наша жизненная работа и результаты ея могутъ быть у всѣхъ равными“.

„По мѣрѣ усложненія соціальной жизни великій принципъ раздѣленія труда пріобрѣтаетъ все большую важность; устойчивость всей государственной жизни требуетъ раздѣленія всѣхъ жизненныхъ функцій между членами государства; и такъ какъ работа, выполняемая людьми, такъ же, какъ и затрата силъ, таланты, средства и т. под., для нея необходимыя, въ высшей степени различны, то естественно, если и вознагражденіе за эту работу получается различное. Эти факты до того элементарны и очевидны, что всякій интеллигентный и просвѣщенный политикъ долженъ былъ бы, мнѣ кажется, выставлять теорію происхожденія видовъ и общую теорію эволюціи, какъ лучший аргументъ противъ абсурдныхъ эгалитарныхъ утопій“.

Не стану входить въ разсмотрѣніе полемики, вызванной разногласіемъ между такимъ крупнымъ ученымъ, какимъ былъ Вирховъ, и популярнымъ проповѣдникомъ дарвинизма, какимъ былъ Геккель: она уже давно извѣстна интересующимся вопросами біосоціологіи. Скажу лишь, что этотъ споръ какъ нельзя лучше характеризуетъ періодъ исторіи нашей науки: даже у натуралистовъ, сторонниковъ дарвинизма, рѣчь

идеть не о томъ, поскольку основательны принципы этой теоріи, а о томъ, къ чему поведетъ, что породить попытка перенести эти біологическіе принципы въ область социологіи.

Казалось бы, что, если геккелевская идея объ аристократичности дарвинизма расходится съ фактами, свидѣтельствующими, что наиболѣе приспособленный можетъ быть не только не лучшимъ а и худшимъ; что, если способность къ приспособленію, ничего не говоря о ея значеніи для характеристики аристократизма, отнюдь не подкрѣпляетъ его доводовъ въ пользу неукоснительной благодѣтельности борьбы за существованіе, какъ фактора социальнаго прогресса; что, если опасенія Вирхова о социалистической опасности дарвинизма въ такой же степени расходятся съ основнымъ тезисомъ дарвинизма, какъ утверженіе Геккеля—съ фактами,—ибо, согласно этому тезису, права и обязанности членовъ ассоціаціи животныхъ (и людей) не могутъ быть равными, а вслѣдствіе этого не могутъ быть равными и блага и наслажденія, выпадающія на долю каждаго изъ нихъ *),—то изъ этого вытекалъ только одинъ несомнѣнный выводъ, а именно: въ теоріи Дарвина, поскольку она могла бы найти мѣсто въ вопросахъ социологіи, тогда было очень много неяснаго, недоговореннаго и спорнаго, вслѣдствіе чего

*) Возраженіе на это сторонниковъ коллективизма, ищущихъ въ теоріи Дарвина точекъ опоры для своего ученія, а именно что социализмъ никогда и не говорилъ о такомъ равенствѣ, а исходилъ изъ положенія, по которому люди дѣйствительно не равны, но всѣ они люди, ничего, разумѣется, въ сдѣланномъ по адресу Вирхова заключеніи не измѣняетъ: постолько, поскольку тезисъ коллективистовъ обуславливается законами біологіи, онъ расходится съ социализмомъ (люди не равны), а поскольку онъ соотвѣтствуетъ социалистическимъ гипотезамъ (но всѣ они—люди), ему нѣтъ мѣста въ биологии, ибо это социологическій, а не біологическій принципъ.

надлежало бы заниматься не огульной оцѣнкой значенія законовъ біологіи въ соціологіи, не запугиваніемъ грядущими бѣдами, которыя будто бы послѣдуютъ, если принципы естественнаго отбора получать мѣсто въ рѣшеніи вопросовъ соціологіи, а тщательнымъ разборомъ самихъ этихъ принциповъ съ точки зрѣнія того матеріала, къ которому біологи предлагали его приложить.

III.

Второй этапъ въ развитіи біосоціологіи.

Проходятъ годы въ безслѣдныхъ спорахъ представителей этихъ двухъ враждебныхъ сторонъ. Мало-помалу однако противники отъ простаго отрицанія другъ друга переходятъ ко взаимной критикѣ, взаимному пониманію, а съ этимъ вмѣстѣ и ко взаимному вліянію другъ на друга. Начнемъ съ экономистовъ и соціологовъ.

Ланге ¹⁾ раньше многихъ другихъ призналъ наличность борьбы за существованіе въ человѣческихъ обществахъ. „Династии и знатные роды, говоритъ онъ, борются съ гражданской свободой за свое существованіе; капиталистъ борется за свое существованіе „въ той формѣ, какъ ея выработала исторія“ и т. д. Эту борьбу въ человѣческомъ обществѣ Ланге принимаетъ, какъ борьбу за привилегированное положеніе, и отличается она, по его мнѣнію, отъ борьбы за существованіе въ царствѣ животныхъ, кромѣ этого признака, еще слѣдующими:

1) безконечнымъ разнообразіемъ ступеней общественныхъ положеній въ человѣческомъ обществѣ, тогда какъ у муравьевъ и пчелъ, напримѣръ, раздѣленіе труда, говоря относительно, ничтожно;

¹⁾ Рабочій вопросъ въ его настоящемъ и будущемъ 1871 г.

2) тѣмъ, что въ борьбѣ за существованіе животныхъ и растений гибнуть зародыши живыхъ существъ, а въ людскихъ обществахъ зародыши способностей и склонностей, разсѣянные въ массѣ и, наконецъ.

3) между тѣмъ какъ растеніе безсознательно, а животное, въ большинствѣ случаевъ, совершенно поработанное естественнымъ инстинктомъ, непроизвольно подчиняется этимъ законамъ природы, у человѣка является, какъ послѣдняя ступень этого естественнаго процесса совершенствованія, способность возвыситься надъ его жестокимъ и бездушнымъ механизмомъ, замѣнить слѣпое дѣйствіе раасчитанной цѣлесообразностью и съ безконечно меньшими страданіями и мученіями осуществлять прогрессъ. Такой прогрессъ движется быстро, вѣрнѣе и непрерывнѣе, чѣмъ тотъ, который обусловленъ слѣпо дѣйствующими законами природы, посредствомъ борьбы за существованіе.

Штебелингъ въ книжкѣ „Соціализмъ и Дарвинизмъ“ (1879 г.) выступаетъ уже съ критикой иного порядка. Ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе, говоритъ онъ, имѣетъ въ виду нормальную естественную борьбу за существованіе: ее слѣдуетъ отличать отъ борьбы ненормальной, подъ которой авторъ разумѣетъ конкуренцію въ человѣческомъ обществѣ. И та, и другая, по его мнѣнію, наблюдается въ человѣчествѣ, при чемъ первая (настоящая борьба, нормальная) ведется съ внѣшнимъ міромъ, со стихіями для того, чтобы добыть себѣ пищу и защититься отъ стихійныхъ вліяній. Она ведетъ къ сохраненію и преуспѣванію сильнѣйшихъ и лучше организованныхъ, она изобрѣтаетъ оружіе, утварь, одежду, жилища; вторая — ненормальная борьба (конкуренція, войны) ведется между людьми и представляетъ уклоненіе отъ естественнаго состоянія: она создала господство физи-

чески сильнаго надъ слабымъ, она выразилась въ людодѣдствѣ, войнахъ, грабежахъ, а позднѣе въ экономической борьбѣ, въ присвоеніи чужого труда (рабство, крѣпостное право, феодализмъ) и, наконецъ, въ формѣ наемнаго труда и капитала.

Въ исторіи народовъ, говоритъ авторъ, бываютъ періоды процвѣтанія и упадка, смотря по тому, въ нормальной или аномальной борьбѣ они затрачиваютъ силы.

Не трудно доказать однако, прежде всего, что дѣленіе борьбы на нормальную и аномальную представляется очень неудачнымъ, такъ какъ (и это, разумѣется, прежде всего) оно не соотвѣтствуетъ тому опредѣленію борьбы за существованіе, которое далъ Дарвинъ и которое, согласно этому опредѣленію, вовсе не исчерпывается борьбой между индивидами одной и той же разновидности или вида, а она охватываетъ также борьбу и съ другими видами и борьбу со стихійными силами.

Почему, напримѣръ, война съ кафрами будетъ ненормальной, а война съ обезьянами, нападающими на культурное поле, будетъ нормальной? Почему послѣдняя должна повлечь за собой увеличеніе физической силы и мозга, а первая этого повлечь не можетъ?

Еще менѣе понятно, почему нормальная борьба ведетъ къ изобрѣтенію утвари, одежды, жилища, а ненормальная—экономическая—къ этому не ведетъ? Развѣ у готтентотовъ, ведущихъ болѣе нормальную, чѣмъ аномальную войну, эти предметы культуры лучше и совершеннѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ расъ, ведущихъ ненормальную войну? Факты доказываютъ противное и съ тѣмъ вмѣстѣ удостовѣряютъ, что попытку автора обосновать желательные тезисы его соціологическихъ воззрѣній болѣе детальнымъ разборомъ біологическихъ данныхъ нужно считать неудачной, но самое стремленіе критиковать эти данныя, а не ограничиваться только отрицаніемъ права вмѣшательства біологіи въ рѣшеніе

задачъ социологіи—представляется этапомъ, въ исторіи предмета весьма поучительнымъ.

Общее резюме этихъ и имъ аналогичныхъ мнѣній можно формулировать такъ: борьба, существовавшая въ человѣческомъ обществѣ, отличается отъ того, что мы видимъ въ животномъ царствѣ, и по существу, и по условіямъ, въ которыхъ происходитъ. Вслѣдствіе этого она и не можетъ привести къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ, по мнѣнію дарвинистовъ Геккелевской школы, привести должна.

Нейратъ въ своихъ „экономическихъ и социальнополитическихъ опытахъ“ (1880 г.) къ указаннымъ отличіямъ присоединяетъ новыя. Признавая вмѣстѣ съ другими равноцѣнность экономической конкуренціи съ одной стороны и борьбы за существованіе съ другой, онъ утверждаетъ, что въ эволюціи человѣчества рядомъ съ біологическими факторами дѣйствуютъ и другіе, на первомъ мѣстѣ которыхъ стоитъ борьба за идеалы; этотъ факторъ, по его мнѣнію, имѣетъ огромное значеніе и играетъ важную роль.

Правда, выяснить, какъ слѣдуетъ, въ чемъ же именно заключается роль этого фактора, автору не удалось¹⁾; но постановка вопроса сама по себѣ представляетъ уже большой интересъ и безспорное теоретическое значеніе.

Огромный шагъ впередъ дѣлаетъ Лафаргъ²⁾.

Установивъ различіе особенностей въ борьбѣ за су-

1) Разсматривая естественный отборъ, какъ результатъ «стремленія вверхъ», а не какъ источникъ или причину этого стремленія, и полагая, что послѣдній долженъ быть на лицо раньше, чѣмъ необходимость его осуществить вызоветъ дѣятельность отбора, стоящаго на стражѣ этого стремленія, авторъ вводитъ въ цѣпь своихъ разсужденій аргументъ, ни на чемъ не основанный и ничѣмъ не доказанный; свои соображенія онъ ставитъ такимъ образомъ въ зависимость отъ какого-то спонтаннаго стремленія вверхъ.

2) Экономическій материализмъ въ воззрѣніяхъ Карла Маркса. 1886 г.

пествованіе животныхъ и человѣка, Лафаргъ выступаетъ съ критикой самого естественнаго отбора, какъ пригоднаго для прогрессивнаго развитія человѣческаго общества.

„Надо еще опредѣлить, говоритъ ученый, всегда ли борьба за существованіе, результатомъ которой является переживаніе наиболѣе приспособленныхъ къ окружающей средѣ, бываетъ причиной органическаго прогресса. Что поле битвы остается за наиболѣе приспособленнымъ животнымъ, это несомнѣнно, но всегда ли наиболѣе приспособленное животное есть наиболѣе одаренное и развитое? Развѣ не случается весьма нерѣдко, что животное съ наиболѣе тонкой организаціей оказывается неспособнымъ примѣниться къ грубымъ жизненнымъ условіямъ и побѣжденное уступаетъ поле соперникамъ? Итакъ, даже въ животномъ царствѣ борьба за существованіе не всегда бываетъ причиной прогресса, а часто становится причиной регресса и вырожденія“.

Такимъ образомъ мы впервые встрѣчаемъ попытку доказать, что естественный отборъ отнюдь не такая сила, „за которую можно спать спокойно“ и которой стоило бы себя ввѣрять слѣпо и безконтрольно. Эта первая попытка, признавъ наличность силы, въ то же время призываетъ къ ея оцѣнкѣ и ея критикѣ.

Лафаргъ однако не ограничился этимъ.

Установивъ свой взглядъ на цѣнность закона борьбы за существованіе и умаливъ его значеніе со стороны послѣдствій, къ которымъ онъ ведетъ, авторъ старается умалить его значеніе и со стороны его роли въ процессъ развитія.

Въ природѣ, говоритъ онъ, происходитъ борьба за существованіе. Такимъ образомъ происходитъ естественный отборъ среди животныхъ: самые одаренные, наиболѣе приспособленные къ окружающимъ условіямъ, торжествуютъ въ борьбѣ за существованіе. Однако есте-

ственный и половой отборъ, это гениальное открытіе Дарвина, не можетъ объяснить всѣ явленія жизни. Нѣкоторыя изъ нихъ можно понять, только принявъ въ расчетъ законъ уравниженія и зависимости органовъ. Какъ растенія, такъ и животныя, существующія въ одной и той же обстановкѣ, вліяютъ другъ на друга, въ силу факта ихъ ассоціаціи, какъ вліяютъ другъ на друга части одного и того же организма. Материнская любовь сильно развита у животныхъ, а ассоціація уничтожаетъ и убиваетъ даже чувство, еще болѣе необходимое для сохраненія жизни, чѣмъ материнская любовь, — индивидуальный эгоизмъ у обезьянъ, слоновъ, буйволовъ, т. е. у всѣхъ животныхъ, ведущихъ общественную жизнь: сильнѣйшіе самцы становятся на стражѣ тамъ, гдѣ грозитъ опасность, и жертвуютъ собою для защиты молодыхъ самокъ и слабыхъ членовъ общины.

Не буду останавливаться на томъ, что въ этихъ соображеніяхъ Лафарга не вполне соответствуетъ истинѣ. Для насъ важны не частности, а общее направленіе его мыслей, которое приводитъ автора къ тому выводу, что надежды, возлагаемыя на борьбу за существованіе, очень далеки отъ основательности. Особенно интересны его соображенія о роли этой борьбы въ человѣческомъ обществѣ, гдѣ ея теченіе вслѣдствіе особыхъ условій получаетъ новыя черты отрицательнаго характера.

Дикое животное, говоритъ ученый, извлекаетъ изъ прибрѣтенныхъ имъ свойствъ пользу только для самого себя; можно ли сказать то же самое о цивилизованномъ человѣкѣ? Острые зубы и когти — рабочія орудія львовъ, т. е. средство поддержать существованіе послѣднихъ; хитрость — рабочее орудіе лисицъ. Такъ какъ эти орудія неразрывно связаны съ тѣломъ ихъ обладателей, то не могутъ быть обращены противъ этихъ послѣднихъ другими животными. Но орудія, изготовляемыя человѣкомъ, не воплощаются въ немъ; мысли его мозга овещест-

вляются въ книгахъ, техническихъ изобрѣтеніяхъ, химическихъ открытіяхъ и т. д. Орудія и мысли могутъ быть присвоены капиталистомъ, который направляетъ ихъ противъ ихъ же творцовъ. Итакъ, заключаетъ Лафаргъ, въ человѣческомъ обществѣ дѣла идутъ иначе, чѣмъ у животныхъ: человѣкъ одерживаетъ побѣду не столько благодаря своимъ естественнымъ свойствамъ, сколько при помощи орудій и оружія. А это къ сомнѣнію въ благодѣтельности борьбы за существованіе и естественнаго отбора присоединяетъ еще новыя и полная глубокаго значенія основанія и данныя.

Не буду приводить другихъ принциповъ изъ литературы предмета: всѣ они съ большей или меньшей опредѣленностью и полнотой свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что второй періодъ въ развитіи біосоціологіи представляетъ собою періодъ болѣе близкаго знакомства соціологовъ съ данными біологическихъ наукъ. Это знакомство приводитъ ихъ къ основательной критикѣ того слишкомъ прямолинейнаго стремленія подчинить соціологію законамъ біологіи, на которое претендовали нѣкоторые натуралисты. Въмѣстѣ съ тѣмъ это заставляетъ ихъ признать за этими законами огромное значеніе въ общественной эволюціи не только прошлаго, но и настоящаго и будущаго. ¹⁾

¹⁾ Нѣтъ надобности говорить, конечно, что эту точку зрѣнія раздѣляютъ не всѣ соціологи. Но я считаю взгляды тѣхъ изъ нихъ, которые отрицаютъ значеніе біологическихъ законовъ въ разъясненіи и пониманіи современнаго намъ культурнаго человѣчества, рудиментомъ соціологическихъ воззрѣній начала 70 годовъ, болѣе или менѣе неудачно модифицированныхъ, согласно требованіямъ времени.

Таковъ, напримѣръ, наиболѣе талантливый и освѣдомленный изъ нихъ, Каутскій, въ той части своихъ интересныхъ изслѣдованій, въ которой рѣчь идетъ о дарвинизмѣ въ соціологіи (*Darwinismus und Marxismus. Die Neue Zeit XIII № 23*) и въ которой онъ утверждаетъ, что для установленія законовъ общественной жизни чело-

Правда, законы эти—естественнаго отбора и борьбы за существованіе — въ области соціологіи являются

вѣка нѣтъ надобности въ данныхъ биологическихъ. Ученый полагаетъ вообще, что борьба за существованіе не имѣетъ мѣста въ человѣческомъ обществѣ. Даже въ мірѣ животныхъ и растений значеніе этого фактора, по мнѣнію автора, далеко не единственно и потому отнюдь не универсально, ибо кромѣ борьбы за существованіе и трансформациі видовъ существуютъ и другіе факторы эволюціи. Таковы — половой отборъ, вмѣшательство человѣка, то есть искусственный отборъ и общественная жизнь, которая сполна исключаетъ борьбу за существованіе между членами, составляющими общество. Что же касается до человѣческихъ обществъ, то въ ихъ развитіи играетъ роль не борьба за существованіе, а формы труда и производства. Процессъ же производства вовсе не борьба за существованіе, (равно какъ и соперничество, порожаемое способами производства), онъ не имѣетъ ничего общаго съ развитіемъ видовъ. Борьба за существованіе означаетъ приспособленіе организма, сначала человѣческаго, потомъ животныхъ и растений. Борьба за существованіе слѣпа: производство цѣлесообразно въ отношеніи своей технической, не коммерческой стороны. Итакъ, развитіе посредствомъ производства и развитіе посредствомъ борьбы за существованіе—два совершенно различныхъ понятія. Развитіе человѣческаго общества опредѣляется совершенно иными законами, чѣмъ развитіе видовъ.

Не трудно видѣть однако, что всѣ эти соображенія далеко не безупречны.

Идея о томъ, что между социализмомъ и дарвинизмомъ нѣтъ ничего общаго, какъ это утверждаетъ Каутскій, стоитъ въ противорѣчій съ его же мнѣніемъ о томъ, что открытый Дарвиномъ законъ борьбы за существованіе, лежащій въ основѣ развитія животныхъ и растительныхъ формъ, и открытый Марксомъ законъ борьбы классовъ, лежащій въ основѣ развитія человѣческаго общества, сводятся къ общимъ законамъ развитія. Что же касается до трансформациі организмовъ и существованія иныхъ факторовъ кромѣ борьбы за существованіе, то, буде таковые и существуютъ, они никоимъ образомъ не состоятъ изъ тѣхъ, на которые указываетъ Каутскій. Принципъ полового отбора, если и можетъ быть удержанъ, то лишь въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ, какъ это доказываютъ многочисленныя наблюденія натуралистовъ, собравшихъ множество фактовъ, доказывающихъ, что случаи, въ которыхъ Дарвинъ хотѣлъ видѣть явле-

извращенными отборомъ военнымъ, брачнымъ и экономическимъ, какъ это впервые формулировалъ Брока *): военнымъ потому, что временно остающиеся безбрачными, не только лишаютъ страну здороваго потомства, но послѣ жизни въ большихъ городахъ не рѣдко приносятъ къ себѣ на родину и пороки и болѣзни большихъ городовъ, тогда какъ забракованная болѣе слабая молодежь остается дома, женится здѣсь и даетъ потомство; половымъ отборомъ потому, что дѣвушки, здоровыя и способныя, но безъ приданнаго, не находятъ себѣ мужей, а болѣзненныя и неспособныя, но богатые даютъ потомство; наконецъ, экономическимъ отборомъ потому, что богатые люди, во всѣхъ отношеніяхъ ниже посредственности, живутъ дольше, чѣмъ люди, не лишеныя дарованій, но плохо питающіеся, терпящіе лишенія и вынуждаемые къ непосильному труду.

ния полового отбора, такового не представляютъ. Искусственный отборъ уже по одному тому, что онъ искусственный, ничего не даетъ для выясненія явленій трансформизма, въ смыслѣ противопоставленія чего нибудь борьбѣ за существованіе и естественному отбору въ обычныхъ условіяхъ жизни.

• Наконецъ, общественность вовсе не исключаетъ борьбы за существованіе между членами общества, какъ животныхъ, такъ и человѣческихъ.

Вся разница въ формѣ и средствахъ борьбы.

Другое дѣло—вопросы: неизбежна ли такая борьба въ человѣческомъ обществѣ? Желательна ли она? И можетъ ли быть ей противопоставлено нѣчто такое, что не можетъ быть противопоставлено въ царствѣ животныхъ? На эти вопросы Каутскій не только не даетъ, но и не можетъ дать отвѣта, такъ какъ, не разобравшись въ истинныхъ причинахъ, обуславливающихъ различіе борьбы за существованіе въ человѣческихъ обществахъ съ одной стороны и въ мірѣ животныхъ и растений—съ другой, онъ закрылъ себѣ пути къ истинѣ, отказавшись признать участіе біологическихъ факторовъ тамъ, гдѣ они на лицо и лишь видоизмѣнили форму своего приложенія и проявленія.

*) Broca. „Les selections“. Memoires d'anthropologie, Paris 1877 г.

Все это однако ни въ чемъ не измѣняетъ сдѣланныхъ заключеній и смысла тѣхъ итоговъ, къ которымъ пришли социологи за долгій періодъ ихъ борьбы съ біологами и характеръ которыхъ мы опредѣлили выше.

Что же сдѣлали за этотъ періодъ времени натуралисты Дарвиновской школы? Остались-ли они на той же точкѣ зрѣнія, которой держался въ началѣ 60-хъ годовъ Спенсеръ, а затѣмъ Геккель и его многочисленные сторонники, или и они отступили отъ своего крайняго доктринерства и, прислушавшись къ голосамъ авторитетныхъ ученыхъ чужого лагеря, тоже перемѣнили свою позицію? Мы увидимъ сейчасъ, что въ ихъ лагерѣ произошло аналогичное перемѣщеніе, по аналогичнымъ же причинамъ съ тѣми, которыя мы видѣли у социологовъ, и въ аналогичномъ же направленіи: социологи подались въ сторону біологическихъ ученій, біологи—въ сторону принциповъ чисто социологическаго характера.

Ограничусь для подтвержденія сказаннаго слѣдующими примѣрами.

Извѣстный сотрудникъ Дарвина, Уоллесъ, въ своей превосходной книгѣ „Дарвинизмъ“ устанавливаетъ въ вопросахъ социологіи точку зрѣнія, существенно отличную отъ той, на которой стояли дарвинисты 70-хъ годовъ: онъ опредѣленно признаетъ справедливымъ мнѣніе социологовъ, по которому борьба за существованіе въ капиталистическихъ обществахъ не ведетъ къ побѣдѣ лучшихъ. Одно это обстоятельство кладетъ глубокую грань между нимъ и тѣмъ, что исповѣдывала Геккелевская школа дарвинистовъ.

Но этимъ у него дѣло и ограничивается. Онъ признаетъ, напримѣръ, что наслѣдственное богатство препятствуетъ нормальному развитію, но объясняетъ это

такъ, какъ дарвинисты объясняли социальныя явленія того періода развитія біосоціологіи, когда существующій строй уже не признавался ими прекраснымъ, а регулирующий его порядокъ—естественный отборъ,—совершающимъ свое благодѣтельное дѣло безукоризненно, но еще не усматривали иного лучшаго фактора эволюціи, кромѣ того же естественнаго отбора, только въ болѣе благопріятныхъ для его дѣятельности условіяхъ.

Наслѣдственное богатство, говоритъ Уоллесъ, препятствуетъ естественному отбору. Эта ошибка въ устахъ ученаго, которому лучше, чѣмъ кому-либо, должно быть извѣстно, что естественный отборъ отнюдь не есть отборъ совершеннѣйшихъ а лишь отборъ наиболѣе приспособленныхъ, является чрезвычайно поучительною въ смыслѣ постепенности, съ которой натуралисты оставляли занятую ими въ 70-хъ годахъ позицію. Знакомясь съ вопросами социологіи, которымъ ни одинъ мыслящій человѣкъ не можетъ быть чуждымъ, Уоллесъ, очевидно, призналъ справедливыми основныя идеи представителей этой науки безъ всякаго отношенія къ біологіи, на основаніи данныхъ исключительно социологическихъ. Но затѣмъ, пытаюсь освѣтити процессы социальныхъ явленій съ точки зрѣнія явленій біологическихъ и замѣтивъ отличіе въ характерѣ борьбы и отбора въ человѣческихъ обществахъ отъ того, что въ этомъ отношеніи представляетъ собою животный міръ, рѣшилъ, что бѣда въ препятствіяхъ, которыя ставятся естественному отбору и которыхъ нѣтъ среди животныхъ и растений, вслѣдствіе чего они и доведены до настоящаго ихъ „совершенства“.

Уоллесъ страннымъ образомъ просмотрѣлъ, что въ царствѣ животныхъ естественный отборъ, покровительствуя приспособленнѣйшимъ, привелъ отнюдь не къ совершенству; что паразитизмъ, эксплуатація, явленія

регрессивнаго метаморфоза, широко поддерживаемые отборомъ, не только не отличаются отъ тѣхъ же явленій въ культурныхъ человѣческихъ обществахъ, но и не могутъ отличаться, такъ какъ являются слѣдствіемъ того же естественнаго отбора.

Затрудненіе знаменитаго натуралиста выступаетъ съ особенною ясностью, когда онъ принимается указывать выходъ изъ положенія.

Воспитаніе, говоритъ онъ, не можетъ улучшить расу: это дѣло отбора; оно только косвенно вліяетъ на способности людей. Спасеніе—въ рациональномъ половомъ отборѣ на основаніи справедливаго и разумнаго общественнаго порядка. Для этого необходимо, чтобы всѣ участвовали въ физической и духовной работѣ, чтобы работники получали полную плату за трудъ, чтобы женщины получали образованіе, которое поможетъ имъ оказать вліяніе на отборъ и т. д. и т. д. Но что же представляютъ собою эти мѣры? Что въ нихъ оправдываетъ сѣтованіе на стѣсненіе естественнаго отбора? Что говоритъ о необходимости расчистить ему дорогу? Ровно ничего! Напротивъ: по словамъ самаго же Уоллеса оказывается необходимымъ не естественный, а искусственный отборъ. Правда, по его словамъ судя, необходимымъ не вообще, а лишь для полового отбора. Но, спрашивается, кто же это можетъ регулировать правильность такого искусственнаго полового отбора? И, далѣе: если бы даже рѣшеніе такой задачи было возможно, то кто и какими путями создастъ подходящій для продуктивности такой мѣры справедливый и разумный общественный порядокъ? Въдь для того, чтобы такой порядокъ создать, прежде всего и безусловно необходимо слѣдовать цѣлямъ, выработаннымъ, согласно указаніямъ справедливости и разума. А разъ это такъ, то это будутъ уже не цѣли естественнаго отбора, являющіяся слѣдствіемъ борьбы

за существованіе, а цѣли, установленныя дѣятельностью человѣческаго ума и его этикой, которая съ этикой естественнаго отбора ничего общаго не имѣетъ; другими словами, это будутъ цѣли, требующія искусства, а не естественнаго отбора.

Для чего же необходимо очистить просторъ для дѣятельности въ человѣческомъ обществѣ этому біологическому принципу и какъ связать это требованіе съ тѣмъ рецептомъ, который предлагаетъ самъ же Уоллесъ для излеченія недуговъ? Вопросы эти остаются у него безъ отвѣта.

IV.

Третій этапъ въ развитіи біосоціологій.

То, о чемъ шла рѣчь въ предшествующей главѣ, еще не относится къ періоду взаимнаго признанія сторонъ въ качествѣ равноцѣнныхъ въ рѣшеніи выдвинутыхъ передъ нашимъ временемъ задачъ: къ голосамъ противниковъ стороны только прислушивались, аргументы ихъ учитывали, но платформы каждой изъ нихъ оставались еще прежними, независимыми другъ отъ друга, какъ дисциплинъ, хотя и сосѣднихъ, но чуждыхъ областей знанія.

Третій этапъ наступилъ лишь съ того момента, когда обѣ стороны, признавъ біологическіе факторы борьбы за существованіе и естественный отборъ могущественнѣйшими факторами общественной жизни современнаго культурнаго человѣчества, съ тѣмъ вмѣстѣ однако признавали въ нихъ не благодѣтельную силу, за которой можно было жить, не безпокоясь за дальнѣйшее нормальное развитіе, какъ это полагали дарвинисты перваго и (условно) втораго періода, а величайшихъ враговъ этого нормальнаго прогресса, съ ко-

торымъ люди, желающіе принять активное участіе въ судьбахъ прогрессивной эволюціи, должны объявить открытую и беспощадную войну.

Это такимъ образомъ уже не столько періодъ исторіи дарвинизма въ соціологіи, сколько переживаемый нами моментъ въ развитіи соціологіи. О немъ придется говорить по цѣлому ряду вопросовъ общественной жизни, о которыхъ будетъ идти рѣчь въ дальнѣйшихъ статьяхъ и потому здѣсь я ограничусь лишь нѣсколькими указаніями на относящіяся сюда идеи соціологовъ и біологовъ.

Со стороны соціологовъ назову Гижидкаго.

Естественный подборъ — пишетъ ученый ¹⁾ — есть агентъ, который въ качествѣ общаго регулятора жизни, дѣйствовалъ на фактическое состояніе всего существующаго нынѣ въ органической и животной жизни; это всеобщая естественная сила, которая правитъ и чловѣческой жизнью. А что мы видимъ въ этой послѣдней? Страшную массу физическаго и моральнаго зла, которой вышеупомянутый законъ вовсе не препятствуетъ, а частью, наоборотъ, содѣйствуетъ. Устранить страданіе міра нашей цѣлесообразной дѣятельностью — вотъ задача, которую мы ставимъ себѣ, когда считаемъ міръ, каковъ онъ есть безъ нашего содѣйствія, не „наилучшимъ изъ возможныхъ міровъ“, а такимъ, надъ улучшеніемъ котораго намъ слѣдуетъ поработать. То, что является результатомъ дѣятельности общихъ силъ природы, не можетъ служить для насъ нормой морали, потому что онѣ же производятъ и все дурное.

Въ силу упомянутаго закона, всякое существо, обладающее наивыгоднѣйшей организаціей, наилучше приспособленное къ своей „средѣ“, къ условіямъ своего

¹⁾ Moralphilosophie.

существованія, имѣть наиболѣе шансовъ сохраниться и размножиться; и это примѣняется ко всѣмъ существамъ, въ томъ числѣ и человѣческимъ. И далѣе, принципъ естественнаго отбора — законъ природы, а не моральный законъ; поэтому, ничто не противорѣчить ему въ исторіи человѣчества—ни отравленіе Сократа, ни сожженіе Бруно: Сократъ и Бруно не были „наиболѣе приспособленными“ къ своей соціальной средѣ; ихъ гибель была прямымъ слѣдствіемъ ихъ характера. Свойства самого общества опредѣляютъ, кто будетъ въ немъ переживать.

Изъ сказаннаго уже само собою слѣдуетъ, что названный авторъ, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣлый рядъ другихъ, признавая огромную важность біологическихъ факторовъ въ жизни человѣческаго общества, не видитъ другого выхода изъ положенія, созданнаго культурой, въ основѣ которой факторы эти лежатъ, кромѣ откровенной, настойчивой и непримиримой борьбы съ ними.

Но что же значитъ это заключеніе, какъ не аппелляція къ біологіи, ибо развѣ возможна борьба съ надеждой на успѣхъ, безъ всесторонняго и полнаго знанія своего врага, т е безъ знанія того, чему научить можетъ только біологія?

Біологія учитъ насъ, что человѣкъ есть существо двойственное: одна его часть унаслѣдована отъ животныхъ; это—его морфологическіе признаки и его инстинкты (самосохраненія, питанія и размноженія); другая—его благопріобрѣтенныя психическія особенности. И если для познанія послѣднихъ до извѣстныхъ предѣловъ можно обойтись безъ знанія біологіи, то для познанія области инстинктивныхъ актовъ безъ всесторонняго и полнаго знанія біологическихъ законовъ, ими управляющихъ, обойтись безусловно невозможно.

Но въ одинаковой степени невозможно держаться въ рѣшеніи вопросовъ общественной жизни и точки

зрѣнія біологовъ 70-хъ годовъ XIX столѣтія. Соціальныя чловѣческія факторы играютъ не меньшую роль и имѣють въ жизни чловѣческихъ обществъ не меньшее значеніе.

Вотъ что говоритъ по этому предмету извѣстный натуралистъ Гексли, лучше другихъ понявшій и оцѣнившій ученіе Дарвина, не съ формальной стороны только, а во всей его глубинѣ и полнотѣ. Развивая идеи послѣдняго, Гексли приходитъ къ слѣдующимъ, далеко не похожимъ на заключенія дарвинистовъ 70-хъ годовъ, выводамъ. Ученый ¹⁾ признаетъ наличность борьбы, какъ фактора эволюціи въ чловѣческомъ обществѣ, но признаетъ и ея глубокую несправедливость: за грѣхи родителей отвѣчаютъ дѣти, за грѣхи одного страдаютъ многіе; зло торжествуетъ, добродѣтель попирается.

Изъ фактовъ, которые мы видимъ вокругъ себя, „какъ ихъ видѣли тысячи людей тысячи лѣтъ назадъ“, Гексли дѣлаетъ единственно возможный и справедливый выводъ: космосъ ничего общаго съ законами нравственности не имѣетъ.

Не трудно видѣть, что эта мысль натуралиста такъ же близка къ мысли соціолога Гижицкаго, какъ безконечно далека отъ доктринъ натуралиста Геккеля, видѣвшаго въ борьбѣ залогъ справедливаго и благодѣтельнаго фактора прогресса.

Отмѣтивъ фактъ и указавъ его внутренній смыслъ, Гексли идетъ дальше и говоритъ: современный чловѣкъ однако уже не можетъ, глядя на это зло, успокаиваться „зрѣлицемъ того, что борьба всему отецъ и царь“, какъ это дѣлали греки классической Эллады; онъ не можетъ уйти и въ квіэтизмъ индусскаго мудреца.

¹⁾ Эволюція и этика. Рѣчь Томаса Гексли, 18-го Мая 1893 г.

Современные люди видятъ, что помощью мысли добро можетъ быть увеличено и уменьшено, что, стало быть, оно подлежитъ сложенію.

А если такъ, если борьба и естественный отборъ, въ прошломъ сѣигравшіе свою благодѣтельную роль, теперь приносятъ зло, то, утверждаетъ Гексли, выходя изъ положенія одинъ—это борьба съ тѣмъ, что нами отъ прошлаго въ области психики унаслѣдовано: „товарищи буйной молодости человѣчества приносятъ страданія въ періодъ гражданской зрѣлости“.

„Поймемъ разъ навсегда—такъ заканчиваетъ свои соображенія по этому поводу знаменитый натуралистъ—что этический прогрессъ не подражаніе, а врагъ процесса космическаго (къ которому Гексли относитъ процессъ біологическій въ томъ смыслѣ, въ какомъ я его разумѣю въ настоящемъ изслѣдованіи); его надо признать, а не прятаться отъ него, и бороться съ нимъ“. А если нужна борьба, то прежде всего и надо хорошо и возможно полно знать свойства врага, его силы, его размѣры. Если человѣческій судъ, произнося свой приговоръ надъ поведеніемъ гражданина и указывая пути къ исправленію, не можетъ и не долженъ оставлять безъ правильнаго и внимательнаго учета вліянія „товарищей буйной молодости“ судимаго, то тѣмъ менѣе допустимъ, тѣмъ менѣе возможенъ научный судъ, научное сужденіе о правилахъ поведенія и стоящихъ въ связи съ ними факторахъ эволюціи, безъ точнаго учета въ современной жизни культурнаго человѣчества его духовнаго наслѣдія отъ временъ той эпохи, въ которую онъ почти исключительно жилъ унаслѣдованными имъ отъ предковъ инстинктами.

Пытаться рѣшать задачи общественныхъ наукъ безъ научно обоснованныхъ данныхъ біологіи, пытаться выяснять факторы современной эволюціи, оставляя безъ учета роль и значеніе унаслѣдованныхъ нами психиче-

скихъ свойствъ,—представляется, поэтому, задачей въ такой же степени неблагоприятной и безнадежной, какъ и попытки тѣхъ крайнихъ сторонниковъ односторонняго и прямолинейнаго дарвинизма, которые ставятъ себѣ задачей рѣшать вопросы социологіи, устранивъ изъ числа факторовъ эволюціи — благопріобрѣтенное чело-вѣчествомъ, т. е. то, что въ немъ составляетъ чело-вѣческое.

Такимъ образомъ состоялось не только взаимное признаніе сторонъ, но и ихъ соглашеніе между собою. Болѣе того: намѣчены директивы совмѣстной работы, опредѣлена задача, открыты пути изслѣдованія. Въ добрый путь!

Наука, какъ критерій качества жизни.

(Толстой и Дарвинъ).

I.

Протесты, явившіеся одновременно съ первыми попытками перенести принципъ Дарвиновской теоріи въ область социологіи, какъ я сказалъ уже въ предшествующемъ очеркѣ, еще не прекратились. И въ наши дни мы встрѣчаемъ такой же убѣжденный и горячій отпоръ этимъ попыткамъ, какимъ онъ былъ и полвѣка назадъ. Измѣнились только мотивы, измѣнилась постановка вопроса, измѣнился масштабъ. Отрицалось значеніе науки въ вопросахъ человѣческой жизни и до изслѣдованій Дарвина, отрицается это значеніе и теперь, безъ всякаго отношенія къ этимъ изслѣдованіямъ: но логическая связь между послѣдними и отрицаніемъ значенія біологіи въ вопросахъ жизни едва ли подлежитъ сомнѣнію. Даже тогда, когда насъ увѣряютъ, что губить личность человѣка та наука, которая на самый важный вопросъ изъ всѣхъ вопросовъ—о смерти.—отвѣчаетъ ученіемъ о вѣчности матеріи и движенія—такъ какъ этимъ отвѣтомъ личность человѣка яко бы превращается въ мимолетное, безцѣльное, бессмысленное сочетаніе матеріи и силы на одно мгновеніе—даже въ такихъ выпадахъ противъ науки въ ея цѣломъ эволюціонное ученіе не осталось забытымъ и въ немъ по-

доаръвали, если не центръ зла, то одинъ изъ главнѣйшихъ его источниковъ.

Наука, говорятъ намъ, какъ и искусство, только утверждаетъ безысходность и непобѣдимость мірового зла; опираясь на эволюціонный процессъ, она все личное приносить въ жертву безличному, все живое мертвому, все любящее, утверждающее — ненавидящему, отрицающему жизнь.

Однимъ изъ такихъ противниковъ научнаго знанія, какъ критерія качествъ жизни, противникомъ наиболѣе популярнымъ и наиболѣе оригинальнымъ, является нашъ великій художникъ-мыслитель Л. Н. Толстой. Въ своемъ письмѣ къ Оболенскому онъ пишетъ: „Поддержаніе и размноженіе жизни не можетъ быть цѣлью жизни— это несомнѣнно. Но тутъ-то и являются двѣ разныя точки зрѣнія: одна та, что знаніе въ человѣкѣ (въ человѣчествѣ), наука, руководить жизнью, и другая, что человѣкъ есть орудіе разума“. Лично Толстой полагаетъ, что вопросы жизни наукой рѣшаемы быть не могутъ, что на нихъ отвѣчаетъ „религія, если хотите мудрость“.

Такимъ образомъ на вопросъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ насъ здѣсь интересуеть,—можетъ ли біологія, какъ одна изъ важнѣйшихъ дисциплинъ знанія, претендовать на право участія въ рѣшеніи вопросовъ жизни человѣка индивидуальной и коллективной?—мы получаемъ категорическій, опредѣленный отвѣтъ: нѣтъ, не можетъ и не должна: это не ея дѣло. „Наука—говорить Толстой—не даетъ главнаго“.

Что же разумѣетъ писатель подъ этимъ „главнымъ“.

„Людыамъ—говорить онъ—надо жить*), а для того, чтобы жить, имъ надо знать, какъ жить. И всѣ люди, всегда—плохо ли, хорошо ли—узнали это и, сообразно

*) Часть XV, стр. 250.

съ этимъ знаніемъ, жили, двигались впередъ, и это знаніе того, какъ должно жить людямъ, со временъ Солона, Моисея, Конфуція считалось всегда наукой, самой наукой наукъ. И только въ наше время стало считаться, что наука о томъ, какъ надо жить, есть все не наука, а что настоящая наука есть только наука опытная, начинающаяся математикой и кончающаяся соціологіей.

И выходитъ странное недоразумѣніе.

Простой и разумный рабочій человекъ, по старому, да, кромѣ того, и по здравому смыслу, предполагаетъ, что, если есть люди, которые всю жизнь учатся и за то, что онъ ихъ кормитъ и содержитъ, думаютъ за него, то, вѣроятно, люди эти заняты тѣмъ, чтобы изучать то, что нужно людямъ, и онъ ждетъ отъ науки, что она разрѣшитъ для него тѣ вопросы, отъ которыхъ зависитъ благо его и всѣхъ людей. Ожидаетъ онъ, что наука научитъ его, какъ надо жить, какъ обходиться съ семейными, какъ съ ближними, какъ съ иноплеменниками, какъ бороться со своими страстями, во что надо, во что не надо вѣрить, и многое другое. И что же ему говорить на всѣ эти вопросы наша наука?

Она съ торжествомъ объявляетъ ему, сколько милліоновъ миль отъ солнца до земли, съ какой быстротой пробѣгаетъ пространство свѣтъ, сколько милліоновъ колебаній эфира въ секунду для свѣта и сколько колебаній воздуха для звука; рассказываетъ о химическомъ составѣ млечнаго пути, новомъ элементѣ — гелии, о микроорганизмахъ, ихъ испражненіяхъ, о тѣхъ точкахъ руки, въ которыхъ сосредоточивается электричество, объ иксъ-лучахъ и тому подобномъ“.

Въ этихъ словахъ много преувеличенія, разумѣется, много ошибокъ, но есть и доля истины. Вопросы „человѣческаго въ человекѣ“, разумѣется, не могутъ разрѣшаться трактатами о червеобразномъ отросткѣ и слѣ-

пой кишкѣ. И задачи жизни не подвинутся впередъ отъ успѣшныхъ изслѣдованій въ той области, въ которой вращался мольеровскій докторъ, никогда не задававшійся никакими вопросами за предѣлами его классическаго инструмента. Преувеличенія Толстого являются совершенно понятными, если вспомнимъ тѣ преувеличенныя, одностороннія и прямолинейныя доктрины, съ которыми выступили дарвинисты въ пылу своей борьбы съ метафизикой и телеологіей, видѣвшіе цѣль человѣческой жизни въ процессахъ біологіи и фізіологіи, а гарантію прогресса въ естественномъ отборѣ.

Что могъ отвѣчать на эти увлеченія Толстой, кромѣ горькой ироніи, и какъ могъ онъ оцѣнивать ихъ, разумѣя подъ цѣлью жизни нѣчто, въ такой степени сложное и большое, что мы, по его мнѣнію, ничего на этотъ вопросъ не въ состояніи и отвѣтить.

„Цѣль жизни? — пишетъ онъ Оболенскому — такой цѣли нѣтъ и не можетъ быть и никакія знанія не могутъ найти ее. Законъ, направленіе пути жизни? Да“.

Откинувъ, поэтому, крайности въ соображеніяхъ Толстого и оставивъ въ сторонѣ преувеличенія, мы должны будемъ признать, что въ нихъ есть доля справедливаго. Со всѣмъ тѣмъ однако онъ глубоко не правъ, утверждая, что только „разумъ“ и „мудрость“ способны руководить человѣческою жизнью. Въ связи съ этимъ онъ не правъ и полагая, что точное знаніе бессильно въ рѣшеніи вопросовъ жизни.

Выяснить эти два заключенія, поскольку они стоятъ въ связи съ вопросомъ о значеніи біологіи въ рѣшеніи задачъ соціологіи и составляетъ предметъ настоящей статьи.

II.

„Конусъ жизни“ Толстого.

„Вы хотите методомъ научнымъ рѣшить вопросы, на которые отвѣчаетъ мудрость, писалъ Толстой Оболенскому, и этого сдѣлать нельзя, да и не нужно“.

„Мое собственное „я“, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ *), началось не съ моимъ рожденіемъ, оно лежитъ въ особенностяхъ моихъ родителей и условій, вліявшихъ на нихъ, а стало быть, въ особенностяхъ всѣхъ моихъ предковъ и въ условіяхъ ихъ существованія до безконечности“.

Вслѣдствіе этого человѣкъ нашего времени, его прошлое и будущее представляются Толстому въ формѣ „отрѣзаннаго конуса“, вершина и основаніе котораго скрываются отъ „его умственнаго взора“. Самая узкая часть конуса, говорить Толстой, есть то мое отношеніе къ міру, съ которымъ я впервые сознаю себя: самая широкая часть есть то высшее отношеніе къ жизни, до котораго я достигъ теперь. Начало этого конуса, вершина его скрыты отъ меня во времени моимъ рожденіемъ; продолженіе конуса скрыто отъ меня будущимъ, одинаково невѣдомымъ и въ моемъ плотскомъ существованіи и въ моей плотской смерти. Я не вижу ни вершины конуса, ни основанія его, но по той части его, въ которой проходитъ моя видимая, памятная мнѣ жизнь, я несомнѣнно узнаю его свойства. Сначала мнѣ кажется, что этотъ отрѣзокъ конуса и есть вся моя жизнь; но по мѣрѣ движенія моей истинной жизни, съ одной стороны, я вижу, что то, что составляетъ основу моей жизни, находится позади ея, за предѣлами ея: по мѣрѣ жизни я живѣе и яснѣе чувствую мою связь съ невидимымъ мнѣ прошедшимъ; съ другой стороны, я вижу,

*) Ч. V. стр. 167 и сл.

какъ эта же основа опирается на невидимое мнѣ будущее, я яснѣе и живѣе чувствую свою связь съ будущимъ и заключаю о томъ, что видимая мною жизнь, земная жизнь моя, есть только малая часть всей моей жизни, съ обѣихъ концовъ ея—до рожденія и послѣ смерти, несомнѣнно существующей, но скрытой отъ моего теперешняго познанія. И потому прекращеніе видимости жизни послѣ плотской смерти, такъ же какъ невидимость ея до рожденія, не лишаетъ меня несомнѣннаго знанія ея существованія до рожденія и послѣ смерти“.

Но этимъ знаніе Толстого законовъ жизни не ограничивается; онъ видитъ въ ней факты, на основаніи которыхъ утверждаетъ, что установленіе новыхъ отношеній къ міру у человѣка (и человѣчества) совершается „черезъ большее и большее подчиненіе животной личности разуму и проявленіе большей степени любви“.

Справедливость такого заключенія Толстой видитъ не только въ фактахъ прошлой и настоящей жизни людей, но и въ слѣдующихъ соображеніяхъ.

„Мнѣ представляется такъ, пишетъ онъ Оболенскому*), законъ жизни органической есть борьба; законъ жизни разумной, сознательной есть единеніе и любовь. На жизни органической, жизни борьбы, рождается разумная и связана съ ней. Цѣль очевидная: уничтожить борьбу и внести единеніе, гдѣ былъ раздоръ“. „Цѣль давно уже такая поставлена, чтобы перековать копыя на орала и чтобы ягненокъ лежалъ со львомъ. Вотъ цѣль, подобная этой, мерещится мнѣ, но я не дорожу ею, зная, что она далеко не исчерпываетъ всего.“

Мнѣ дорога только вѣрность направленія пути“.

Дорожить этимъ Толстой потому, что цѣль жизни

*) Письма Л. Н. Толстого къ Л. Х. Оболенскому за 1887—1903 гг.

во всей ея полнотѣ человѣку неизвѣстна и не можетъ быть извѣстна, такъ какъ „человѣкъ есть орудіе разума для совершенія его (разума), неизвѣстнаго вполнѣ человѣку, дѣла, а цѣль его разума не можетъ быть извѣстна, и извѣстенъ человѣку частью путь направленія, по которому ведетъ человѣка разумъ“.

Итакъ, единственно доступное человѣку въ рѣшеніи главныхъ вопросовъ жизни, это опредѣленіе вѣрнаго направленія пути; а направленіе это, судя по даннымъ прошлаго и по разуму, свидѣтельствуетъ намъ, что путь, по которому намъ надлежитъ идти „всѣмъ своимъ существомъ“, путь все большаго и большаго подчиненія животной личности разуму и проявленію все большей и большей степени любви.

Со всѣмъ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться; все это справедливо: и границы прошлой жизни въ общихъ чертахъ указаны вѣрно, и результаты, къ которымъ эта прошлая жизнь привела, если не считаться съ нѣкоторыми „затрудненіями“ послѣдняго полустолѣтія, близки къ истинѣ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что біологія устами своего великаго представителя, Дарвина, руководясь своими приемами изслѣдованія и своей категоріей фактовъ, пришла къ заключеніямъ, совершенно совпадающимъ съ тѣми, къ которымъ пришелъ Толстой.

„Соціальныя инстинкты, которые у человѣка были приобрѣтены, безъ сомнѣнія, для блага общества, говорить Дарвинъ, съ самаго начала были источникомъ желанія помогать ближнему и чувства симпатіи. Такія побужденія служили человѣку въ очень раннемъ періодѣ грубыми мѣрами добра и зла. Но когда человѣкъ, съ постепеннымъ развитіемъ его умственныхъ способностей, сталъ способенъ понимать отдаленныя послѣдствія своихъ поступковъ; когда онъ приобрѣлъ достаточно познаній, чтобы отвергнуть

вредные обычаи и суевѣрія; когда онъ сталъ имѣть въ виду не одно только богатство, но и счастье своихъ товарищей; когда вслѣдствіе привычки, слѣдовавшей за благодѣтельнымъ опытомъ воспитанія и примѣра, его симпатіи стали нѣжнѣе и шире, такъ что онѣ распространились на людей всѣхъ расъ, на слабоумныхъ, на убогихъ и другихъ бесполезныхъ членовъ общества и, наконецъ, даже на низшихъ животныхъ, то и уровень его нравственности началъ подниматься все выше и выше“.

Въ другомъ мѣстѣ книги Дарвина мы читаемъ: „Я старался показать, что соціальные инстинкты, первое основаніе нравственнаго склада челоуѣка, съ помощью дѣятельныхъ умственныхъ способностей и вліянія привычки естественно ведутъ къ золотому правилу: „какъ вы хотите, чтобы люди поступали съ вами, такъ поступайте и вы съ ними“, а это составляетъ основаніе нравственности.“

„Дѣлать добро въ отплату за зло, любить своего врага—это такая высокая нравственность, относительно которой справедливо можно сомнѣваться, могутъ ли привести къ ней соціальные инстинкты сами по себѣ. Прежде, чѣмъ создалось такое золотое правило, эти инстинкты, въ связи съ симпатіей, должны были достигнуть высшаго развитія и расшириться при воздѣйствіи разсудка, образованія, любви или страха Божія“.

Ту-же мысль повторяетъ ученый въ другомъ мѣстѣ.

„Чѣмъ бы ни былъ челоуѣкъ въ своемъ прошломъ, говоритъ онъ, и каковымъ-бы ни было это прошлое и его вліяніе на настоящее, развитіе нравственныхъ качествъ челоуѣка составляетъ высшій факторъ его культуры, отъ уровня котораго зависитъ и

состояніе этой культуры въ настоящемъ и ея дальнѣйшая эволюція.“

„Развитіе-же нравственныхъ качествъ гораздо болѣе, чѣмъ какими-бы то ни было иными причинами, обуславливается посредственно или непосредственно, дѣйствіемъ привычки и мыслительныхъ способностей, образованіемъ и религіей“.

Тоже, наконецъ, повторяетъ Дарвинъ и въ третьемъ мѣстѣ.

„Такимъ образомъ развивается мало по малу то чрезвычайно сложное чувство, которое имѣетъ первымъ источникомъ общественные инстинкты, руководится въ значительной степени одобреніемъ себѣ подобныхъ, управляется разсудкомъ и личной выгодой, а въ позднѣйшія времена глубокимъ религіознымъ чувствомъ, подкрѣпляется образованіемъ и привычкой и въ общей сложности составляетъ наше нравственное чувство или совѣсть.“

Такимъ образомъ на вопросъ—какіе факторы руководили человѣчествомъ въ его поступательной эволюціи прошлаго?—и Толстой и Дарвинъ отвѣчаютъ: традиціи, разумъ, знаніе и религія. Также точно по вопросу о свойствѣ или характерѣ эволюціи они отвѣчаютъ сходными формулами, которыхъ сущность заключается въ томъ, что люди, руководствуясь разумомъ, все болѣе подчиняли въ себѣ животныя мотивы ради мотивовъ человѣческихъ.

Но здѣсь и оканчивается согласіе между великими мыслителями нашего вѣка: согласные во взглядахъ на прошлое, они расходятся во взглядахъ на будущее.

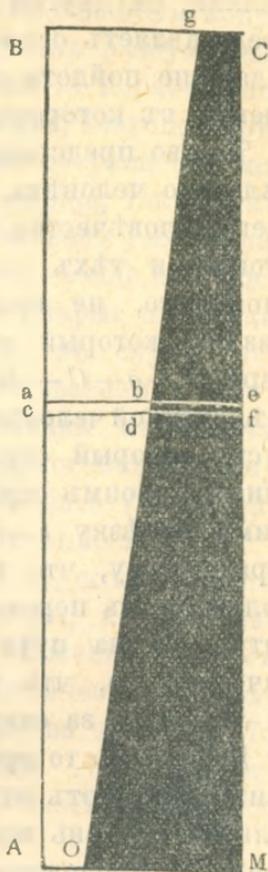
Толстой, ссылаясь на итоги и факторы прошлаго, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что дальнѣйшая эволюція пойдетъ въ томъ именно направленіи и тѣмъ именно путемъ, какимъ она шла до настоящаго времени. Дарвинъ же признаетъ эти факторы с о з и д а

те л я м и нравственнаго развитія челоуѣчества главнѣмъ образомъ въ прошломъ; судя по его извѣстному письму къ Уоллесу, онъ не находитъ возможнымъ признать ихъ роль въ дальнѣйшей эволюціи неизмѣнной и столь же важной: значеніе однихъ усиливается, другихъ ослабѣваетъ, третьихъ — исчезаетъ совсѣмъ.

Другими словами то, что Толстой принимаетъ за факторы вѣчные, Дарвинъ считаетъ вѣчно измѣнимымъ, а наиболѣе постояннымъ и въ одномъ направленіи дѣйствующимъ факторомъ, котораго роль становится все болѣе и болѣе могущественной, считаетъ точное знаніе, науку, за которой Толстой не признаетъ никакого значенія.

Это глубокое заблужденіе послѣдняго имѣетъ своимъ источникомъ, какъ я сказалъ уже, ошибку въ отправной точкѣ разсужденія художника-мыслителя.

Дѣло въ томъ, что „конусъ жизни“ Толстого только часть дѣйствительнаго „конуса жизни“, какимъ его представляетъ дарвинизмъ. Прилагаемый рисунокъ графически представляетъ, въ чемъ именно заключается различіе между этими двумя міровоззрѣніями. Толстой считается только съ отрѣзкомъ конуса $A-Bg-O$; знаетъ онъ только ту его часть, которая обозначена буквами $a-b-c-d$; отрѣзокъ этотъ представляетъ собой самую широкую часть конуса $A-a-b-O$. Его начало $A-c-d-O$ скрыто въ прошломъ, какъ его продолженіе $a-B-g-b$ въ будущемъ.

Отрѣзокъ $a-b-c-d$, говоритъ Толстой, представляетъ всю жизнь, и лишь при болѣе внимательномъ къ нему отношеніи становится понятнымъ, что онъ составляетъ только ничтожную часть жизни; большая-же ея часть $A-c-d-O$ лежитъ позади, въ прошломъ, и за ея предѣлами; съ другой стороны отрѣзокъ этотъ ($a-b-c-d$) представляетъ основу будущей жизни $a-B-g-b$, которая и дальше пойдетъ тѣмъ же путемъ, въ томъ же направленіи, въ которомъ шла прошлая.

Таково представленіе Толстого о жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, а въ болѣе широкомъ масштабѣ и всего человѣчества. Онъ въ виду достигнутыхъ эволюціей итоговъ и тѣхъ соображеній, о которыхъ выше было упомянуто, не придаетъ значенія другому „конусу жизни“, который учитывается Дарвиномъ въ полной мѣрѣ, $O-g-C-M$. Это конусъ жизни животной, унаследованной человѣкомъ отъ его далекихъ предковъ,—конусъ, который обращенъ своимъ основаніемъ ($O-M$) книзу, а своимъ отрѣзкомъ $b-d-e-f$, соответствующимъ отрѣзку $a-b-c-d$, кверху,—т. е. совершенно обратно тому, что намъ представляетъ конусъ жизни Толстого. Въ переводѣ на языкъ дарвинизма это значитъ, что на пути своего развитія человѣчество увеличивало то, что въ немъ составляло человѣческое, ($A-c-d-O$) за счетъ животнаго ($O-d-f-M$).

И вотъ въ то время, какъ Толстой, совершенно не считающій этотъ второй конусъ величиной самостоятельной и очень мощной, представляетъ себѣ будущее прямымъ продолженіемъ прошлаго, и въ смыслѣ стоящихъ передъ человѣчествомъ задачъ, и въ смыслѣ пріемовъ, при посредствѣ которыхъ задачи эти могутъ быть рѣшены, Дарвинъ придаетъ и этому второму (дополнительному) конусу огромное значеніе. Вслѣдствіе этого будущее представляется ему отнюдь не такимъ яснымъ, а вопросы о томъ, будутъ-ли факторы

прошлаго культуры играть свою благотворную роль въ дальнѣйшемъ будущемъ и потому пойдетъ ли будущая культура по „направленію пути“, которымъ шла въ прошломъ, весьма и весьма сомнительными. Основаніемъ для такого сомнѣнія служить уже одинъ тотъ фактъ, что отрѣзокъ $O—b—e—M$ вовсе не поглощенъ конусомъ $A—a—b—O$, какъ это выходитъ изъ разсужденій Толстого. Животное въ человѣкѣ вовсе не порабощено, оно не менѣе сильно, чѣмъ человѣческое, благопріобрѣтенное его культурой. Болѣе того: оно несравненно могущественнѣе, ибо оно неизмѣримо старше, такъ какъ отрѣзокъ $O—A—M—N$ (фиг. 2) существовалъ уже тогда, когда человѣчество и человѣческое $A—d—c$ еще не существовало. Біологія-же учитъ насъ, что старые признаки устойчивѣе новообразованныхъ и что въ случаѣ появленія какихъ либо факторовъ, задерживающихъ ростъ и развитіе, новообразовавшіеся признаки начинаютъ исчезать въ порядкѣ обратномъ филогенетическому развитію: прежде всего начинаютъ исчезать (дегенерировать) признаки, позднѣе всѣхъ появившіеся.

А изъ этого само собою слѣдуетъ, что, если въ человѣческой культурѣ создадутся причины, которыя задержатъ ходъ ея поступательнаго движенія въ томъ направленіи, въ которомъ она систематически развивалась, подчиняя разуму животныя свойства человѣка, то прежде всего послѣдуетъ сокращеніе тѣхъ именно свойствъ его природы, которыя въ немъ появились позднѣе другихъ.

Само собою разумѣется, что если такихъ причинъ, которыя давали-бы намъ основаніе опасаться за нормальное развитіе культуры европейской части человѣчества, не было-бы, то ничто не мѣшало-бы намъ признать „конусъ жизни“ Толстого правильно построеннымъ. Вмѣшательство науки въ рѣшеніе вопросовъ, составляющихъ „главное въ жизни“, не было бы необхо-

димымъ или, по крайней мѣрѣ, не было-бы неотложнымъ; но, если эти причины уже на лицо, если ихъ грозная роль уже ясно обозначилась, то дѣло совершенно измѣняется и требуетъ новыхъ средствъ, болѣе соответствующихъ новымъ факторамъ жизни, чѣмъ были тѣ, которые въ свое время обуславливали рѣшеніе культурныхъ задачъ болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго.

Соціологическія и біологическія справки даютъ намъ отвѣтъ на эти послѣдніе вопросы съ достаточною опредѣленностью.

III.

Соціологическія справки.

Для того, чтобы отвѣтить на поставленный выше вопросъ—даетъ ли та часть человѣчества, которую называютъ его культурною частью, основаніе для того, чтобы утверждать, что факторы, тормозящіе нормальное его развитіе, уже точно обозначены и что вслѣдствіе этого оно, покорное руководящимъ его эволюціей законамъ біологіи, стоитъ на пути къ дегенераціи своихъ высшихъ человѣческихъ свойствъ—намъ необходимо будетъ, хотя бы въ главнѣйшихъ чертахъ, выяснить слѣдующіе вопросы: увеличивается-ли или уменьшается преступность въ европейскихъ государствахъ нашего времени? если увеличивается, то какими причинами обуславливается это увеличеніе: временными, случайными, или постоянными органическими? и, наконецъ: отразились-ли или не отразились эти, породившія увеличеніе преступности, причины на остальную часть населенія государства, и если отразились, то какъ?

Начнемъ съ перваго изъ этихъ вопросовъ.

Вотъ что въ немногихъ словахъ намъ свидѣтельствуется по этому предмету статистика официальныхъ

учрежденій, несмотря на ея крайнюю неполноту, искусственныя замалчиванія, тенденціозное стремленіе ослабить впечатлѣніе и другія несовершенства *).

Начнемъ съ Германіи.

Въ общемъ статистическомъ отчетѣ, изданномъ Rechtsjustizamt за 1901 г. (1903), указывается, что по расчету на 100,000 населенія съ 1881 по 1901 г. число преступленій и проступковъ, бывшихъ въ разсмотрѣніи судовъ, повысилось съ 1120 на 1180.

Въ общемъ, по той же статистикѣ, тогда какъ населеніе увеличилось на 15⁰/₀, преступленія (Verbrechen) повысились за указанное время съ 37,544 до 50,538, т. е. на 34,6⁰/₀, а проступки съ 306,538 до 416,500, т. е. на 35,9⁰/₀.

И это увеличеніе идетъ прогрессивно.

Преступность малолѣтнихъ въ возрастѣ 12 — 18 л. возрасла еще больше—на 54²/₃⁰/₀, а по сравненію съ соотвѣтствующимъ населеніемъ на—37⁰/₀.

Рецидивъ растетъ тоже параллельно. На 100 т. населенія рецидивистовъ было въ 1882 г.—190,5, а въ 1899 г.—349,7.

Рецидивъ среди малолѣтнихъ, по вычисленіямъ Эдгара Ленинга, выразился въ 1889 г. въ цифрѣ 5,570, а въ 1866 г.—8,316, то есть, считая на 1,000 осужденныхъ съ 158 повысился до 188.

Такимъ образомъ совокупность статистическихъ данныхъ устанавливаетъ съ несомнѣнностью громадный, чрезвычайный ростъ преступности въ Германіи. Къ этому выводу приходятъ всѣ, безъ исключенія, новѣй-

*) Данныя по этому вопросу заимствуются мною изъ только что появившагося изслѣдованія С. К. Гогеля: „Курсъ уголовной политики въ связи съ уголовной социологіей“. Спб. 1910 г. Ссылки, дѣлаемые авторомъ на многочисленные спеціальные источники и цифровыя данныя, мною опускаются.

шіе изслѣдователи. Уже Эттингенъ въ своей *Moralstatistik*, вышедшей третьимъ изданіемъ въ 1882 г., отмѣчая чрезвычайное усиленіе тѣлесныхъ поврежденій, назвалъ это явленіе одичаніемъ нравовъ. Новѣйшія статистическія данныя разрушаютъ оптимистическіе взгляды Штарке (*Verbrechen und Verbrecher in Preussen 1854—1878*, изд. 1884 г.), который пытался объяснить замѣченный имъ ростъ преступности различными внѣшними причинами: усиленіемъ дѣятельности органовъ полиціи, временнымъ возвышеніемъ цѣнъ на продукты первой необходимости и т. д. Статистическія данныя свидѣтельствуютъ, что дѣло не въ случайныхъ и временныхъ причинахъ, а въ существѣ самого соціального строя государства, о которомъ идетъ рѣчь.

Италія. Hall въ своемъ сочиненіи о преступленіи и соотношеніи между преступностью и соціальнымъ прогрессомъ указываетъ, что число преступниковъ, судившихся во всѣхъ судахъ Италіи и присужденныхъ къ лишенію свободы, за время 1881—85 гг., въ среднемъ ежегодно составляло 367,570, а за 1896—97 гг.—527,694. Такимъ образомъ преступность увеличилась не только соразмѣрно съ увеличеніемъ населенія, но и значительно обогнала ростъ послѣдняго.

По числу убійствъ Италія, какъ оказывается, занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ; преступленія имущественныя систематически растутъ.

Австрія. Преступность въ этой странѣ тоже усилилась за послѣднія 25 л., какъ удостовѣряетъ официальная *Oesterreichische Statistik für das Jahr 1899* (изд. 1903 г.).

Франція. Въ 1902 г. статистическое бюро французскаго министерства юстиціи издало *Compte general de l'administration de la justice criminelle* за 20 л. [1880—1900].

Цифры, приведенныя въ отчетѣ, указываютъ на замѣтное уменьшеніе преступности: число лицъ, судив-

шихся судомъ присяжныхъ (accusés — осужденныхъ) уменьшилось съ 1668 до 1330; а prevenus (обличенныхъ въ преступленіи) въ судѣ исправительной полиціи нѣсколько повысилось съ 83.729 на 21.517, но противъ ближайшихъ предшествующихъ годовъ понизилось. Обращаясь къ отдѣльнымъ преступленіямъ, французская статистика, группируя ихъ, тоже отмѣчаетъ уменьшеніе.

Но, какъ замѣтилъ Тардъ въ своемъ докладѣ Société générale des prisons — «La criminalité en France dans les vingt dernières années», составители отчета забыли о релегации (высылка), которая удалила изъ предѣловъ европейской Франціи къ отчетному времени болѣе 10,000 самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Если понятіе Франціи, какъ страны, не ограничивать только континентомъ европейской территоріи, то выводы получились бы совершенно другіе.

Тардъ обратилъ вниманіе и на другіе факты, указывающіе на невѣрность общаго изображенія преступности: число дѣлъ не уменьшается, а увеличивается; за 20 лѣтъ оно повысилось съ 422.983 до 514.761. Куда же эти дѣла дѣваются? Тардъ отвѣчаетъ: число дѣлъ, прекращенныхъ за отсутствіемъ признаковъ преступленія, возросло за отчетное время съ 105.714 до 131.167. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ преступность по официальной статистикѣ свидѣтельствуетъ о пониженіи преступности, она оказывается невѣрной: болѣе точныя данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что во Франціи число убійствъ съ корыстною цѣлью увеличилось: meurtres (убійство въ запальчивости) съ 14 до 21% общаго числа, а assassinats (убійство съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ) съ 25 до 43%.

Contraventions, (мелкія нарушенія уголовнаго характера) направленные противъ личности, увеличились съ 26.607 до 32.179. Преступность дѣтская увеличивается, число малолѣтнихъ преступниковъ, не достиг-

шихъ 16 лѣтъ, увеличилось съ 6298 до 6938, а въ возрастъ 16—21 года—съ 22.100 до 34.328. Такимъ образомъ точныя свѣдѣнія удостовѣряютъ, что ростъ преступности во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, очень великъ, но что по политическимъ или другимъ соображеніямъ и основаніямъ преслѣдованіе все болѣе и болѣе ослабляется, а отчеты статистики допускаютъ умолчаніе о самыхъ серьезныхъ явленіяхъ преступности, о преступности релегированныхъ. Впрочемъ, и по официальной статистикѣ число преступленій въ Парижѣ за послѣдніе годы сильно возросло.

Англія. Вопреки создавшемуся одно время мнѣнію объ уменьшеніи преступности въ этой странѣ, взгляды этотъ не раздѣляется компетентными людьми и въ самой Англии. Факты свидѣтельствуютъ, что и здѣсь общее число преступныхъ дѣяній увеличивается, дѣтская преступность, судя по числу отправляемыхъ въ реформаторіи и индустріальныя школы, тоже и сильно увеличивается, а рецидивъ растетъ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы имѣемъ свидѣтельство такого компетентнаго лица, какъ Регль-Брайсъ, предсѣдатель совѣта тюремныхъ инспекторовъ Англии, который удостовѣряетъ въ докладѣ брюссельскому тюремному конгрессу, что, если въ 1877 г. 39⁰/₁₀₀ тюремнаго населенія являлось рецидивистами, то въ 1898 году рецидивисты составили уже 58⁰/₁₀₀ этого населенія. Въ 1902 г. рецидивъ дошелъ уже до 62⁰/₁₀₀.

Что касается, наконецъ, состоянія нашей, отечественной преступности, то состояніе русской статистики настолько неудовлетворительно, что не даетъ возможности дѣлать сколько-нибудь обоснованныхъ выводовъ.

Такимъ образомъ статистическія данныя, по свидѣтельству автора, у котораго я ихъ заимствовалъ, ¹⁾ съ

¹⁾ С. К. Гогель. „Курсъ уголовной политики“

полною очевидностью свидѣтельствуютъ о томъ, что на нашихъ глазахъ происходитъ весьма грозное явленіе. Преступность неуклонно и постепенно увеличивается. Число преступныхъ дѣяній и число осужденныхъ не только увеличивается сообразно съ увеличеніемъ и ростомъ населенія, но значительно и быстро перегоняетъ его. Такъ какъ это явленіе наблюдается уже, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями вверхъ и внизъ, около столѣтія, то устраняется всякая возможность считать его временнымъ.

Отвѣтивъ на вопросъ о ростѣ преступности въ европейскихъ государствахъ, намъ остается выяснить причины этого явленія.

Главнѣйшими изъ нихъ признаются факторы двухъ категорій: одни чисто соціологическіе: имя имъ пауперизмъ; другіе въ своей основѣ носятъ характеръ біологическій: алкоголизмъ и сифилисъ. Такимъ образомъ главными причинами, обусловливающими увеличеніе преступности, т. е. явленія регресса въ эволюціи европейской части человѣчества, оказываются факторы, ни количественно, ни качественно неизвѣстные въ томъ „конусѣ жизни“, на вершинѣ котораго покоится современная цивилизація. Они—факторы эти—составляютъ продуктъ исторической жизни европейскихъ народовъ приблизительно за послѣднія столѣтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что ими унаслѣдовано отъ прошлаго, составляютъ основаніе, базу, на которой предстоитъ возникновеніе и развитіе другой части „конуса жизни“—конуса будущаго.

Можно ли чувствовать себя покойнымъ, стоя передъ этимъ будущимъ, есть ли основаніе рассчитывать на то, что тѣхъ факторовъ, которые были руководителями въ жизни прошлаго,—разума и мудрости—достаточно для того, чтобы считать правильное рѣшеніе задачи обеспеченнымъ? На это, разумѣется, всего ближе отвѣтитъ разсмотрѣніе тѣхъ новыхъ факторовъ, съ кото-

рыми человекство не имѣло дѣла и съ которыми ему приходится имѣть дѣло сейчасъ и придется имѣть въ дальнѣйшемъ будущемъ.

Вотъ, что мы знаемъ по части пауперизма. ¹⁾ Его исторія, несмотря на сложность въ своихъ основныхъ моментахъ, ясна.

При средневѣковомъ строѣ, при которомъ личность была прикрѣплена къ мѣсту, къ союзу и къ корпораціи, къ опредѣленному занятію, конкуренція не могла имѣть того значенія, которое она получила позднѣе, въ, такъ называемомъ, индустриальномъ строѣ жизни обществъ. Производство было ограничено самими техническими его условіями.

Съ измѣненіемъ этихъ условій, съ усиленіемъ конкуренціи, съ предложеніемъ труда, превышающимъ спросъ, создалась безработица; ея слѣдствіемъ явилась бѣдность, слѣдствіемъ бѣдности—болѣзни и смертность взрослыхъ ²⁾ и кадры бродягъ-дѣтей, которыхъ численность все растетъ и растетъ. Нужно видѣть—говорить французскій адвокатъ, графъ Курбъ—этихъ дѣтей, когда они поступаютъ въ исправительныя колоніи въ Лиможъ и Безансонъ, чтобы представить себѣ то состояніе нищенства и физическаго ослабленія, въ которомъ находятся въ особенности дѣти, поступающія изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ.

Значительное число среди нихъ—калѣки, съ атрофированными членами, рахитики, золотушные. Тѣмъ, которыя имѣютъ 10 лѣтъ отъ роду, на видъ 6. Ихъ умственное развитіе также отстало, хотя у нѣкоторыхъ развита порочная хитрость.

¹⁾ Матеріаль по этому вопросу я черпаю изъ того же источника: „Курсъ уголовной политики“ С. К. Гогеля. Спб. 1910 г.

²⁾ По даннымъ Адольфа Костана изъ 12.000.000 рабочихъ заболѣваетъ 2.600.000 человекъ, ежегодно умираетъ 34.000 матерей и 80.000 отцовъ.

Другими словами и кратко формулируя результаты, къ которымъ приводитъ индустриальный строй въ Европѣ, это будетъ дегенерация физическая и психическая для одной части ея населенія. Ростъ преступности такимъ образомъ является логическимъ слѣдствіемъ развитія индустриализма. Въ Германіи преступность растетъ особенно быстро за послѣднія 20 лѣтъ, гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и это явленіе и Августъ Боско, и Шель приписываютъ именно быстрому чрезвычайному развитію индустриализма въ Германіи.

А рядомъ съ ростомъ преступности взрослыхъ растетъ и преступность дѣтей.

Не забудемъ при этомъ, что этотъ процессъ, который социологи называютъ „свободной конкуренціей“, а биологи—борьбой за существованіе, ведетъ къ побѣдѣ не лучшихъ, а наиболѣе приспособленныхъ; въ этой борьбѣ таковыми большею частью оказываются наиболѣе „недобросовѣстные или даже совсѣмъ безсовѣстные люди“, у которыхъ животныя интересы личнаго характера стоятъ на первомъ планѣ.

Таковъ одинъ изъ новыхъ факторовъ современной культуры европейскихъ народовъ, качественно отличный отъ тѣхъ, которыми обуславливалась культура прошлаго.

Намъ могутъ сказать на это, конечно, что нищета и бѣдность существовали всегда и раньше, что если есть разница, то, быть можетъ, только количественная. Это не такъ.

Ульгорнъ, подводя итоги даннымъ по этому вопросу, такъ формулируетъ свое заключеніе.

Бѣдность и нищета существовали всегда и будутъ, вѣроятно, всегда существовать, но бѣдность и нужда нашего времени носятъ особый характеръ. Онѣ прежде всего захватываютъ особенно большое число лицъ, цѣ-

ляя массы. Затѣмъ онѣ не представляютъ того переходящаго явленія, какъ прежде, которое объяснялось общественными временными бѣдствіями—неурожаемъ, эпидеміями, войной; теперь мы имѣемъ дѣло съ пауперизмомъ, какъ постояннымъ явленіемъ. И при этомъ причины этой бѣдности коренятся не столько въ личности, сколько въ общественныхъ условіяхъ, въ экономическомъ строѣ: теперь это не естественно, а, такъ сказать, общественно-бѣдные люди. Этотъ новый общественный строй—время крупнаго производства, время фабрикъ. Создаются большія богатства, но прямое послѣдствіе этого строя—уменьшеніе числа прочно обособившихся, обеспеченныхъ человѣческихъ существованій.

Этотъ взглядъ на современный строй поддерживаетъ и Александръ Эттингенъ. „Подъ блескомъ произведеній современнаго индустріализма, говоритъ онъ, скрывается демонъ соціальной нищеты, тотъ пауперизмъ, который находится въ тѣсномъ и совершенно логически необходимомъ соотношеніи съ атомизированіемъ нашихъ рабочихъ классовъ. Онъ (пауперизмъ) проявляется собственно не столько въ временной матеріальной нуждѣ или случайномъ недостаткѣ куска хлѣба, но обнаруживаетъ свою дѣйствительную природу въ невозможности имѣть опредѣленную специальность, въ недостаткѣ работы, въ невозможности зарабатывать хлѣбъ, однимъ словомъ, въ безнадежномъ положеніи!“

Еще поучительнѣе съ интересующей насъ точки зрѣнія рисуетъ картину индустріальнаго строя европейскихъ народовъ проф. Дюркгеймъ.

„Не слѣдуетъ упускать изъ виду, говоритъ онъ, что преступленіе есть дѣяніе, которое порицается большинствомъ, народною совѣстью, національнымъ сознаніемъ, чувствомъ солидарности“. „Эта солидарность разрушается съ развитіемъ раздѣленія труда. Весь

ходъ цивилизаціи выражался въ постепенномъ обобщеніи при одновременномъ разрушеніи все болѣе и болѣе крупныхъ группъ. Но по мѣрѣ того, какъ мораль, традиціи, религія обобщались, сила ихъ все болѣе ослаблялась и индивидъ получалъ возможность, по своимъ личнымъ взглядамъ, принимать то или другое; контроль группъ, и въ особенности ближайшихъ, исчезалъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезала и обязательность согласованія своихъ личныхъ поступковъ съ этою обобщенною общественною совѣстью. На этой почвѣ вырастаетъ анти-соціальный индивидъ“.

Если къ указанному фактору современной культуры мы присоединимъ еще два новыхъ, также неизвѣстныхъ въ далекомъ прошломъ, фактора и также мощно вліяющихъ на дегенерацію культурнаго человечества, а именно алкоголизмъ и сифилисъ, то заключенія, къ которымъ насъ приводятъ изслѣдованія „вышей части конуса жизни“, получатъ еще болѣе грозный характеръ.

Не безъ основанія ученые называютъ ихъ „бичами человечества“ и утверждаютъ, что они прямой дорогой ведутъ къ дегенераціи. И такъ какъ этой оцѣнкѣ и этому заключенію возраженій представлено не было, то намъ нѣтъ надобности входить въ подробности по этому вопросу. Ограничимся двумя-тремя словами. „Современный алкоголизмъ“, по свидѣтельству специалистовъ, „и качественно и количественно отличается отъ того, чѣмъ онъ былъ въ прошломъ европейской культуры. Теперь алкоголь во всѣхъ его видахъ—водка, абсентъ, ликеры, вермутъ и такъ далѣе, какъ отмѣчаетъ профессоръ Видаль, произведеніе искусственное, содержащее, по изслѣдованію врачей, настоящіе яды. Эти яды вызываютъ конвульсіи, пораженія и расстройства нервной системы, сумасшествія, самоубійства. Но и самая пер-

воначальныя стадіи опьяненія уже не тѣ, что при прежнемъ винѣ: это—опьяненія, вызывающія звѣрскія проявленія, пролитіе крови и т. д. А пауперъ, чтобы, по выраженію Бутса, не засматриваться постоянно въ ту пропасть, на краю которой онъ виситъ, чтобы забыться, чтобы подбодрить себя для работы, обращается къ единственному, доступному для него, средству—алкоголю, и алкоголь доканчиваетъ то, что начали соціальныя условія: дегенерацію и одичаніе“. „За генераціей и одичаніемъ взрослыхъ слѣдуетъ дегенерація дѣтей.“

Georges Bessière утверждаетъ, что ребенокъ рождается потому, что нисшіе классы, народныя массы, отравляются всякими искусственными препаратами алкоголя по самой дешевой цѣнѣ. Алкоголизмъ растетъ непомерно быстро. Потребленіе алкоголя въ Германіи увеличилось съ 87,4 метра на жителя въ годъ въ 1878 г. до 124,1 въ 1898 г.

Это усиленіе потребленія ведетъ къ усиленію преступленій. Проф. Пюнтковскій свидѣтельствуемъ, что до 70% всѣхъ преступниковъ, по даннымъ разныхъ странъ, алкоголики.

О роли, которую въ дегенераціи играетъ сифилисъ, распространяться не приходится: объ этомъ говорили и говорятъ, писали и пишутъ: социологи, экономисты, статистики, медики, биологи, общественные дѣятели въ городахъ и всевозможныхъ общественныхъ организаціяхъ, и потому намъ говорить объ этомъ здѣсь не приходится.

Принимая во вниманіе все сказанное, мы становимся въ необходимость признать, что характеръ базы для будущей части „конуса жизни“ глубоко отличенъ отъ того, который характеризовалъ этотъ „конусъ“ въ прошломъ и привелъ культуру европейскихъ народовъ къ ея современному состоянію. Мы обязываемся признать, поэтому, что будущее само собою не можетъ

идти по тому „направленію пути“, которымъ оно шло до сего времени, и, разумѣется, не пойдетъ, если чело-вѣчество не вмѣшается, руководясь указаніями науки, въ ходъ его эволюціи и не дастъ ей того направленія, которое соотвѣтствуетъ его этическимъ идеаламъ, вмѣсто того, которое само собой создается силою современныхъ факторовъ эволюціи.

Но, скажутъ, быть можетъ, читатель, если все это и справедливо, то не менѣе справедливо и то, что указаннныя явленія касаются меньшинства, какъ бы ни было меньшинство это значительно; культурное-же движеніе страны опредѣляется и направляется не меньшинствомъ, а большинствомъ.

Съ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться, но, какъ мы сейчасъ увидимъ, изъ этого обстоятельства ничего утѣшительнаго не получается. Не получается потому, во-первыхъ, что каковы бы ни были пробѣлы въ теоріи Тарда о подражаніи, какъ фактора эволюціи чело-вѣческихъ обществъ ¹⁾, она заключаетъ въ себѣ несомнѣнную долю истины уже по тому одному, что въ ея основѣ лежатъ біологическіе факторы. А съ точки зрѣнія этой теоріи, „наклонность чело-вѣчества къ подражанію, обращающая преступленіе въ ремесло, превращаетъ роль дегенерированнаго въ большихъ городскихъ центрахъ „меньшинства“ въ своего рода заразу“.

Эта роль представляется Тарду въ слѣдующемъ видѣ. „Совершаемая преступленія, нападенія, даже разбои, всякія половыя и другія насилія, безграничное пьянство, съ сопровождающими его буйствами, все это характеризовало въ прежніе вѣка нравы высшихъ сословій и постепенно, путемъ подражанія, перешло къ нисшимъ, и въ то время, какъ высшіе классы, благодаря

¹⁾ См. Максимъ Ковалевскій. Современные соціологи.

культурѣ, освободились отъ этихъ недостатковъ, нисшіе, какъ менѣе культурные, не свободны отъ нихъ. Въ послѣднее время взаимно знати, законодателями моды стали города, а въ области созданія вредныхъ и безнравственныхъ примѣровъ они имѣютъ громадное значеніе“.

Не утѣшительнымъ является сказанное выше соображеніе и потому, что обезпеченная часть общества, вслѣдствіе особыхъ, специальныхъ обстоятельствъ, созданныхъ тою же культурой, поражено своими специальными источниками дегенерации. Точныя знанія, давъ этой части общества рядъ новыхъ идей, подорвавшихъ авторитетъ прежнихъ религіозныхъ и соціальныхъ понятій, ничего не поставили взаимно того, что уничтожено. Люди узнали, какое ничтожное мѣсто занимаютъ они въ безконечномъ космосѣ, узнали, что природа абсолютно безразлична къ ихъ интересамъ, къ ихъ идеаламъ и стремленіямъ,—и то, что еще такъ недавно заставляло человѣчество любить и надѣяться, безслѣдно исчезло, оставивъ на своемъ мѣстѣ глубокое чувство пустоты и тревоги.

Эти новыя понятія, говоритъ Густавъ Лебонъ ¹⁾ „въ посредственныхъ головахъ произвели то анархическое состояніе идей, которое кажется наиболѣе характернымъ для современнаго человѣка. У молодого поколѣнія художниковъ и образованныхъ людей эти внутреннія противорѣчія привели къ своего рода мрачному равнодушію, убійственному для всякой воли, къ замѣчательной неспособности воодушевляться какимъ нибудь дѣломъ и къ исключительному культу непосредственныхъ и личныхъ интересовъ“.

„Современные государственные люди“, говоритъ Ле-

¹⁾ Густавъ Лебонъ. Психологія народовъ и массъ. Перев. съ французскаго изд. Ф. Павленкова. 1896 г.

бонъ въ другомъ мѣстѣ, „слишкомъ много вѣрятъ въ значеніе учреждений и слишкомъ мало въ значеніе идей. Наука показываетъ имъ однако, что первыя всегда дѣти вторыхъ и не могутъ существовать, не опираясь на нихъ. Идеи представляютъ невидимыя пружины вещей. Когда онѣ исчезли, то и скрытыя подпорки учреждений и цивилизациі поломаны. Для народа всегда былъ страшнымъ часомъ тотъ, когда его старыя идеи спускались въ темныя подземелья, гдѣ почиваютъ мертвые боги“.

Оставляя теперь въ сторонѣ причины, мы должны признать, что большинству великихъ европейскихъ націй серьезно угрожаетъ явное вырожденіе, въ особенностяхъ, такъ называемымъ, латинскимъ и тѣмъ, которыя принадлежатъ къ нимъ, если не по крови, то, по крайней мѣрѣ, по традиціямъ и по воспитанію. Онѣ теряютъ съ каждымъ днемъ свою инициативу, свою энергію, свою волю и свою способность дѣйствовать. Удовлетвореніе постоянно растущихъ матеріальныхъ потребностей стремится стать единственнымъ ихъ идеаломъ. Семья разлагается, социальныя пружины ослабляются. Недовольство и беспокойство распространяются во всѣхъ классахъ, какъ самыхъ богатыхъ, такъ и самыхъ бѣдныхъ.

Ставши очень впечатлительными, полагаетъ Лебонъ, массы, не удерживаемыя уже никакими преградами, повидимому, осуждены безпрестанно колебаться между самой бѣшенной анархіей и самымъ грубымъ деспотизмомъ. Онѣ очень легко поднимаются по одному слову и ихъ однодневныя божества скоро становятся ихъ жертвами. Повидимому, массы жадно добиваются свободы, въ дѣйствительности же онѣ ее всегда отталкиваютъ и безпрестанно требуютъ отъ государства, чтобы оно ковало для нихъ цѣпи. Онѣ слѣпо повинуются самымъ темнымъ сектантамъ и самымъ

ограниченнымъ деспотамъ. „Государство, каковъ бы ни былъ его номинальный режимъ, является боже-ствомъ, къ которому обращаются всѣ партіи. Отъ него требуютъ съ каждымъ днемъ все болѣе тяжелой регламентаціи и покровительства, облакающихъ малѣйшіе акты жизни въ самыя тираническія формальности. Молодежь все болѣе и болѣе отказывается отъ карьеръ, требующихъ пониманія, инициативы, энергіи, личныхъ усилій и воли; малѣйшая отвѣтственность ее пугаетъ. Ограниченная сфера функцій, за которыя получается жалованье отъ государства, ее вполне удовлетворяетъ. Энергія и дѣятельность замѣнены у государственныхъ людей страшно бесплодными личными препирательствами, у массъ — восторгами и злобами дня, у образованныхъ—какимъ-то плаксивымъ, безсильнымъ и неопредѣленнымъ сантиментализмомъ и блѣдными разсужденіями о горестяхъ жизни. Безграничный эгоизмъ развивается всюду. Каждый, въ концѣ концовъ, сталъ заниматься только собою. Совѣсть становится покладистой, общая нравственность понижается и постепенно гаснетъ. Человѣкъ теряетъ всякую власть надъ собою. Онъ не умѣетъ больше владѣть собою; а тотъ, кто не умѣетъ владѣть собою, осужденъ скоро очутиться подъ властью другихъ“.

Пусть въ этихъ соображеніяхъ авторъ много преувеличиваетъ, но факты говорятъ намъ, что въ нихъ есть и нѣкоторая доля истины.

А если это такъ и если въ теоріи Тарда тоже есть доля истины, въ извѣстномъ смыслѣ дополняющая соображенія Лебона, то указаніе на дегенерацію только меньшинства, едва ли въ чемъ измѣняетъ тревожность итоговъ, которые сами собою подводятся фактами, характеризующими современное положеніе культурныхъ государствъ Европы, и значеніе заключеній, сдѣланныхъ по этому предмету въ предшествующей главѣ.

Отличной иллюстраціей къ сказанному могутъ служить слѣдующія выдержки изъ газетъ.

„Очаровательная женщина съ блестящимъ прошлымъ!“ „Парижъ — такой тонкій цѣнитель всего блестящаго, всего очаровательнаго...“ „А эта женщина была tout-a fait parisienne“. „Парижъ внутренне ей глубоко благодаренъ, такъ какъ самъ хочетъ быть очаровательнымъ“. „Онъ благодаренъ ей за то первое волненіе, которое она ему дала, за весь этотъ шумъ и толки... за интересное зрѣлище... за интересныя статьи, за любопытныя кроки въ журналахъ... Да и независимо отъ событія — это „истинная“ парижанка, умѣющая такъ изящно, „совсѣмъ по парижски жить и жить давать другимъ...“ и т. д., и т. д., и т. д.

Вы полагаете, конечно, что рѣчь идетъ о какой-нибудь выдающейся артисткѣ, давшей новое художественное толкованіе интересному типу модной драмы, или какой-нибудь піанисткѣ, поразительной техники и музыкальности, или женщинѣ-оратору, женщинѣ-ученому... Нѣтъ! Такъ подъ общій тонъ парижскаго общества пишутъ о Стенель, обвиняемой въ убійствѣ своего мужа и матери, пишутъ о человѣкѣ, въ которомъ по смыслу обвинительнаго акта ничего человѣческаго не значитя, а значитя только животное, хладнокровно задумавшее и выполнившее свое гнусное дѣло, въ интересахъ наиболѣе удобнаго выполненія дальнѣйшихъ гнусностей.

Явившись на судъ, обвиняемая хладнокровно ведетъ свою самозащиту, кривляясь и выкрикивая, твердить, что матери она не убивала (за это, вѣдь, грозить Гвіана), а мужа.. тоже не убивала (здѣсь большой опасности нѣтъ и въ случаѣ осужденія всегда найдутся смягчающія вину обстоятельства). И вотъ при благосклонномъ участіи какого-то господина, который игралъ на судѣ роль прокурора, передъ „столи-

цей міра“ ставится водевиль въ одномъ дѣйствіи и многихъ картинахъ, съ рыжими париками, маскарадными костюмами, неумѣстными слезами и умѣстнымъ смѣхомъ!..

Парижъ доволенъ! Сколько пикантнаго и забавнаго, и щекощущаго истрепавшіеся нервы... Какое ему дѣло до того, что передъ нимъ — симптомъ его собственной гангрены, что забавное въ этомъ дѣлѣ—лоскутокъ погребальнаго покрова, который надвигается надъ рынкомъ мирового пустословія, суеты и разврата...

Это ли не отвѣтъ на утвержденіе о дегенераціи только меньшинства! Правда, апаши встрѣтили „свою“ аплодисментами и криками „vivat“, которые большой публичкой поддержаны не были, но... не все ли равно, въ какой формѣ будетъ выражено сочувствіе и глубокая сердечная благодарность!..

IV.

Біологическія справки.

Итакъ, соціологическія данныя свидѣтельствуютъ намъ, во-первыхъ, о томъ, что въ числѣ факторовъ культуры современныхъ народовъ Европы явились элементы, новые по своимъ качествамъ, могущественные по своему вліянію и грозные по своему значенію для тѣхъ человѣческихъ идеаловъ, которые были руководителями въ культурѣ прошлаго.

Что же говорятъ намъ по этому поводу данныя біологи?

Они говорятъ, что, если свойство и характеръ новыхъ факторовъ культуры опредѣлены соціологами вѣрно, дегенерація будетъ такимъ же неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этихъ факторовъ, какъ сокращеніе (утрата) идеаловъ прошлой культуры — неизбѣжное слѣдствіе дегенераціи.

Вотъ чему насъ въ этомъ смыслѣ учать біологическія данныя, впервые точно формулированныя Дарвиномъ.

„Органъ, развитый въ какомъ-либо видѣ въ необычайной степени или необычайнымъ образомъ въ сравненіи съ видами сродными, расположенъ къ чрезвычайной измѣнчивости. Судя по наблюденіямъ профессора Оуена надъ длиною рукъ у орангъ-утанга, онъ также пришелъ къ подобному заключенію. Это законъ чрезвычайно общій“.

„Слѣдуетъ помнить, что этотъ законъ относится не ко всѣмъ органамъ, необычайно развитымъ, а лишь къ органамъ, развитымъ необычайно въ сравненіи съ ихъ развитіемъ въ близко сродныхъ видахъ. Такъ, крыло летучей мыши есть органъ, очень аномальный въ классѣ млекопитающихъ, но наше правило не приложимо къ нему, потому что существуетъ цѣлая группа летучихъ мышей, снабженныхъ крыльями. Оно было бы приложимо лишь тогда, если бы какой-либо (одинъ) видъ летучей мыши имѣлъ крылья, развитыя необычайно въ сравненіи съ крыльями прочихъ видовъ того же рода“.

А вотъ одинъ изъ фактовъ, который можетъ служить для иллюстраціи установленнаго Дарвиномъ заключенія.

„Крышечныя створки сидячихъ усоногихъ раковъ (Баланидовъ) — органы, во всѣхъ отношеніяхъ очень важные и очень сходные даже въ разныхъ родахъ. Но въ отдѣльныхъ видахъ одного рода (*Purgoma*) эти створки представляютъ удивительное разнообразіе; соответствующія створки разныхъ видовъ подчасъ имѣютъ совершенно различную форму, и степень измѣнчивости въ предѣлахъ каждаго вида такъ велика, что мы можемъ сказать безъ преувеличенія, что разновидности

болѣе разнятся между собою въ признакахъ этихъ важныхъ створокъ, чѣмъ виды другихъ родовъ“.

Но въ какомъ же отношеніи стоятъ эти крышечки, эти ничтожнѣйшіе пустяки, къ вопросамъ социологін, спросить насъ читатель, воспитанный на книжной премудрости, привыкшій считаться и цѣнить только мнѣніе людей и совершенно потерявшій способность понимать истинную и огромную цѣнность факта? А вотъ какую, отвѣчу я этому читателю.

Человѣкъ—*Homo sapiens*—есть видъ большого рода высшихъ млекопитающихъ животныхъ (четырехрукихъ), отъ которыхъ отличается въ необычайной степени развитымъ мозгомъ и связанными съ этимъ органомъ психическими способностями—даромъ рѣчи и нравственнымъ чувствомъ.

Этотъ необычайно развитый мозгъ и представляетъ собою тотъ именно органъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и свойство), который, вслѣдствіе своего огромнаго развитія по сравненіи съ соотвѣтствующими органами видовъ сродныхъ, предрасположенъ къ чрезвычайной измѣнчивости. Органъ, о которомъ идетъ рѣчь, во всѣхъ отношеніяхъ очень важенъ и очень сходенъ у всѣхъ видовъ рода. Но у вида *Homo sapiens* онъ представляетъ совершенно очевидную гипертрофію, а вслѣдствіе этого удивительное разнообразіе и склонность къ измѣнчивости.

Сходными, какъ мы сейчасъ увидимъ, оказываются и причины, вслѣдствіе которыхъ необычайно развитые органы одного какого-нибудь вида даннаго рода съ одной стороны и способности человѣка, связанная съ необычайно развитымъ у него органомъ—головнымъ мозгомъ—съ другой, подвержены большой измѣнчивости.

На вопросъ о причинѣ этого явленія у животныхъ Дарвинъ отвѣчаетъ слѣдующее.

„Когда какая-либо часть или органъ развиты въ какомъ либо видѣ въ необычайной степени, мы естественно заключаемъ, что эта часть важна для вида; тѣмъ не менѣе она въ этомъ случаѣ очень подвержена измѣненіямъ. Какъ это объяснить? У нашихъ домашнихъ животныхъ, если какой-либо органъ или все животное, оставляется безъ вниманія, не подвергается тщательному подбору, эта часть (напримѣръ, гребень у доркингскихъ куръ), или вся порода лишается своего однообразнаго характера. Такая порода будетъ считаться выродившеюся. Органы зачаточные и тѣ, которые лишь мало были приспособлены къ какому-либо отдѣльному отправленію, и, быть можетъ, полиморфическія группы представляютъ намъ подобный же, но уже естественный примѣръ; ибо въ такихъ случаяхъ естественный подборъ не пришелъ или не можетъ придти въ полное дѣйствіе и, слѣдовательно, организація остается въ колеблющемся состояніи. Но что для насъ важнѣе, тѣ черты въ строеніи нашихъ домашнихъ животныхъ, которыя нынѣ подвергаются быстрому измѣненію черезъ искусственный подборъ, въ то же время чрезвычайно уклончивы. Взгляните на наши голубиныя породы: какое неимовѣрное разнообразіе въ клювахъ разныхъ турмановъ, въ клювахъ и мясистыхъ отросткахъ почтовыхъ голубей, въ хвостъ и походкѣ голубя трубастаго и т. д., т. е. именно въ тѣхъ признакахъ, которыми особенно заняты нынѣшніе англійскіе охотники! Даже въ подпородахъ, каковъ короткоклювый турманъ, какъ всѣмъ извѣстно, очень трудно добиться этихъ признаковъ въ полной чистотѣ, и часто рождаются особи, далеко отступающія отъ требуемой нормы.

Поистинѣ можно сказать, что происходитъ постоянная борьба между стремленіемъ возвращаться къ состоянію менѣе уклонному и врожденною склонностью къ измѣнчивости съ одной стороны, а съ другой—си-

лою подбора, охраняющаго чистоту породы. Съ теченіемъ времени, подборъ одерживаетъ верхъ, и, конечно, нечего опасаться, чтобы отъ хорошаго племени короткоклювыхъ турмановъ произошелъ обыкновенный турманъ. Но пока дѣйствіе подбора подвигается быстро, мы постоянно можемъ ожидать значительной уклончивости въ видоизмѣняющемся организмѣ. Далѣе, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что эти измѣнчивые признаки, результатъ искусственнаго подбора, иногда по причинамъ совершенно намъ неизвѣстнымъ проявляются преимущественно въ одномъ полѣ, обыкновенно въ самцахъ, какъ, на примѣръ, мясистые отростки чистыхъ голубей и вздутый зобъ дутышей“.

„Обратимся къ природѣ. Когда какая-либо часть развита необычнымъ способомъ въ какомъ-либо видѣ сравнительно съ прочими видами того же рода, мы можемъ заключить изъ этого, что эта часть подверглась въ значительной мѣрѣ уклоненіямъ съ тѣхъ поръ, какъ видъ отдѣлился отъ общаго родоначальника рода. Время этого отдѣленія по большей части не будетъ чрезмѣрно давнее, такъ какъ виды очень рѣдко существуютъ долѣе одного геологическаго періода. Необыкновенная степень уклоненія предполагаетъ необычную мѣру уклончивости, постоянно накопывшейся естественнымъ подборомъ на благо вида. Но такъ какъ уклончивость необычайно развитой части или органа была столь значительною и продолжительною во времена относительно недавнія, мы могли бы, въ большинствѣ случаевъ, ожидать, что найдемъ эти части или органы болѣе уклончивыми, чѣмъ прочіе, оставшіеся приблизительно неизмѣнными въ теченіе гораздо болѣе долгаго періода времени. И такъ оно, по моему убѣжденію, и есть на дѣлѣ. Что борьба между естественнымъ подборомъ съ одной стороны и стремленіемъ къ возвращенію и къ измѣнчивости съ другой прекратится съ теченіемъ времени и

что органы, развитые самым ненормальнымъ образомъ, могутъ сдѣлаться постоянными,—въ этомъ я не вижу причинъ сомнѣваться. Поэтому органъ, какой бы онъ ни былъ ненормальный, но передавшійся въ приблизительно одинаковомъ видѣ множеству разнообразныхъ потомковъ, какъ, напримѣръ, крыло летучей мыши, долженъ былъ существовать, по моей теоріи, весьма долго въ видѣ приблизительно одинаковомъ; отъ этого и происходитъ, что онъ не измѣнчивѣ всякаго другого органа. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда видоизмѣненіе совершилось сравнительно недавно и когда оно было очень значительно, можемъ мы ожидать, что встрѣтимъ еще значительную степень этой „прирожденной измѣнчивости“, какъ можно ее назвать. Ибо въ этомъ случаѣ уклоненіе лишь рѣдко будетъ упрочено послѣдовательнымъ подборомъ особей, уклонявшихся въ надлежащей мѣрѣ и надлежащимъ способомъ, и послѣдовательнымъ разрушеніемъ особей, склонныхъ возвратиться къ прежнему, менѣе уклонному состоянію“.

Къ этому Дарвинъ присоединяетъ слѣдующее замѣчаніе:

„Тѣ признаки, въ которыхъ всѣ виды одного рода схожи между собою и расходятся съ видами другихъ родовъ, называются признаками родовыми; и эти общіе признаки я считаю наслѣдіемъ общаго родича, ибо едва ли могло случиться, чтобы естественный подборъ могъ видоизмѣнить одинаковымъ образомъ разные виды, приспособленные къ образу жизни болѣе или менѣе различному; и такъ какъ родовые признаки унаслѣдованы отъ времени очень отдаленнаго, предшествовавшаго выдѣленію видовъ изъ общаго прадрѣдовскаго племени, и съ тѣхъ поръ не измѣнились вовсе, или лишь незначительно, то нѣтъ вѣроятности, чтобы они стали измѣняться теперь. Съ другой стороны признаки, которыми разнятся между собою виды одного рода, на-

зываются признаками видовыми; и такъ какъ эти видовые признаки уклонялись и разошлись по выдѣленіи вида изъ праѣдовскаго племени, то есть вѣроятіе, что они и останутся въ нѣкоторой мѣрѣ измѣнчивыми, по крайней мѣрѣ, болѣе измѣнчивыми, чѣмъ тѣ признаки, которые оставались постоянными въ теченіе долгихъ періодовъ времени.“

Свои заключительныя положенія по этому вопросу Дарвинъ формулируетъ такимъ образомъ.

„Итакъ, скажу въ заключеніе, что большая измѣнчивость видовыхъ признаковъ и большее постоянство признаковъ родовыхъ; что часто чрезвычайная измѣнчивость какой-либо части, развитой въ необыкновенной мѣрѣ въ какомъ-либо видѣ, въ сравненіи съ видами сродными, а такъ же малая степень измѣнчивости частей необычайно развитыхъ, когда это необычайное развитіе обще цѣлой группѣ видовъ; что совпаденіе вторичныхъ половыхъ признаковъ съ признаками видовыми,—что всѣ эти группы явленій тѣсно связаны между собою. Всѣ онѣ главнымъ образомъ обуславливаются тѣмъ, что виды одной группы произошли отъ одного общаго родича, отъ котораго унаслѣдовали много общаго; что части, измѣнявшіяся недавно и значительно, болѣе склонны къ дальнѣйшему измѣненію, чѣмъ части, давно наслѣдуемая и неизмѣнявшіяся.“

Значеніе этихъ заключеній для вопроса о томъ, поскольку данныя біологіи могутъ служить наведеніемъ въ рѣшеніи вопросовъ соціологіи, понятно и безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Мнѣ могутъ сказать на это, что наведеніе это имѣетъ въ своей основѣ факты, по своей природѣ очень отдаленные отъ тѣхъ, которые насъ здѣсь интересуютъ; что Дарвинъ говоритъ о возвратѣ къ прежнему типу въ области морфологіи, тогда какъ у насъ рѣчь идетъ о явленіяхъ психологіи.

Отвѣчу на это, во первыхъ, что законы морфологiи въ области инстинктовъ (т. е. какъ разъ въ той области психическихъ актовъ, по направленiи къ которой совершается „возвратъ“ психическихъ способностей человѣка) подлежатъ законамъ биологiи, совершенно идентичнымъ съ законами для явленiй морфологическихъ: во вторыхъ, что въ области психологiи животныхъ мы имѣемъ факты, которые не только свидѣтельствуя о томъ, что психическія способности выпадаютъ и возвращаются къ состоянiю болѣе элементарному, характеризующему низшія формы жизни, но устанавливаютъ и самый порядокъ этой дегенераци.

Приведу здѣсь одно изъ своихъ изслѣдованiй надъ явленiями „возврата“ въ такъ, называемой, „общинѣ“ шмелей ¹⁾.

Форма жизни этихъ насѣкомыхъ многими особями въ одномъ гнѣздѣ [что ни представляла бы по своему существу такая форма жизни у нихъ: семью, общество, или, какъ я это утверждаю, с и м б і о з ъ ²⁾], для вида болѣе выгодна, чѣмъ жизнь одиночными особями. Смѣнились эти формы жизни не вдругъ, а медленнымъ накопленiемъ соотвѣтствующихъ инстинктовъ.

1) Wladimir Wagner. Psycho-biologische Untersuchungen an Hummeln mit Bezugnahme auf die Frage der Geselligkeit im Tierreiche. Zoologica. Herausgegeben von prof. Dr. Call Chun in Leipzig. 1907. Heft. 46.

2) Въ этомъ послѣднемъ случаѣ явленіе „возврата“ выразится у нихъ въ постепенномъ исчезновенiи не „общественныхъ инстинктовъ“, а въ исчезновенiи инстинктовъ генетически позднѣе приобрѣтенныхъ, что для цѣлей, которыя нами здѣсь имѣются въ виду, совершенно безразлично: факты, о которыхъ будетъ идти рѣчь, какъ для тѣхъ, кто смотритъ на сожительство шмелей, какъ на семью, такъ и для тѣхъ, которые смотрятъ на него, какъ на явленіе общественности, будутъ имѣть одно и то же значеніе.

При извѣстныхъ условіяхъ однако эти выгодные для вида признаки могутъ сокращаться и исчезать всегда въ порядкѣ, обратномъ ихъ филогенетическому развитію.

Вотъ какъ это происходитъ. Если мы перенесемъ шмелиное гнѣздо въ домъ и помѣстимъ его возлѣ открытаго окна, то, не смотря на сходство условій жизни этихъ насѣкомыхъ на свободѣ и въ новыхъ условіяхъ относительной неволи, въ ней начнутъ происходить сначала незначительныя и потомъ все большія и большія перемѣны. Сначала дѣло идетъ какъ будто вполне нормально, если не считать нѣкотораго уменьшенія численности „общины“ вслѣдствіе того, что часть особей, вылетѣвъ изъ гнѣзда, не находятъ дороги обратно; другая гибнетъ отъ многочисленныхъ враговъ этихъ насѣкомыхъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, иногда недѣль, начинаютъ замѣчаться болѣе рѣдкіе вылеты шмелей изъ улья; рабочія особи часто ограничиваются тѣмъ, что посѣщаютъ подкормокъ тутъ-же возлѣ гнѣзда.

Но медъ еще приносится и ячейки имъ наполнены, а наполненныя задѣлываются воскомъ.

Мало по малу однако эта послѣдняя работа исполняется все небрежнѣе, и наблюдателю все чаще попадаются не „запечатанныя“ ячейки меда. Это обстоятельство не мѣшаетъ однако рабочимъ тщательно охранять его отъ покушенія членовъ „общины“ имъ пользоваться; шмели, хоть рѣдко, продолжаютъ вылетать.

Еще далѣе—становится замѣтнымъ новое явленіе: гнѣздо плохо ремонтируется и начинаетъ приходить въ упадокъ. Одновременно ячейки перестаютъ наполняться медомъ, а затѣмъ находящіяся въ нихъ запасы начинаютъ истребляться рабочими. Къ этому времени они уже слабо реагируютъ на безпокойства, которыми старается вызвать ихъ къ дѣятельности наблюдатель, и, такъ называемую, „общественную жизнь“ шмелей можно

считать поконченной: передъ нами является совершенно очевидный аггломератъ особей, живущихъ каждый самъ для себя и самъ по себѣ ¹⁾).

Въ высшей степени интересны детали послѣдняго періода жизни такой дегенерирующей „общины“ шмелей.

Вотъ важнѣйшія изъ нихъ.

По мѣрѣ того, какъ уменьшается численность взрослыхъ, уменьшается и численность выходящихъ изъ ячеекъ молодыхъ. Происходитъ это потому, что шмели въ періодъ разложенія „семьи“ начинаютъ истреблять своихъ личинокъ ²⁾).

Далѣе, среди выводящихся за этотъ періодъ жизни шмелей мы очень не рѣдко наблюдаемъ появленіе уродливо-развитыхъ особей.

Наконецъ,—и это особенно интересно—во всей очевидности выступаетъ та безтолковость работы, которая является слѣдствіемъ потери инстинктовъ, въ обычныхъ условіяхъ жизни руководящихъ шмелями при дѣйстви-

¹⁾ „Общину“ шмелей, какъ и „общины“ другихъ, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ, я вообще разсматриваю, какъ симбіозъ, то есть жизнь въ одномъ мѣстѣ организмовъ, каждаго для себя и каждаго по своему, хотя и связанныхъ общностью интересовъ. Отличіе того, что мы наблюдаемъ у дегенерирующей „общины“ шмелей, отъ нормально живущей „общины“ заключается не въ существѣ явленія, а въ формѣ его проявленія: въ нормальной общинѣ всѣ особи, руководясь одними и тѣми-же инстинктами во всей ихъ полнотѣ, работая каждая за себя и для себя, представляютъ одно стройное, хорошо пригнанное въ своихъ частяхъ цѣлое. Въ общинѣ дегенерирующей полнота инстинктовъ и влѣдствіе этого хорошая ихъ пригнанность другъ къ другу, обуславливающая стройность „совмѣстной“ дѣятельности, начинаетъ исчезать; а такъ какъ это исчезновеніе не у всѣхъ особей наступаетъ одновременно и въ одинаковой степени значительно, то характеръ аггломерата (въ нормальныхъ условіяхъ жизни шмелей болѣе или менѣе совершенно скрытаго) выступаетъ съ полною очевидностью.

²⁾ Подробности см. въ названномъ выше изслѣдованіи Psychobiolog. Untersuchungen an Hummeln. 1907 г

яхъ, требующихъ опредѣленной длительности. Въ гнѣздѣ начинается полный распадъ. Паразитирующія въ гнѣздѣ шмелей личинки разныхъ насѣкомыхъ начинаютъ свою дѣятельность безъ всякихъ препятствій со стороны хозяевъ гнѣзда: однѣ истребляютъ медь, другія коконы, третьи нападаютъ на личинокъ шмелей. „Община“ таетъ съ каждымъ днемъ и, наконецъ, умираетъ.

Такова въ немногихъ словахъ картина дегенерирующей „общины“ шмелей.

Въ чемъ заключаются ея причины?

Факты съ полною очевидностью отвѣчаютъ на этотъ вопросъ тѣмъ, что ближайшею причиною дегенераціи является жизнь въ условіяхъ относительной неволи, т. е. въ условіяхъ, не вполне соответствующихъ тѣмъ, при которыхъ сложилась „общинная“ жизнь шмелей. А изъ этого мы имѣемъ право заключить, что достаточно и такой незначительной причины для того, чтобы признакъ, сравнительно недавно возникшій и такъ необычайно разившійся, какъ сожительство „общественныхъ“ насѣкомыхъ, подвергся сначала сокращенію, а потомъ исчезновенію.

Аналогичныя явленія наблюдаемъ мы и у органа человѣческой психики—головнаго мозга. Видоизмѣненія, слѣдствіемъ которыхъ этотъ органъ явился, произошли сравнительно недавно; по своему качеству и количеству они—видоизмѣненія эти—и относительно и безотносительно, — необычайны; „прирожденная измѣнчивость“ органа такимъ образомъ является біологически обусловленной. Если это такъ, то ясно, что психика, какъ функція необычайно развитаго видоваго признака, будетъ очень склонной возвращаться къ прежнему менѣе уклончивому (т. е. родовому) состоянію.—А такъ какъ видовые признаки вообще измѣнчивѣе родовыхъ, то возвратъ къ родовымъ

признакамъ наступить при первыхъ благоприятныхъ для этого условіяхъ.

То, что было сказано объ условіяхъ, вызывающихъ увеличеніе преступности и о характерѣ современнаго состоянія культуры европейскихъ государствъ, представляетъ собою совершенно достаточныя условія для такого возврата.

Почему новыя условія могутъ иногда повести за собою дегенерацію -- вопросъ трудный, и для отвѣта на него у насъ сейчасъ ничего, кромѣ гипотезъ, не имѣется.

Вотъ въ чемъ эти гипотетическія предположенія заключаются:

Нервный процессъ въ своей основѣ представляетъ рядъ трансформаціи энергіи, рядъ переходовъ изъ одного ея состоянія въ другое ¹⁾.

¹⁾ Законъ сохраненія энергіи, открытый и обоснованный Робертомъ Майеромъ и Гельмгольцемъ въ области физики, какъ извѣстно, находитъ свое приложеніе и въ области біологін. Исслѣдованія цѣлаго ряда ученыхъ дѣлаютъ это обстоятельство едва ли подлежащимъ какому либо сомнѣнію. Правда, современное состояніе нашихъ знаній, какъ это справедливо отмѣтилъ еще М. Ферворнъ въ своей „Общей Физиологін (основы ученія о жизни)“ (Переводъ съ нѣм. М. А. Мензбира. Москва, 1897 г., стр. 425), не даетъ намъ еще никакой возможности прослѣдить въ подробности весь рядъ химическихъ процессовъ, все множество распаденій и синтезовъ и связанной съ ними смѣны энергіи, начиная съ перваго распаденія углекислоты и синтеза первыхъ продуктовъ ассимиляціи въ растеніяхъ до распаденія живыхъ бѣлковъ въ растеніяхъ и животныхъ. Мы не можемъ, поэтому, входить въ детальныя соображенія о томъ или другомъ частномъ видѣ различаемыхъ физиками энергій: химической, молекулярной, тяготѣнія, тепловой, свѣтовой, электрической и магнитной. Все, что мы знаемъ -- это, что конечные продукты обмѣна веществъ суть вещества съ очень малымъ запасомъ химической энергіи, изъ чего слѣдуетъ, что наибольшая ея часть, введенная въ организмъ съ пищей, должна была на своемъ пути, вслѣдствіе обмѣна веществъ, превратиться въ другія формы энергіи,

На периферіи, въ органахъ чувствъ, совершается переходъ физической энергіи внѣшняго раздражителя— свѣта, звука, тепла, механическаго воздѣйствія и пр.— въ фізіологическій процессъ, затѣмъ въ специальную форму нервнаго возбужденія. Въ окончаніяхъ двигательныхъ и вообще центробѣжныхъ нервовъ, въ мышцахъ, железахъ, въ голосовомъ аппаратѣ и въ электрическомъ аппаратѣ у нѣкоторыхъ рыбъ и т. д. находимъ, обратно, превращеніе нервной энергіи въ фізіологическую и послѣдней въ физическую—движеніе, звукъ, электричество, свѣтъ, химизмъ и пр. Оттого весь циклъ нервнаго процесса заключаетъ въ себѣ двойное преобразование энергіи, при чемъ воспріятіе связано съ переходомъ физической энергіи въ фізіологическую, а реакція, наоборотъ, основана на возстановленіи физической энергіи. Вездѣ, гдѣ совершается переходъ энергіи изъ одной формы въ другую, требуется извѣстный ея минимумъ для того, чтобы преодолѣть сопротивленіе ткани и чтобы преобразование могло возникнуть. Такъ, свѣтъ, звукъ и другіе внѣшніе раздражители должны обладать извѣстной интенсивностью, или, какъ говорятъ, должны достигать извѣстной высоты, или порога возбужденія, дабы органъ чувства въ состояніи былъ воспринять это раздраженіе, т. е. преобразовать его въ фізіологическую энергію. Очевидно, что существуетъ и внутренній порогъ въ центрахъ, котораго должна достигнуть волна ¹⁾ въ нервѣ для того,

обуславливающія отправленія организма; прослѣдить же сложный путь трансформации введенной въ организмъ энергіи, пока еще невозможно. Эта неизвѣстность однако не мѣшаетъ, разумѣется, признанію самого факта трансформации энергіи, которая имѣетъ мѣсто въ нашемъ организмѣ вообще и процессахъ нервной системы въ частности.

¹⁾ Подъ этимъ терминомъ (нервная волна) разумѣется энергетическій процессъ, природа котораго намъ пока еще не извѣстна.

чтобы могъ наступить процессъ освобожденія энергїи въ клѣткахъ. Наконецъ, въ окончанїяхъ двигательныхъ нервовъ такой же порогъ имѣеть мѣсто для иннерваціонной волны; только достигнувъ этого порога, онъ можетъ вызвать преобразование нервной энергїи въ физическую. Эта система пороговъ опредѣляетъ весь ходъ нервного процесса. Каждый порогъ есть этапный пунктъ, гдѣ происходитъ преобразование силы. Первый порогъ имѣется въ фізіологическомъ приборѣ органовъ чувствъ. Здѣсь задерживаются тѣ раздраженія, которыя по силѣ и формѣ выходятъ изъ опредѣленныхъ предѣловъ. Въ окончанїяхъ нервовъ такой же порогъ ожидаетъ тѣ фізіологическія возбужденія, которыя не могутъ превратиться въ нервный процессъ. Въ периферическихъ окончанїяхъ двигательныхъ нервовъ имѣется еще одинъ порогъ, который опредѣляетъ трансформированіе только опредѣленнаго ритма и силъ импульсовъ въ разряды для мышцъ. Наконецъ, существуетъ еще психофизическій порогъ, которымъ опредѣляется, какія изъ клѣтокъ центровъ подлежатъ возбужденію и въслѣдствіе этого породятъ то или другое отправленіе или дѣйствіе.

Нервная волна, разлившись по иннерваціоннымъ путямъ, играетъ роль импульса для органовъ и вызываетъ въ нихъ процессы, соотвѣтствующіе строенію cadaго изъ этихъ органовъ; такъ, въ мышцахъ вызывается сокращеніе, въ сосудахъ—колебаніе діаметра, въ железахъ—отдѣленіе и т. д.

Система или лѣстница пороговъ представляетъ собою послѣдовательный и планомѣрный механизмъ для подбора, сортировки и оцѣнки внѣшняго раздраженія.

Направленіе дѣйствующей извнѣ силы, ея скорость, разстояніе стъ насъ источника, все это отчетливо отражается на волнѣ, благодаря фізіологическому воспринимающему прибору. Этимъ же приборомъ опре-

дѣляются и видъ энергіи, воспринимаемый даннымъ органомъ чувствъ, и предѣлъ скалы колебаній, а равно и предѣлъ интенсивности раздражителя.

Первый порогъ, фізіологическій, опредѣляетъ, слѣдовательно, основныя условія трансформациі физическаго процесса въ фізіологическій процессъ.

Слѣдующій порогъ, нервный, обуславливаетъ еще большее дифференцированіе: здѣсь устанавливаются условія проводимости возбужденія. Нервъ способенъ проводить лишь колебанія опредѣленнаго ритма, и одна изъ задачъ нервного порога заключается въ переработкѣ фізіологическаго раздраженія въ такой ритмъ, который доступенъ воспріятію и проведенію въ нервъ. Наконецъ, центральный порогъ имѣетъ своей спеціальной задачей регулировать освобожденіе энергіи. Каждый изъ трехъ пороговъ такимъ образомъ выполняетъ свою спеціальную задачу: фізіологическій порогъ опредѣляетъ качество единицы или элемента раздражителя, нервный порогъ—свойство волны раздражителя, ея теченіе, а центральный порогъ—интенсивность, т. е. относительную энергію нервного процесса. Остается добавить, что нервная волна двигается по проводящимъ путямъ съ довольно большой скоростью—десять метровъ въ секунду.

Элементарная нервная волна, рефлкторный нервный процессъ и психо-рефлексъ характеризуются: первая (нервная волна)—простою иррадіаціей волны въ центръ, безъ взаимодѣйствія отдѣльныхъ волнъ; рефлексъ—координаціей, т. е. вступленіемъ отдѣльныхъ волнъ во взаимодѣйствіе и связь, и, наконецъ, психо-рефлексъ, подъ которымъ должно разумѣть не сознательную, а инстинктивную дѣятельность, представляетъ собою ту же по существу, но болѣе сложную координацію отдѣльныхъ волнъ во взаимную, наслѣдственно установленную связь. При дѣйствіяхъ созна-

тельныхъ, въ отличіе отъ дѣйствій инстинктивныхъ путь движенія нервныхъ волнъ отличается крайней степенью сложности, а вслѣдствіе этого и неустойчивости.

Эта гипотеза нервного процесса, обоснованная многочисленными и хорошо провѣренными фактами ¹⁾, проливаетъ свѣтъ на явленія, которыя насъ здѣсь интересуютъ.

По отношенію къ дегенераціи инстинктовъ въ шмелиной „общинѣ“, помѣщенной въ необычныя условія жизни, гипотеза нервного процесса даетъ мѣсто слѣдующему толкованію явленія.

Ближайшимъ слѣдствіемъ необычныхъ условій жизни „общины“ шмелей является систематическое уменьшеніе ея численности, а слѣдствіемъ уменьшенія численности является пониженіе энергіи въ работѣ наличнаго числа оставшихся въ „общинѣ“ членовъ: фактъ взаимнаго возбужденія ими другъ друга не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ насъ убѣждаютъ многочисленныя наблюденія какъ надъ жизнедѣятельностью шмелей въ неволѣ, такъ и на свободѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда гнѣзда шмелей оказываются жертвами паразитовъ. Кратко опредѣляя сущность послѣдовавшаго вслѣдъ за систематическимъ сокращеніемъ численности „общины“ явленіями, мы будемъ имѣть пониженіе общаго тонуса напряженія нервной системы, вслѣдствіе уменьшенія числа внѣшнихъ возбудителей, источникомъ которыхъ является вслѣдствіе особой шмелинаго гнѣзда другъ на друга.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого новаго явленія (пониженія тонуса) будутъ: съ внѣшней стороны —

¹⁾ См. И. Г. Оршанскій, проф. Харьковскаго Университета. „Механизмъ нервныхъ процессовъ“, Петербургъ 1898 г. Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

меньшая подвижность особей, сокращеніе вылетовъ и меньшая интенсивность ихъ работы, а съ внутренней—повышеніе пороговъ на всѣхъ путяхъ нервнаго процесса и во всѣхъ моментахъ его трансформаци. Но разъ только это явленіе получило мѣсто, обычныхъ возбудителей, при нормальныхъ условіяхъ жизни вызывавшихъ соответствующія реакціи, теперь становится уже недостаточно: повышенные пороги мѣшаютъ этому тѣмъ болѣе, чѣмъ длиннѣе и сложнѣе пути предстоящихъ реакцій. Послѣднія влѣдствие этого сокращаются, сложность—упрощается и дѣйствія становятся все болѣе и болѣе элементарными. А такъ какъ сокращенными путями будутъ, разумѣется, такіе, которые были координированы для нервной системы даннаго вида раньше сложныхъ координацій, то параллельно съ этимъ сокращеніемъ будетъ постепенное приближеніе къ первичнымъ формамъ, т. е. дегенерациа сложныхъ видовыхъ инстинктовъ. Отсюда становится понятнымъ не только самое явленіе возврата къ типамъ болѣе простой психологической организаціи, но и самый порядокъ сокращенія инстинктовъ отъ сложныхъ къ простымъ, отъ генетически позднѣйшихъ къ болѣе примитивнымъ.

Что касается до явленій дегенерации въ сферѣ разумныхъ способностей, то въ ихъ основѣ, вѣроятно, лежатъ явленія того-же нервнаго процесса.

Конечные моменты въ развитіи нравственнаго чувства, которые Дарвинъ называетъ „золотымъ правиломъ“: „люби ближняго, какъ самого себя“, несомнѣнно, представляютъ собою психическое явленіе и чрезвычайной сложности и генетически позднѣйшее въ эволюціи челоуѣчества ¹⁾.

¹⁾ Въ томъ, что они наблюдаются у „простого разумнаго рабочаго“ чаще, чѣмъ у интеллигента“, какъ это много разъ повторяетъ

Если, поэтому, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ совершеніе такого полного нервнаго процесса, котораго требуетъ этическій актъ, встрѣчаетъ постоянныя органическія затрудненія, то факторовъ, которые при нормальныхъ условіяхъ вызываютъ эти сложныя реакціи, обычно завершающіяся вступленіемъ въ сферу дѣятельности человѣка элементовъ его нравственнаго чувства, становится уже недостаточно, и нервный процессъ является болѣе или менѣе сокращеннымъ.

Въ чемъ заключаются эти причины: будутъ ли онѣ имѣть своимъ источникомъ ненормальную структуру нервной системы или неправильное расположеніе ассоціаціонныхъ волоконъ или явленія патологическаго характера—для насъ, разумѣется, безразлично. Важно то, что за ненормальною дѣятельностью нервной системы опредѣленнаго характера при извѣстныхъ условіяхъ можетъ слѣдовать сокращеніе нервнаго процесса, а съ этимъ вмѣстѣ—приближеніе къ формамъ процесса болѣе элементарнаго, т. е. дегенерація.

Таковы основы этого явленія, поскольку оно можетъ имѣть свое объясненіе въ гипотезѣ нервнаго процесса.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ по поводу соображенія о томъ, что число дегенерированныхъ въ человѣческомъ обществѣ пока составляетъ только меньшинство.

Въ біологіи множествомъ фактовъ установленъ законъ, такъ называемаго, взаимодѣйствія развитія, подъ которымъ Дарвинъ разумѣетъ совокупность явленій,

Толстой, противопоставляя научное знаніе нравственнымъ началамъ, если бы утвержденіе это и было справедливымъ, небыло бы ничего, противорѣчиваго сказанному, и именно потому, что моральное чувство и разумъ съ его познаніями не одно и то же, хотя развитіе перваго подъ вліяніемъ втораго есть такой же фактъ, какъ и то, что разумъ и познаніе могутъ быть значительными, а нравственное чувство низкимъ.

свидѣтельствующихъ о томъ, что даже легкое видоизмѣненіе, обнаруживающееся въ одномъ органѣ и накапливаемое естественнымъ отборомъ, тѣмъ самымъ видоизмѣняетъ и прочіе органы ¹⁾).

Мы сейчасъ видѣли, что достаточно измѣненія одного фактора, и такого на первый взглядъ незначительнаго, какъ уменьшеніе численности шмелиной „общины“, для того, чтобы повлечь за собой ея дегенерацію.

Этотъ „законъ взаимодѣйствія развитія“ даетъ полное основаніе полагать, что явленія дегенерации, хотя бы и у меньшинства членовъ даннаго общества, не могутъ не вызвать аналогичныхъ процессовъ и въ большинствѣ даннаго общества, или государства.

„Если среда, говоритъ Густавъ Лебонъ ²⁾, по отношенію къ человѣческому обществу случайно измѣняется, то и элементы душевнаго склада, поддерживаемые ея вліяніемъ, въ концѣ концовъ подвергаются регрессивнымъ измѣненіямъ, приводящимъ ихъ къ исчезновенію. По фізіологическимъ законамъ, которые наблюдаются у всѣхъ существъ, для исчезновенія органа требуется безконечно меньше времени, чѣмъ сколько нужно для его образованія. Всякій органъ, остающійся безъ дѣйствія, теряетъ скоро способность функционировать. Даже въ предѣлахъ короткой индивидуальной жизни органъ, на образованіе котораго путемъ медленныхъ приспособленій и наслѣдственныхъ наклонностей требовались, можетъ быть, тысячи вѣковъ, очень быстро доходить до атрофіи, когда его перестаютъ приводить въ дѣйствіе“.

„Душевный складъ существъ не можетъ избѣжать этихъ фізіологическихъ законовъ“.

¹⁾ Ч. Дарвинъ. «О происхожденіи видовъ» пер. С. А. Рагинскѣй 1863 г.

²⁾ Ibid. Стр. 136 и сл.

„Храбрость, инициатива, энергія, духъ предприимчивости и различныя качества характера, очень медленно приобретаемыя, могутъ изгладиться довольно быстро, разъ имъ не представляется больше повода упражняться. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что какому нибудь народу всегда нужно очень долгое время, чтобы подняться на высокую ступень культуры, и иногда очень короткое время, чтобы упасть въ пропасть вырожденія“.

Многое изъ того, что было сказано въ этой главѣ, какъ я сказалъ уже, пока гипотетично, многое нуждается въ новыхъ и новыхъ изслѣдованіяхъ, нуждается настоячиво, подъ угрозой послѣдствій величайшаго значенія. Но то, что мы уже положительно знаемъ, даетъ намъ полное основаніе сомнѣваться въ основательности идеи Толстого, будто все наше спасеніе зависитъ отъ того, будемъ мы или не будемъ учиться строительству нашей жизни у „мужичка—христіанина“, у котораго и свѣтъ и истинное знаніе. Факты свидѣтельствуютъ, что эти идеи Толстого скорѣе напоминаютъ художественное произведеніе, или, на лучшій конецъ, проповѣдь людямъ, устроившимся близь подошвы высокаго обрыва и встревоженнымъ обнаруженными въ обрывѣ трещинами и грознымъ шумомъ совершающихъ въ нихъ процессовъ распада, —уйти къ себѣ въ домъ и погромче бесѣдовать со своими семейными,—проповѣдь такую вмѣсто серьезнаго и обезпечивающаго выходъ рѣшенія огромной и страшно отвѣтственной задачи.

V.

И т о г и.

Такимъ образомъ и данныя соціологіи и данныя біологіи одинаково настоячиво и краснорѣчиво удостовѣряютъ, что нашъ міръ не лучшій изъ міровъ и что не

все, въ немъ совершающееся, ведетъ насъ къ лучшему будущему, безъ нашихъ объ этомъ заботъ. Мирный сонъ подъ успокоительныя рѣчи „простыхъ хорошихъ людей“ грозить пробужденіемъ въ грозное утро гибели этой культуры, если мы во время не возьмемся за дѣло и не вмѣшаемся активно въ строительство нашего будущаго: факты рисуютъ его не „свѣтлымъ конусомъ“ жизни Толстого, а черными красками отдаленнаго докультурнаго прошлаго.

Оцѣнивая съ этой точки зрѣнія тѣ факторы, которые оказывали вліяніе на ходъ развитія человѣческихъ обществъ и сыграли свою благотворную роль въ прошломъ, мы видимъ, что всѣ они въ большей или меньшей степени потеряли свое значеніе; и больше всѣхъ другихъ утратила свою руководящую роль та именно „мудрость“, которая когда то вела за собой людей и на которую „въ вопросахъ жизни“ Толстой возлагаетъ единственныя надежды. Факты говорятъ намъ, что теперь словъ разума и мудрости, чтобы вести за собой людей, уже не достаточно; что люди требуютъ доказательствъ тому, что говорятъ мудрые. „Братья, любите другъ друга“, учили мудрецы всѣхъ странъ и народовъ, и люди вѣрили тѣмъ доводамъ разума, которыми эти указанія сопровождалось. Теперь мудрецовъ этихъ спрашиваютъ: почему-жа надо любить, а не ненавидѣть? почему нуженъ миръ, а не война? почему надо бороться съ животнымъ въ человѣкѣ, а не развивать, не служить ему? и т. д. и т. д. Спрашиваютъ потому, разумѣется, что старая мудрость не даетъ отвѣта на новые запросы жизни, создавшіеся новыми факторами культуры, которыхъ не знало прошлое и за которыми, какъ соціологія, такъ и біологія, каждая на основаніи своей категоріи данныхъ, признаетъ огромное и роковое значеніе.

Странно читать, поэтому, да еще въ такую эпоху,

какъ переживаемая культурною частью современнаго человѣчества, нижеслѣдующія разсужденія Толстого.

„Наука (большая степень знанія) неизбѣжна, какъ возрастъ“—значится въ письмѣ нашего художника—мыслителя къ Оболенскому. „Ея нельзя ни защищать, ни нападать на нее. Что ни дѣлай, она сама придетъ, какъ возрастъ. Помните, мы съ вами говорили въ Ясной о той способности внутренняго усилія къ добру, къ истинѣ“... „Возможность этого усилія есть, и усиліе это можетъ быть направлено къ добру и истинѣ, но къ наукѣ оно направлено быть не можетъ. Приобрѣтенія научныя совершаются, какъ все остальное, кромѣ стремленія къ истинѣ и добру, по законамъ необходимости. И великая ошибка направленія маленькаго кружка людей, который называется интеллигенціей, это то, что, занимаясь наукой, они думаютъ, что они дѣлаютъ то самое, что требуется отъ человѣка, способнаго дѣлать произвольныя усилія для достиженія добра и истины. Занятія наукой суть спеціальныя занятія, наполняющія досугъ человѣка и служащія на пользу другимъ людямъ, точно такъ же, какъ завятія дѣланія пирожковъ, лампъ и чего хотите. А наша несчастная молодежь придаетъ этимъ занятіямъ значеніе нравственной дѣятельности. Не правда ли? Вотъ, въ чемъ бѣда“.

„Наука, говоритъ Толстой въ другомъ мѣстѣ, не нужна; она не приноситъ ничего, кромѣ вреда, такъ какъ служитъ не народу, а правящимъ классамъ и капиталистамъ. Она занята такими пустыми и праздными вопросами, какъ изслѣдованіе протоплазмы, или спектральный анализъ и никогда не подумала о чемънибудь полезномъ“.

Толстой отрицаетъ за наукой даже то значеніе, которое Оболенскій признавалъ за ней, какъ за средствомъ „уничтожать суевѣрія ложныхъ повятій“.

„Уничтожаетъ ложныя понятія—правда, отвѣчаетъ на это Толстой, но безъ ложныхъ понятій, безъ суевѣрій обойтись нельзя. Не будетъ свода небесъ, дьяволовъ, личнаго Бога, будетъ эфиръ не вѣсомый, а упругій, будутъ атомы, будутъ силы, будутъ силы спиритизма и многое другое. Человѣкъ, признающій небеса твердымъ сводомъ и дьяволовъ, и чудеса святыхъ, и человѣкъ, признающій атомы и спиритизмъ, нисколько не разнятся по своей воспримчивости и по своей негодности для познанія истины, и для нравственной дѣятельности. Они разнятся только по, такъ сказать, умственному возрасту. Одинъ взрослый человѣкъ, другой лишь юноша (зачеркнуто „ребенокъ“). Но какъ юноша можетъ быть прекраснымъ, такъ и мужъ. И одинаково несправедливо утверждать, что молодые лучше старыхъ, какъ и обратное“.

Толстому представляются очень разумными разсужденія „простого человѣка“, который говоритъ: „мнѣ нужно знать, какъ жить, и вовсе не нужно того, чѣмъ занимается наука“.

„Мало ли что тебѣ нужно знать“, отвѣчаетъ за науку Толстой. „То, о чемъ ты спрашиваешь, относится къ социологіи. Прежде же, чѣмъ отвѣчать на вопросы социологическіе, мы должны еще разрѣшить вопросы зоологическіе, ботаническіе, фізіологическіе, вообще—біологическіе; для разрѣшенія же этихъ вопросовъ нужно прежде еще разрѣшить вопросы физическіе, потомъ химическіе, нужно еще согласиться и какой формы безконечно малые атомы и какимъ образомъ невѣсомый и упругій эфиръ передаетъ движеніе. И люди, преимущественно тѣ, которые сидятъ на шеѣ другихъ и которымъ, поэтому, удобно ожидать, удовлетворяются такими отвѣтами и сидятъ, хлопая глазами, ожидая общаваго; но простой и разумный рабочій человѣкъ, тотъ, на чьей шеѣ сидятъ люди, занимающіеся наукой

вся огромная масса людей, все человечество не может удовлетвориться такими отвѣтами и, естественно, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ:—Да когда же это будетъ? Намъ ждать некогда. Вы сами говорите, что все это вы узнаете черезъ нѣсколько поколѣній. А мы живемъ теперь: сегодня живы, а завтра умремъ, и потому намъ надо знать, какъ намъ прожить ту жизнь, въ которой мы теперь. Научите же насъ. Глупый и необразованный человѣкъ, отвѣчаетъ на это наука, —онъ не понимаетъ того, что наука служить не пользѣ, а наукѣ“.

Эти разсужденія Толстого, за вычетомъ ироніи и преувеличеній, не совсѣмъ, разумѣется, лишены основанія, пока рѣчь идетъ о томъ: какъ помочь лично мнѣ, такому то, въ моемъ главномъ дѣлѣ жизни, или: какъ меня облегчить, и что мнѣ для этого дѣлать. Но онѣ оказываются глубоко ошибочными, какъ только рѣчь заходитъ не о моемъ личномъ душевномъ благополучіи, или о томъ, какъ нужно жить мнѣ въ смыслѣ запросовъ моей души, а о томъ, какъ сдѣлать, чтобы и другіе шли тѣмъ же путемъ и къ той же цѣли; иными словами: какъ помочь недугамъ цѣлаго, какъ помочь и гдѣ искать выхода обществу, въ психическихъ условіяхъ развитія котораго зародилась болѣзнь, грозящая гангреной.—Для рѣшенія такой задачи отъ „истины“ Толстого остается только звукъ,—красивый и радостный, какъ пѣсня молодости, но... только звукъ.

Вотъ если бы Толстой былъ правъ въ своихъ разсужденіяхъ о „конусѣ жизни“, если бы у насъ было основаніе думать, что та часть этого конуса, которая составляетъ будущее человечества, разовьется на тѣхъ же основахъ, на которыхъ это развитіе было совершено въ прошломъ; если бы было доказано, что цивилизація не заключаетъ въ себѣ условій и факторовъ, способныхъ нанести ей роковые удары и совершенно исказить то

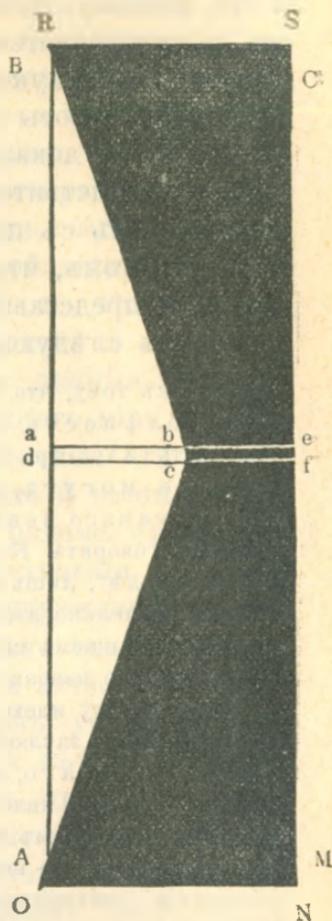
направленіе въ развитіи, которое представляется Толстому не подлежащимъ измѣненію; если бы современность давала намъ право утверждать, что разумъ дѣйствительно подчиняетъ себѣ животныя инстинкты человѣка и качественно и количественно значительное, чѣмъ это было тысячу лѣтъ назадъ,—тогда сомнѣніе, если не въ роли и значеніи научнаго знанія, то въ настоящей неотложности его вмѣшательства въ вопросы жизни еще могло бы имѣть мѣсто. Къ сожалѣнію, вѣра Толстого и его ученіе о „конусѣ жизни“ не только ничѣмъ не обоснованы, а стоятъ въ открытомъ противорѣчій съ фактами, которые свидѣтельствуютъ, что въ условіяхъ современнаго состоянія культуры ничто не гарантируетъ превращенія „конуса жизни“ Толстого ($A-d-c$, фиг. 2) въ то продолженіе, въ то будущее, которое рисуетъ себѣ философъ-мыслитель (фиг. 1). Напротивъ, факты эти очень настойчиво говорятъ намъ о томъ, что въ данныхъ условіяхъ культуры есть полное основаніе ожидать усиленнаго развитія не конуса $A-d-c$, а отрѣзка конуса $O-c-f-N$, и что будущее „конуса жизни“ представить намъ картину, въ которой человѣческое ($A-d-c$) обречено на дегенерацию ($a-B-b$), а животное ($A-c-f-M$) на гипертрофію и совершенное поглощеніе человѣческаго ($b-R-S-e$). Съ такою-же очевидностью факты доказываютъ, что наблюденія надъ жизнью и знанія жизни Ивана, Петра и Луки еще не составляютъ знанія жизни общественной, что эта послѣдняя слишкомъ велика и сложна для того, чтобы ее могъ видѣть и правильно оцѣнить совершающіеся въ ней процессы хотя бы и мудрѣйшій изъ мудрыхъ; что для такой оцѣнки нужны усилія и работа многихъ, очень многихъ, по опредѣленной программѣ, въ опредѣленномъ направленіи и опредѣленнымъ методомъ научнаго изслѣдованія. Только въ

этихъ условіяхъ добытыя знанія дадутъ возможность увидать истину, надъ которой уголокъ завѣсы уже приподнять совмѣстной работой социологовъ и біологовъ.

Усиліями этихъ дисциплинъ знанія уже добыты истины, затрогивающія жизнь людей въ области тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые Толстой называетъ „главными“; они—результаты эти,—въ связи съ другими добытыми наукой точными данными, уже намѣчаютъ силуэты новыхъ формъ и новаго содержанія для построенныхъ въ прошломъ по указанію „разума и мудрости“ устоевъ жизни. Вопросы: какъ жить, какъ обходиться съ семейными и какъ бороться со своими страстями, — (особенно о томъ, какъ бороться со своими страстями), — получаютъ новый матеріаль для своего рѣшенія, съ которымъ не считается становится уже невозможнымъ.

Можетъ быть, намѣчаемые силуэты не вѣрны, можетъ быть въ нихъ еще много не точнаго, но гдѣ основаніе утверждать, что вѣрное рѣшеніе задачи на этихъ новыхъ началахъ невозможно и что надежды на этомъ новомъ пути бесплодны?

Толстой не даетъ намъ на этотъ вопросъ ничего, кромѣ ироніи надъ научнымъ знаніемъ, да ссылки на мнѣніе Карпентера о наукѣ, которая только компрометируютъ нашего великаго художника-мыслителя ¹⁾. Онъ

¹⁾ Сущность соображеній этого ученаго въ краткихъ словахъ

настаивалъ, и съ полнымъ для этого основаніемъ, на томъ, что жизнь человѣческая есть жизнь души, а не тѣла, и что, поэтому, средствами, устраняющими недуги тѣла, она не устраивается. Но этого не достаточно: надо еще доказать, что наука не способна дать отвѣты на запросы духа,—на запросы главнаго въ жизни. А этого Толстой не только не доказалъ, но и не можетъ доказать, потому что дѣйствительность свидѣтельствуешь о противуположномъ съ полною очевидностью. Она свидѣтельствуешь о томъ, что знаменитый М. Бертелло вмѣстѣ съ другими представителями научнаго знанія формулировалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ ¹⁾:

сводится къ тому, что всѣ выводы науки представляютъ сплошную нелѣпость во всѣхъ областяхъ знанія (Толстой, часть XV, стр. 280) и ничѣмъ кромѣ нелѣпости быть не могутъ, такъ какъ методъ науки есть методъ вынужденнаго невѣдѣнія.

„Мы,—говорить Карпентеръ,—можемъ разбираться въ „единой природѣ“, лишь выбирая нѣкоторыя подробности, умышленно, или бессознательно изолируя ихъ отъ остальныхъ; но изолируя, мы заранѣе извращаемъ свое заключеніе, мало того мы не можемъ избѣжать этого извращенія“.

Развивая эту идею Карпентера, мы приходимъ къ слѣдующему, между прочимъ, заключенію: такъ какъ жизни человѣчества какъ единого цѣлага, мы изучать не можемъ, а можемъ лишь выбирать отдѣльныя явленія, изолируя ихъ отъ другихъ, то построенное этимъ „нелѣпымъ методомъ“ заключеніе о томъ, что всѣ люди смертны, заключеніе нелѣпое, ибо является плодомъ односторонняго наблюденія „изолированныхъ явленій“. Правильнымъ, очевидно, будетъ только выводъ Карпентера о ложности такихъ одностороннихъ заключеній.—обстоятельство, которое не помѣшало однако умереть и самому Карпентеру.

Со времени его суроваго приговора надъ наукой не прошло и полувѣка, а наука уже успѣла доказать своимъ „нелѣпымъ методомъ“, что вопросы, казавшіеся Карпентеру неразрѣшимыми, уже разрѣшены и что такимъ образомъ смѣлость и суровость приговора не всегда служатъ гарантіей его основательности.

¹⁾ М. Бертелло, Наука и нравственность. Извлеченіе изъ Science et Moral съ предисловіемъ К. Тимирязева 1898 г., стр. 46 и слѣд.

„До сихъ поръ считалось возможнымъ основывать правила поведенія и все нравственное воспитаніе народовъ на апріорныхъ умозаключеніяхъ вмѣсто того, чтобы выводить ихъ изъ положительныхъ данныхъ, доставляемыхъ нашимъ собственнымъ сознаниемъ, нашей совѣстью и науками историческими и естественными. Потому то именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ были направляемы и все болѣе и болѣе сосредоточиваются стремленія всѣхъ добрыхъ гражданъ, заботящихся о реформѣ народнаго образованія. Въ области нравственныхъ идей необходимо осуществить то, что уже осуществимо въ области умственныхъ идей, то есть установить положительныя достовѣрныя данныя, опирающіяся на факты внѣшняго и внутренняго міра, и управляющіе ими законы; только на точные эти законы должны опираться всѣ наши правила и наши ученія, что нисколько не мѣшаетъ намъ рядомъ съ ними и надъ ними сохранить и вѣроятныя построенія и идеальныя гипотезы. Въ будущемъ наши учрежденія будутъ опираться на изученіе положительныхъ отношеній, открытыхъ наукой, соціологической и естественной. Въ будущемъ всякій въ концѣ концовъ убѣдится, что въ области политики, также какъ и въ области матеріальныхъ приложеній, существуютъ правила для поведенія, опирающіяся на неумолимые законы, найденные изъ опыта, опыты, нарушеніе которыхъ грозитъ гибелью цѣлымъ народамъ и отдѣльнымъ личностямъ. Эти правила, смутно усматриваемыя, уже глубоко измѣнили взаимныя отношенія народовъ, начинающихъ убѣждаться, благодаря соціологическимъ наукамъ, что войны не менѣе пагубны для побѣдителей, чѣмъ для побѣжденныхъ, такъ какъ не только матеріально ослабляютъ обѣ стороны, но и поддерживаютъ чувства наслѣдственной ненависти, все болѣе и болѣе осуждаемая общественною нравственностью. То же, несо-

мнѣнно, произойдетъ и въ области внутренней политики, каковы бы ни были кажущаяся внѣшность и преходящія случайности переживаемой нами эпохи“.

Эти идеи, эти положительные идеалы нравственности, конечно, неизмѣримо плодотворнѣе всякихъ другихъ, какими бы эти послѣдніе ни казались на первый взглядъ привлекательными и правдоподобными. Для продуктивной работы этого мало: нужна не привлекательность, а правда, и не правдоподобность, а точное знаніе.

Ренанъ и Ничше

о звѣрѣ въ человѣкѣ.

Если между Дарвинымъ и Толстымъ, на первый взглядъ, по крайней мѣрѣ, лежитъ непроходимая пропасть на почвѣ вопросовъ, которые можно было бы назвать вопросами „человѣческаго въ человѣкѣ“, то между Ничше и Ренаномъ мы видимъ совершенно аналогичное разногласіе, только уже не по вопросу о томъ, что составляетъ человѣка въ человѣкѣ, а по вопросу о томъ, что представляетъ „звѣря въ человѣкѣ“ и о томъ, какую роль этотъ звѣрь игралъ въ прошломъ и долженъ играть въ будущемъ.

Сущность разногласія этихъ двухъ выдающихся мыслителей въ немногихъ словахъ сводится къ слѣдующему.

Ничше принимаетъ вырожденіе человѣчества за фактъ и гибель его представлялась бы философу несомнѣнной, если бы у него не было надежды на возможность создать сверхъ-человѣка, на почвѣ уцѣлѣвшаго въ немъ—„къ счастью людей“—звѣря. Этотъ „звѣрь“ въ человѣкѣ, по мнѣнію Ничше, почти поглощенъ человекомъ и вся задача, всѣ надежды будущаго заключаются въ томъ, чтобы освободить звѣря отъ оковъ человѣческаго и возстановить его въ „человѣкѣ—звѣрѣ“.

Ренанъ, какъ и Ничше, признаетъ современный типъ

человѣка глубоко не совершеннымъ; онъ также, по этому, возлагаетъ надежды на сверхъ-человѣка, но и причины несовершенства и черты будущаго сверхъ-человѣка представляются ему діаметрально противоположными тѣмъ, которыя набросалъ Ничше на страницахъ своихъ вдохновенныхъ статей. Ренанъ полагаетъ, что современный человѣкъ, не смотря на свою культуру, все еще остается прежде всего з в ѣ р е м ь, а уже потомъ человѣкомъ. Задача будущаго, создать сверхъ-человѣка, освободивъ з в ѣ р я-ч е л о в ѣ к а отъ з в ѣ р я и укрѣпивъ въ немъ зачатокъ человѣка.

Такимъ образомъ Ренанъ и Ничше—два мыслителя XIX вѣка, на долю которыхъ выпало такъ много страстныхъ нападокъ и страстныхъ увлеченій,—признаютъ, правда, выходомъ изъ положенія, къ которому современный человѣкъ приведенъ крушеніемъ еще недавно казавшихся твердынями познаній, стремленіе къ созданію сверхъ-человѣка, но исходный пунктъ предстоящей работы имъ кажется совершенно различнымъ. Ничше жалветъ о томъ, что человѣкъ почти уничтожилъ въ себѣ звѣря, что онъ гораздо больше человѣкъ, чѣмъ звѣрь; Ренанъ, наоборотъ, сокрушается о томъ, что въ человѣкѣ гораздо больше звѣря, чѣмъ человѣка.

Ихъ взглядъ на предстоящую работу человѣчества представляетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что оба мыслителя пользуются въ своей аргументаціи біологическими данными, которыми такъ часто злоупотребляли и продолжаютъ злоупотреблять послѣ выхода въ свѣтъ знаменитой книги Дарвина „О происхожденіи видовъ“. Ничше въ постановкѣ большихъ вопросовъ едва ли не самый смѣлый изъ писателей большаго времени. Это писатель-философъ, писатель-поэтъ, говорящій языкомъ страстнаго чувства и не останавливающійся передъ стремленіемъ къ тому, что считаетъ истиной въ данный

моментъ, и потому, находясь подъ вліяніемъ то Шопенгауэра, то Ренана, то Дарвина, выражаетъ ихъ идеи въ формѣ наиболѣе рѣзкой, а нерѣдко доведенной до послѣднихъ предѣловъ крайности. Въ то же время Ничше одинъ изъ числа философовъ пессимизма, подчиняющихъ этику—біологіи: принципъ жизни становится для него принципомъ нравственности. Онъ увѣренъ, что данныя біологіи обязываютъ насъ признать „добро“ силой, „зло“ слабостью, что намъ нужны не довольство, а власть, не миръ, а война, не добродѣтель, а дѣло. („Антихристъ“). Силу эту однако должно искать, по его мнѣнію, не въ наукѣ, ибо культура ума, называемая просвѣщеніемъ, даетъ только отрицательные результаты; не въ познаніи, ибо „познавшій самого себя—собственный палачъ“, говоритъ его Заратустра, а попытки основать культуру на знаніи оказались безплодными; и не въ искусствѣ, хотя подъ вліяніемъ Ренана онъ и писалъ одно время, что „бытіе и міръ имѣютъ вѣчное оправданіе, только какъ эстетическое явленіе“. „Все хорошее“, говоритъ онъ, „инстинктивно и слѣдовательно, легко, необходимо, свободно“. „Лучшее въ насъ“, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,— „быть можетъ, унаслѣдовано отъ ощущеній прошлыхъ временъ. Солнце уже зашло, но небо нашей жизни еще озарено имъ, хотя мы его не видимъ болѣе“.

Таковъ въ общихъ чертахъ Ничше. Сила, красота и образность его языка, опредѣленность формулъ философіи пессимизма, тѣсная связь съ различными направленіями работавшей на этой почвѣ мысли, стремленіе слѣдовать за добытыми біологіей выводами, наконецъ, самое отсутствіе цѣльности и системы въ его сочиненіяхъ различнаго времени,—все это вмѣстѣ дѣлало его горячую проповѣдь заманчивой, интересной.

Другой вопросъ: насколько она убѣдительна? Ничше положилъ въ ея основаніе двоякаго рода данныя: культурно-историческія и біологическія.

Первые лежатъ за предѣлами ближайшихъ задачъ нашего очерка, и потому я скажу о нихъ очень немногое и лишь по поводу немногаго.

Раздѣленіе людей на классы Ничше считаетъ естественнымъ не въ смыслѣ историческаго момента эволюціи, а естественнымъ и неизбѣжнымъ по самой природѣ вещей. Онъ находитъ эксплуатацію высшими классами низшихъ—необходимой и желательной, ибо на несчастіи и угнетеніи труженниковъ и рабовъ воспитывается и создаетъ свою жизнь небольшое число сильныхъ людей. „Для первыхъ—вѣра и подчиненіе“ говорить Заратустра, „для вторыхъ—власть и творчество“, вслѣдствіе чего для нихъ нѣтъ и не должно быть не дозволеннаго.

Это свое заключеніе онъ дѣлаетъ частью на основаніи „данныхъ біологіи“, о которыхъ скажу ниже, частью—на основаніи данныхъ исторіи, которая, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ, что человѣчество вели впередъ не масса, а сильныя и злыя натуры, въ то время какъ масса слабыхъ служила только матеріаломъ для творческой работы сильныхъ.

Утопіи социализма представляются, поэтому, Ничше „созданіемъ глупости“: „всегда будутъ рабы и господа“, утверждаетъ онъ: „таковъ законъ природы“. И законъ этотъ, по мнѣнію философа, благодѣтеленъ, ибо онъ поддерживаетъ сильныхъ надъ слабыми и за счетъ слабыхъ.

Мораль жалости и благодѣянія идетъ въ разрѣзъ съ этимъ закономъ, такъ какъ направлена къ охраненію слабаго въ ущербъ сильному, а съ этимъ вмѣстѣ къ регрессу, а не къ прогрессу человѣчества.

Идеи эти, какъ видитъ читатель, очень напоминаютъ

идеи, высказанныя въ 50-хъ годахъ Спенсеромъ и приведенныя мною выше въ статьѣ „Дарвинизмъ въ соціологіи“. И у того, и у другого мыслителя въ основѣ аргументаціи этихъ идей лежатъ данныя біологіи.

Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, почему война представляется Ничше явленіемъ, въ высшей степени желательнымъ: она очищаетъ мѣсто сильнымъ и хитрымъ; по этому, ею доставлено человѣчеству больше блага, чѣмъ любовью къ ближнему.

Такимъ же закономъ природы представляется философу и неравенство половъ, со всеми послѣдствіями такого неравенства. Основа брака—инстинктъ размноженія; задача женщины—дѣторожденіе. Вмѣшательство ея въ политику, въ науку—отвратительно и всегда является признакомъ какой-нибудь ненормальности въ половомъ отношеніи.

Короче говоря, историко-культурныя данныя приводятъ Ничше къ заключенію, что культура „ведетъ насъ къ племени карликовъ съ одинаковыми правилами и требованіями“. „Нѣтъ яда болѣе ядовитаго, говоритъ устами Ничше его герой Заратустра, чѣмъ ученіе о равенствѣ, ибо оно проповѣдуется какъ бы во имя самой справедливости, между тѣмъ какъ является концомъ справедливости. Равнымъ—равное, неравнымъ—неравное, таковъ долженъ быть истинный принципъ справедливости“. „Коммунистическій шаблонъ (Дюринга), утверждающій, что всякая воля должна считать равною всякую другую волю,—враждебный жизни принципъ“. „Демократическое движеніе не только не совершенная форма политической организаціи, но упадокъ, или вѣрнѣе, приниженіе человѣка. Оно превратило бы людей въ карликовъ съ одинаковыми правами и требованіями, а общественный строй—въ автономное стадо“.

И что всего печальнѣе, это—совершенная бесплод-

ность такихъ жертвъ индивида, такъ какъ его права приносятся въ жертву какой-то фикці, лжи, чему-то несуществующему на самомъ дѣлѣ. Нравственныя предписанія могли бы претендовать на обязательность, если бы существовала общепризнанная высшая цѣль жизни, изъ которой эти предписанія вытекали бы, какъ логическія слѣдствія. Но такой цѣли не существуетъ. Идея о состраданіи, какъ началѣ нравственности, альтруизма, не выдерживаетъ критики, ибо состраданіе основано на чувствѣ эгоизма, а отнюдь не представляетъ самозабвенія, какъ это ошибочно утверждаетъ Шопенгауэръ. Нравственность альтруизма, основанная на симпатіи, состраданіи къ ближнему, на самоотреченіи, самопожертвованіи и подчиненіи своей личности интересамъ общества или человѣчества, есть нравственность среды съ пониженной жизнеспособностью, нравственность того именно стада, къ которому Ничше питаетъ такое глубокое отвращеніе.

Не буду говорить о томъ, поскольку данныя культуры совпадаютъ и поскольку они расходятся съ заключеніями Ничше; для меня гораздо большій интересъ представляютъ здѣсь тѣ отправныя точки зрѣнія, которыя привели философа къ этимъ заключеніямъ и которыя, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, онъ видитъ въ данныхъ біологіи. И это тѣмъ болѣе, что не смотря на диллетантизмъ Ничше въ этой области знанія и на рядъ ошибокъ въ попыткахъ обосновать свои заключенія данными біологіи, онъ пользуется широкой извѣстностью потому, главнымъ образомъ, что включилъ въ свои философскія построенія данныя точной науки.

Правда, привѣтствовали это не всѣ; многіе отнеслись къ этому „новшеству“ критически, но... критика эта нерѣдко лишь содѣйствовала успѣху ничшевской философіи, такъ какъ писалась философами-же, еще болѣе невинными въ области біологіи, чѣмъ самъ Ничше.

Такъ, на ученіе философа о томъ, что все въ мірѣ стремится къ развитію, къ побѣдѣ, къ власти, что все лучшее у насъ унаслѣдовано отъ того прошлаго, когда руководящими въ дѣйствіяхъ были не разумныя, а инстинктивныя способности, что мы, поэтому, должны руководствоваться тѣмъ же, чѣмъ руководились наши предки въ беспощадной борьбѣ другъ съ другомъ,— ибо борьба эта создала лучшихъ людей нашего времени, а эти лучшіе въ такой же беспощадной борьбѣ приведуть къ появленію сверхъ-человѣка,—на это ученіе философа критики-философы возражаютъ слѣдующими аргументами. Инстинктъ и разумъ, по ихъ мнѣнію, не противоположныя способности, какъ это будто бы неправильно полагалъ Ничше, а способности по существу совершенно одинаковыя, а различныя только по формѣ, т. е. возражали такимъ вздоромъ, о которомъ Ничше, вѣроятно, зналъ, но котораго не хотѣлъ повторять. Пояняя этотъ вздоръ, критики-философы стыдили Ничше тѣмъ, какъ это онъ не знаетъ, что инстинкты образуются постепенно въ теченіе долгаго времени,—упрекъ, для котораго Ничше никакого повода не давалъ. Критики удивлялись дальше, какъ это Ничше не знаетъ, что „привычка—вторая натура“, что пріобрѣтенный автоматизмъ становится автоматизмомъ наслѣдственнымъ, что инстинктъ есть прошедшій разумъ, а разумъ—часто будущій инстинктъ и что всему этому учили и Дарвинъ и Уоллесъ.

Дарвинъ, дѣйствительно, на ряду съ инстинктами, которые потомъ стали называться в т о р и ч н ы м и, т. е. такими, которые образовались изъ дѣйствій разумныхъ ¹⁾ допускалъ однако наличность и первичныхъ инстинктовъ, т. е. такихъ, которые по-

¹⁾ Дарвинъ допускалъ такое возникновеніе ихъ и въ этомъ заключается одна изъ его ошибокъ въ біопсихологіи.

лучили свое начало не изъ актовъ разумныхъ, а совершенно тѣмъ же путемъ „случайныхъ уклоненій“ и появленіемъ „особыхъ повадокъ“, какими возникаютъ особенности морфологическія. Въ указаніи на этотъ послѣдній путь возникновенія инстинктовъ заключаются главныя заслуги Дарвина въ вопросахъ психологіи животныхъ. Но критики Ничше этой стороны ученія великаго натуралиста либо не знали, либо не поняли, и потому не сумѣли оцѣнить ее по достоинству, вслѣдствіе чего поставили въ счетъ Ничше такія ошибки, которыхъ онъ не дѣлалъ.

Само собою разумѣется, что такія нападки на философію Ничше не только не могли ничего убавить въ ея успѣхъ, но лишь служили къ вящему возрастанію ея значенія, ибо не критики, а Ничше, несомнѣнно знакомый съ этими заблужденіями ихъ, и все же утверждавшій, что инстинктъ и разумъ—способности, другъ другу противоположныя и по существу, и по своему возникновенію и развитію,—былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ его противники. Но оставимъ критику философовъ и посмотримъ, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ біологія,—хотя бы Ничше и былъ правъ въ своемъ противопоставленіи разумныхъ способностей инстинктивнымъ,—служить основой его ученія о сверхъ-человѣкѣ.

Дарвинъ впервые высказалъ научно обоснованную мысль о томъ, что звѣрь въ человѣкѣ есть и что этотъ звѣрь составляетъ рудиментъ его отдаленной исторіи, съ которымъ вела ожесточенную войну его культура. Взглядъ этотъ скоро сдѣлался общимъ достояніемъ, и мы встрѣчаемъ его не только у натуралистовъ, но и у такихъ писателей, каковы Мопассанъ, Золя, а у насъ—Чеховъ, Горькій.

Что этого звѣря въ человѣкѣ составляютъ его инстинкты, чуждые его разумной духовной природѣ, противъ этого возражать нечего.

Само собою разумѣется, что блестящая характеристика этого звѣря, которую даетъ Ничше, еще не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы слѣдовать по тому пути, къ которому онъ призываетъ человѣчество, обѣщая ему въ концѣ концовъ, какъ награду,—порожденіе сверхъ-человѣка. Нужны доводы научнаго характера, и, такъ какъ дѣло идетъ о явленіяхъ біологическихъ, то прежде всего доводовъ „отъ біологіи“. Ихъ то у Ничше и нѣтъ!

Вмѣсто доводовъ изъ области этой науки, онъ предлагаетъ ничѣмъ не доказанную доктрину, по которой цѣль вида—переходъ его въ типъ высшаго порядка.

Исходя изъ этого „закона“, Ничше строитъ свою систему міровоззрѣнія и приходитъ къ слѣдующимъ конечнымъ заключеніямъ.

Общество, по его мнѣнію, должно существовать не ради общества, но въ качествѣ почвы, на которой могъ бы развиваться сверхъ-человѣкъ.

Не бороться съ инстинктами приглашаетъ онъ насъ въ интересахъ будущаго, а, напротивъ, развивать ихъ, ухаживать за ними, искать и растить ихъ должно человѣчество, если хочетъ достигнуть высшаго развитія. „Жестокость, насиліе, рабство, опасности для жизни и духа—все ужасное, деспотическое, хищное и змѣеподобное въ людяхъ такъ же способствуетъ поднятію человѣческаго типа, какъ и противоположное“.

„Назадъ къ природѣ“, въ его устахъ равнозначуще—„впередъ къ прогрессу“, ибо до сихъ поръ только самыя сильныя и самыя злыя натуры вели человѣчество впередъ, снова воспламеняя засыпающія страсти.

Ради полноты развитія этихъ сильныхъ натуръ, масса обрекается на участь рабовъ и орудій, надъ которыми все дозволено до неумолимой жестокости включительно. Человѣкъ нашихъ дней долженъ быть неумо-

лимъ и свободенъ отъ всякихъ цѣпей, ибо все, и самая нравственность—для него.

Новые идеалы жизни должны быть противоположны господствующимъ: не общество и его интересы должны быть руководителями и повелителями индивидуума, такъ какъ у человѣчества нѣтъ еще цѣли, которая опредѣлила бы смыслъ его существованія, а высшая личность должна быть хозяиномъ общества; личность должна царствовать безъ ограниченія свободы своимъ стремленіямъ, руководясь только страстями и желаніями (инстинктами). Высшею цѣлью индивидуума при этомъ, цѣлью, лежащею за предѣлами индивидуальности, будетъ возвышеніе человѣка до сверхъ-человѣка.

Согласно этому новому идеалу жизни, и пути къ его достиженію должны быть новыми.

Этими путями призваны служить тѣ, которые слѣлаютъ возможнымъ появленіе сверхъ-человѣка. Нужно „преслѣдовать и мучить людей, доводить ихъ до крайности, возбуждая однихъ противъ другихъ, народъ противъ народа, въ надеждѣ, что въ то время, когда воспламенится могучая энергія, зажженная страстями, тогда, быть можетъ, изъ отлетающей въ сторону искры вспыхнетъ свѣтъ генія“. Народится сверхъ-человѣкъ!

Безумная смѣлость, мстительность, хитрость, хищничество, властолюбія, которыя считаются опасными для цѣлей общества и государства, такъ же необходимы человѣчеству теперь, какъ были необходимы раньше.

Исторія цивилизаціи поработила звѣря въ человѣкѣ, а онъ необходимъ для цѣлей, которыя ставитъ человѣчеству философъ, и человѣчество, къ счастью своему, еще сохранило его въ себѣ. Ничше радуется, что люди, которыхъ такъ сдерживаютъ обычаи, почитаніе, благодарность, и еще болѣе—подглядываніе другъ за другомъ, взаимная ревность и подозрительность, и которые,

съ другой стороны, въ отношеніяхъ другъ къ другу такъ изобрѣтательны въ самообладаніи, деликатности, вѣрности, гордости и дружбѣ, тѣ же самые люди, въ отношеніи къ тому, что для нихъ чужое, не лучше отпущенныхъ на свободу дикихъ звѣрей. Они наслаждаются свободой отъ всякаго общественнаго гнета, они считаютъ себя въ пустынь обезпеченными отъ напряженія, которое приносить съ собою долгая жизнь взаимности и приобщеніе къ общественности; они вновь обрѣтаютъ невинность хищныхъ звѣрей, какъ торжествующія чудовища.

Заключеніе это было бы дѣйствительнымъ, если бы вытекало изъ „законовъ біологіи“, а не изъ ошибки, которую Ничше, въ качествѣ закона, положилъ въ основу своей аргументаціи, и если бы вмѣсто неправильно понятого философомъ закона не было другихъ: съ одной стороны отсутствія стремленія природы къ совершенству, а съ другой, что общественность представляетъ собою болѣе совершенную форму въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ какія бы то ни были индивидуальныя орудія нападенія и защиты.

Исторія человѣчества свидѣтельствуетъ намъ съ одинаковою убѣдительностью, какъ то, что въ человѣкѣ есть звѣрь, „который еще не укрощенъ культурою“, такъ и то, что культура эта направлена къ укрощенію звѣря въ человѣкѣ.

А если это такъ, если такое направленіе культуры не только не мѣшаетъ процвѣтанію вида, а содѣйствуетъ этому процвѣтанію, то, слѣдуя методу біологіи, мы должны признать за этимъ направленіемъ естественность и нормальность, ибо процвѣтаніе вида представляетъ лучшій біологическій критерій нормальности условій его жизни.

Изъ этого же прежде всего слѣдуетъ, что такого закона біологіи, о которомъ говоритъ Ничше и

который приводит его къ призыву назадъ къ инстинктамъ,—не существуетъ вовсе, и идея философа о томъ, что цѣль вида—переходъ его въ типъ высшаго порядка частью представляетъ собою повтореніе ошибки Ренана, полагавшаго, что природа стремится къ созданію совершеннаго типа, частью представляется самостоятельной, такъ какъ присоединяетъ къ сдѣланной ошибкѣ другую, навязывающую „виду“ несуществующія цѣли. Біологія не даетъ ни малѣйшаго права утверждать что-либо подобное.

Природа отнюдь не заботится о созиданіи совершенныхъ типовъ, принося имъ будто бы въ жертву типы менѣе совершенные. Она одинаково заботится или, вѣрнѣе, одинаково безразлична какъ къ генію, такъ и къ солитеру, который въ немъ можетъ паразитировать. Природа предоставляетъ каждому устраиваться, какъ кто можетъ въ условіяхъ жизни: устроились, приспособились—цвѣтите и множьтесь по мѣрѣ силъ и возможности; нѣтъ—идите на смарку.

Но если бы мы на минуту и допустили, что такой законъ біологіи существуетъ и что Ничше совершенно правъ, кладя его въ основу своей аргументаціи, то его философскія соображенія ничего не выиграли бы въ своей доказательности.

Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что цѣль вида — переходъ его въ типъ высшаго порядка и что въ природѣ рядомъ съ процессами прогрессивной эволюціи—нѣтъ никакихъ другихъ; что процессовъ, которые приводили бы свободно-живущія формы къ паразитизму, къ уtratъ высшихъ органовъ жизни, къ атрофіи нервной системы и пр. — не существуетъ, а существуютъ, допустимъ, только ряды восходящія, прогрессирующія. Къ какому заключенію обяывалъ бы насъ этотъ фактъ, съ точки зрѣнія біологіи? Эволюція позвоночныхъ, поскольку въ настоящее время она можетъ считаться научно-устано-

вленной, идетъ параллельно съ эволюціей нервной системы, т. е. *pari passu* съ эволюціей психики. А эта послѣдняя, не выходя за предѣлы животнаго царства, свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какъ это отмѣтилъ еще Георгъ Кювье, что развитіе инстинктовъ обратно пропорціонально развитію разумныхъ способностей. У насѣкомыхъ инстинкты являются болѣе разнообразными и сложными, чѣмъ мы это видимъ въ какой бы то ни было другой группѣ животнаго царства; наличность же у нихъ разумныхъ способностей не доказана ни однимъ хорошо провѣреннымъ фактомъ ¹⁾.

Съ другой стороны у антропоморфныхъ обезьянъ инстинкты настолько же менѣ развиты, сравнительно съ насѣкомыми, насколько элементы разумныхъ способностей развиты значительно. У человѣка послѣднія достигаютъ своего высшаго, не встрѣчающагося ни у одного изъ животныхъ, развитія, а вмѣстѣ съ этимъ (и вслѣдствіе этого) его положеніе на землѣ сдѣлалось господствующимъ: онъ сталъ царемъ земли съ момента, когда сдѣлался высшимъ представителемъ не инстинктивной, а разумной дѣятельности; его господство, „его власть“ надъ остальнымъ міромъ живыхъ существъ становилась тѣмъ болѣе мощной, чѣмъ болѣе его разумныя способности становились разнообразными и сильными. Нужно ли говорить, что фактъ этотъ, а отрицать его равносильно отрицанію очевидности, убійствененъ для призыва Ничше: „назадъ къ инстинктамъ“, ибо этотъ призывъ равносильно отреченію отъ власти, отреченію отъ силы, стремленіе къ которой, по утверженію того же Ничше, составляетъ основной законъ всего живущаго?

Нужно ли доказывать, поѣтому, что біологія рѣши-

¹⁾ См. мои книги «Вопросы психологіи» и «Біологическія основы сравнительной психологіи».

тельно ничего не даетъ для основанія гипотезы ничшевскаго сверхъ-человѣка?

Ничше былъ гораздо ближе къ истинѣ, когда въ болѣе ранній періодъ своей жизни („Утренняя заря“), писалъ, что довѣрять инстинктамъ и прислушиваться къ ихъ голосу, „значить слушаться своего дѣда, своей бабушки и ихъ родителей болѣе, чѣмъ боговъ, скрытыхъ въ насъ самихъ, т.-е. собственнаго разума и опыта“.

Позднѣе философъ измѣнилъ эту точку зрѣнія; отрицательныя стороны культуры вызвали въ немъ страстное желаніе борьбы съ ними; неправильно понятый „законъ біологіи“ и ошибочное толкованіе факторовъ біологической эволюціи, которые вели міръ къ совершенству, силѣ и власти, создали въ его воображеніи стройную систему, у которой однако не оказалось фундамента: какъ только изъ-подъ нея были устранены тѣ ошибки, которыя онъ принималъ за прочныя научныя основы, система падала сама собой.

Интересно, что Ренанъ, исходя изъ того же „закона“ біологіи, въ силу котораго природа будто бы стремится къ созданію совершеннаго типа, приходитъ къ идеѣ о сверхъ-человѣкѣ, обладающемъ качествами, рѣзко отличными отъ тѣхъ, которыми своего сверхъ-человѣка надѣлилъ Ничше.

II.

Въ то время, какъ Ничше считаетъ нужнымъ въ человѣкѣ-звѣрѣ прежде всегда убить человѣка, развивая звѣря, и такимъ образомъ получить своего сверхъ-человѣка, Ренанъ считаетъ необходимымъ въ звѣрѣ-человѣкѣ убить звѣря, развивая геній, и такимъ образомъ получить своего сверхъ-человѣка

Отсюда понятно, почему Ничше требуетъ „начинать

исторію съизнова“: его идеалы „закатились“, а съ другой стороны, почему Ренанъ требуетъ развитія старой культуры, которая внесла въ звѣря элементы человѣка и которая тѣмъ самымъ доказываетъ, что можетъ привести его и къ конечной цѣли прогресса.

„Предположимъ, говорить Ренанъ, что (отъ вѣка) существуетъ банкирская контора. Если бы она имѣла малѣйшій недостатокъ въ условіяхъ своей организаціи, она лопнула бы. Если бы балансъ вселенной и человѣчества въ томъ числѣ (ибо рѣчь идетъ собственно о немъ) не заключался съ прибылью въ пользу акціонеровъ, то контора эта давно прекратила бы свое существованіе. Изъ великаго оборота добра и зла получается прибыль, благоприятный остатокъ. Этотъ остатокъ и есть *raison d'être* міра (т.-е. человѣчества), основаніе для его (т.-е. его культуры) сохраненія“¹⁾.

Идея, вполне соотвѣтствующая тому заключенію, къ которому насъ привела біологическая справка по поводу цитируемаго Ничше „біологическаго закона“. Мы не имѣемъ, поэтому, ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ ея истинѣ и, отправляясь отъ нея, послѣдуемъ далѣе по пути соображеній Ренана, который привелъ философа къ его типу сверхъ-человѣка.

Типъ этотъ Ренанъ устанавливаетъ, какъ и Ничше, исходя изъ данныхъ исторіи и біологіи.

Данные исторіи приводятъ его къ заключенію, что міровой процессъ есть процессъ разумнаго развитія, имѣющій опредѣленную, идеальную цѣль, и что исторія этого процесса есть стремленіе къ идеалу, предположенному въ самомъ его основаніи.

Эта часть воззрѣнія, заимствованная у германскихъ метафизиковъ, представляется очень туманной и мало интересной, вслѣдствіе чего мы обходимъ ее молчаніемъ.

¹⁾ (Feuilles détachées p. 427).

емъ. Гораздо важнѣе та часть воззрѣнія на этотъ предметъ, изъ которой мы, за нѣкоторыми сокращеніями, можемъ получить слѣдующее заключеніе.

Исторія челоѳчества представляетъ несомнѣнный прогрессъ духа, разума и знанія, изъ чего, по мнѣнію Ренана, является необходимымъ допущеніе существованія міровой воли, или міровой души, которая постепенно развивается въ формахъ мірового бытія, осуществляетъ въ нихъ свои цѣли и въ челоѳкѣ пробуждается къ сознанію.

„Конечный предѣлъ міровой эволюціи есть совершенное осуществленіе Божества“.

Осуществленіе идеи и идеаловъ, осуществленіе объективнаго разума въ міровой исторіи представляется Ренану безусловно достовѣрнымъ; онъ глубоко вѣритъ въ конечное торжество челоѳческой культуры, въ достиженіе всѣхъ мечтаній челоѳка въ „организацію Бога“.

Любопытны слѣдующія строки мыслителя.

„Существо всеѳдущее и всемогущее, какимъ бы мы ни представляли его себѣ,—въ видѣ ли существа, наслаждающагося черезъ всѣхъ и черезъ которое всѣ будутъ наслаждаться, въ видѣ ли индивидуальности, достигшей высшей силы, или, наконецъ, какъ равнодѣйствующую миллиардовъ существъ, — существо это будетъ послѣднимъ терминомъ эволюціи“. „Вселенная будетъ безконечнымъ полипнякомъ, въ которомъ всѣ существа, когда-либо существовавшія, срастутся въ своемъ основаніи и будутъ жить заразъ своею жизнью и жизнью цѣлаго“ (Dialogues, 125—128).

Интереснымъ я считаю это воззрѣніе потому, что оно совпадаетъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ съ тѣми воззрѣніями, которыя вытекаютъ изъ ученія о челоѳческомъ обществѣ, какъ организмѣ, или, вѣрнѣе, болѣе или менѣе рѣзко обособленномъ элементѣ огромной біо-

логической индивидуальности — огромного организма, называющагося человѣчествомъ, которое, какъ пласмодій высшей конструкціи, покрываетъ сушу, подобно пласмодию, покрывающему участки дна океановъ.

Итакъ, конечною цѣлью человѣчества, цѣлью, къ достиженію которой оно должно стремиться, представляется сверхъ-человѣкъ, основнымъ признакомъ котораго будетъ его геніальность.

Правда, исторія немного даетъ намъ для того, чтобы признать это положеніе доказаннымъ, и не указываетъ путей и средствъ, которыми задача, поставленная Ренаномъ, могла бы получить свое рѣшеніе. Философъ, поэту, ищетъ доказательства и путей къ рѣшенію задачи въ біологіи. Онъ начинаетъ съ указанія на то, что природа жертвуетъ цѣлыми видами, чтобы другіе могли найти лучшія условія своей жизни (*Dialogues*, p. 102); далѣе, что одинъ изъ основныхъ законовъ біологіи удостовѣряетъ, что природа на всѣхъ ступеняхъ заботится единственно о томъ, чтобы достигнуть высшихъ результатовъ путемъ пожертвованія нисшими индивидуальностями. Изъ этихъ „положеній біологіи“ Ренанъ выводитъ рядъ заключеній, которыми доказываетъ, что его гипотетическій сверхъ-человѣкъ находитъ не только свое оправданіе въ данныхъ біологіи, но что послѣдняя указываетъ и самые пути къ рѣшенію задачи.

Вотъ ходъ его аргументаціи:

Культура и ея прогрессъ, говоритъ ученый, необходимы именно такими, каковы они суть, съ тяжкимъ неравенствомъ членовъ государства, съ владычествомъ однихъ надъ другими, съ горемъ и страданіями, вытекающими отсюда, — необходимы потому, что природа для „полученія высшаго типа — жертвуетъ нисшими“, и потому, что конечная цѣль человѣчества — сверхъ-человѣкъ.

„Неравенство“, говоритъ Ренанъ, „есть необходимое условіе“ прогресса, если угодно—сама его цѣль, поскольку онъ стремится къ созданію высшихъ формъ, ибо эти высшія формы нуждаются въ низшихъ, какъ въ своемъ матеріальномъ условіи существованія, и должны подчинять, поработать ихъ себѣ. Матеріальный трудъ есть и долженъ быть работъ умственнаго, духовнаго труда; высшія расы должны быть рабами высшихъ; позволительно прибѣгать даже къ кнуту, чтобы заставить ихъ строить пирамиды, позволительно быть тиранами, чтобы доставить духу его торжество („Avenir de la science“, p. 522).

Поскольку вяжется такая идея съ данными культуры и цивилизациі—это вопросъ особый; но что она не имѣетъ въ данныхъ біологіи никакого оправданія, это никакому сомнѣнію не подлежитъ.

Начать съ того, что самый вопросъ о свойствахъ совершенной формы, въ противоположность высшей, вовсе не такъ простъ, какъ онъ кажется Ренану, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ опредѣленіи относительной высоты организациі въ представителяхъ разныхъ типовъ. Здѣсь самыя „рѣшительныя пробы“, каковыми Дарвинъ справедливо считаетъ побѣду въ борьбѣ за существованіе, не всегда помогаютъ дѣлу. Правда, когда вопросъ этотъ можетъ быть сведенъ не къ разнымъ, а къ какому-либо одному типу животнаго царства, то дѣло значительно облегчается; но и тутъ мы можемъ имѣть въ виду лишь вопросы самага общаго характера, а отнюдь не частности. Лучшимъ изъ критеріевъ для рѣшенія задачи въ этихъ условіяхъ Дарвинъ признаетъ степень обособленія отдѣльныхъ органовъ въ зрѣломъ состояніи и ихъ приспособленіе къ отдѣльнымъ отправленіямъ.

Исходя, напримѣръ, изъ того положенія, что всѣ

позвоночныя животныя, снабженныя истинными легкими, произошли отъ древняго, дышавшаго жабрами прародителя, снабженнаго плавательнымъ пузыремъ, мы можемъ принять рыбъ двояко-дышащихъ за формы, болѣе совершенныя, чѣмъ рыбы, дышашія жабрами.

Или, напр., принимая во вниманіе, что костяной скелетъ является и филогенетически и онтогенетически позже хрящевого, можно принять формы тѣмъ болѣе прогрессивными, чѣмъ большая часть скелета во взросломъ состояніи подвергается окостенѣнію.

Но и при этихъ условіяхъ затрудненія остаются по существу весьма значительными ¹⁾).

Если, говорить Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, при климатѣ, приблизительно неизмѣнномъ, эоценовые жители какого либо края свѣта вступили бы въ борьбу съ нынѣшними жителями этой же или иной страны, то эоценовая фауна или флора, конечно, была бы побѣждена и уничтожена. То же было бы со вторичною фауной при встрѣчѣ съ эоценовой, съ палеозойской при встрѣчѣ со вторичной.

Обращаясь отъ данныхъ палеонтологіи къ фаунѣ современной, мы видимъ, наримѣръ, слѣдующее:

Европейскіе организмы распространились въ Новой Зеландіи и захватили тамъ мѣста, занятыя прежде другими организмами. Судя по быстротѣ, съ которою совершился этотъ процессъ, Дарвинъ съ полнымъ основаніемъ полагаетъ, что если бы всѣ животныя и растенія Великобританіи были ввезены въ Новую Зеландію, то множество великобританскихъ формъ прижилось бы къ ней и истребило бы многихъ ея природныхъ жителей. Съ другой стороны, утверждаетъ ученый, судя по тому, что нынѣ происходитъ въ Новой Зеландіи (при столкновеніи животныхъ и растеній туда, привезенныхъ, съ мѣстными формами), мы можемъ сомнѣ-

¹⁾ Дарвинъ, „Происхожденіе видовъ“, стр. 103, 266.

ваться въ томъ, чтобы при перенесеніи всѣхъ новозеландскихъ формъ организмовъ въ Великобританію, многимъ изъ нихъ удалось захватить мѣста, нынѣ занятыя нашими природными растеніями и животными, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ это доказываютъ позднѣйшія наблюденія, это и возможно.

Совокупность данныхъ во всякомъ случаѣ даетъ намъ основаніе считать фауну и флору Великобританіи болѣе совершенными, чѣмъ фауну и флору Новой Зеландіи, но, прибавляетъ Дарвинъ, самый искусный натуралистъ, разсмотрѣвши виды этихъ двухъ странъ, не могъ бы предсказать такого результата. Другими словами, добавлю отъ себя, ни у одного натуралиста нѣтъ критерія для рѣшенія вопроса ни о большемъ или меньшемъ совершенствѣ организмовъ, ни о томъ, что дѣлаетъ его стойкимъ въ борьбѣ за существованіе при данныхъ условіяхъ.

Примѣнивъ этотъ выводъ къ гипотезѣ Ренана, мы получаемъ право утверждать, что природа не даетъ ровно ничего для рѣшенія вопроса о его сверхъ-человѣчкѣ, и ему не было ни малѣйшаго основанія апеллировать къ біологіи, предлагая считать сверхъ-человѣкомъ именно тотъ типъ, который обладаетъ качествомъ, по мнѣнію ученаго, единственно совершеннымъ. Такихъ качествъ можетъ быть не одно, а нѣсколько, въ опредѣленномъ между собою сочетаніи.

Правда, мы знаемъ теперь нѣсколько попытокъ дать вполне объективное опредѣленіе „совершенства организма“, но и это опредѣленіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, не можетъ служить базой для идеи ученаго.

Наиболѣе близкое къ истинѣ опредѣленіе совершенствъ организациі даетъ Оствальдъ въ своей книгѣ „Очеркъ натуръ-философіи“¹⁾.

¹⁾ В. Оствальдъ. Очеркъ натуръ-философіи. Изд. „Образованія“. 1909.

Исходя изъ положенія, по которому количество энергїи на землѣ ограничено, ученый приходитъ къ заключенію, что болѣе совершеннымъ организмомъ долженъ быть признанъ такой, который находящуюся въ его распоряженіи энергію трансформируетъ наиболѣе совершеннымъ образомъ и съ наименьшими (нецѣлесообразными) потерями.

Съ этой точки зрѣнія сверхъ-человѣкъ Ренана очень близокъ къ совершеннѣйшему типу организаціи. Изъ этого одного ровно ничего не получается въ пользу гипотезъ ученаго, ибо у него нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что природа будто бы озабочена единственно тѣмъ, чтобы достигнуть высшихъ результатовъ путемъ жертвованія нисшими индивидуальностями. Дарвинъ не одинъ разъ подчеркивалъ, что его ученіе не имѣетъ ничего общаго съ теоріей непрерывнаго совершенствованія. Невнимательныхъ читателей его книги ввела въ заблужденіе постановка вопроса о происхожденіи видовъ отъ нисшихъ формъ къ высшимъ; естественный отборъ является здѣсь какъ бы орудіемъ совершенствованія. Это справедливо до тѣхъ поръ однако, пока мы подъ совершенствомъ разумѣемъ *совершенство соответствія организаціи условіямъ жизни*, а не совершенство въ смыслѣ исключительно прогрессивнаго развитія организмовъ. Рыба съ этой точки зрѣнія не менѣе совершенна, чѣмъ обезьяна, хотя организація ея и уступаетъ послѣдней съ точки зрѣнія прогрессивнаго развитія организмовъ. Ошибка Ренана повторяется многими и до сихъ поръ, несмотря на то, что біологія давно уже указываетъ на огромное значеніе *регрессивнаго развитія*, какъ одного изъ орудій борьбы за существованіе. Если справедливо, что прогрессъ увеличиваетъ силу совершенствующагося организма, то справедливо и обратное, потому что регрессъ, т.е. общее пониженіе орга-

низаціи и всего уровня жизни во многих случаях может значительно увеличить (и притом нерѣдко до громадныхъ размѣровъ) шансы въ борьбѣ за существованіе.

Безконечное разнообразіе, подавляющее число особей, изумительная живучесть паразитовъ служатъ тому доказательствомъ неопровержимымъ.

Но, можетъ быть, Ренанъ, мало знакомый съ біологіей и потому сдѣлавшій невѣрныя на нее ссылки, не совсѣмъ ошибается въ самой своей идеѣ о сверхъ-человѣкѣ и о возможности осуществить на землѣ его появленіе? Если для этого не можетъ служить естественный отборъ, то, быть можетъ, задача окажется осуществимой путемъ *отбора искусственнаго*. На этой почвѣ вопросъ о совершенствѣ получаетъ условное значеніе, и ничто не мѣшаетъ заботиться о выработкѣ путемъ подбора геніальнаго человѣка, принося въ жертву этой цѣли условно нисшіе типы организаціи.

Идея о такомъ типѣ сверхъ-человѣка, разумѣется, въ такой же степени является соотвѣтствующей всему прошлому человѣческой эволюціи, въ какой это прошлое расходится съ типомъ сверхъ-человѣка Ничше. И осуществленіе идеи Ренана не встрѣчаетъ принципиальныхъ затрудненій; современная дѣйствительность скорѣе даже ведетъ къ этому осуществленію, чѣмъ ставитъ ему преграды.

Весь вопросъ въ томъ, что такое геніальность.

Если мы будемъ разумѣть подъ этимъ терминомъ геніальный умъ съ нерѣдко наблюдаемой у геніальныхъ людей дегенераціей существенныхъ для нормальной жизни признаковъ (Легранъ утверждаетъ даже, что всякая геніальность сопровождается такой дегенераціей, хотя достаточно было бы назвать имена Ламарка, Дарвина, Гете и Толстого, чтобы утвержденіе это признать ошибочнымъ), или геніальный умъ съ нерв-

нымъ разстройствомъ (мнѣніе Ломброзо), то на пути къ рѣшенію задачи мы прежде всего встрѣтимъ препятствія со стороны данныхъ біологіи.

Дѣло въ томъ, что бываютъ уклоненія, которыхъ внутреннее несовершенство таково, что никакой искусственный подборъ удержать его не можетъ.

Несовершенство это отличается природой двумя способами, одинаково наглядными и крутыми.

Первый изъ нихъ называется *пресѣченіемъ*, второй—*вымираніемъ*.

Подъ пресѣченіемъ разумѣется гибель формъ въ самомъ началѣ ихъ возникновенія („отцвѣли — не успѣвши расцвѣсть“); подборъ свидѣтельствуемъ этимъ, что уклоненіе, проявившееся въ данной формѣ, является не только не соответствующимъ условіямъ среды, но явно вреднымъ для данныхъ условій времени и мѣста.

Подъ вымираніемъ разумѣется гибель формъ, обладавшихъ при прежнихъ условіяхъ признаками, вполне благопріятными для развитія и процвѣтанія ихъ, но съ возникновеніемъ новыхъ въ борьбѣ за жизнь организмовъ оказавшимися не на высотѣ задачи. Эти „призванныя, но не избранныя“ формы первоначально уменьшаются въ количествѣ — обычный предвѣстникъ вымиранія—а затѣмъ исчезаютъ вовсе, такъ какъ—и это неизбежно—„усовершенствованные“ потомки постоянно будутъ стремиться вытѣснить своихъ „несовершенныхъ“ предшественниковъ съ поля жизни.

Переходя отъ этихъ данныхъ біологіи къ гипотезѣ о сверхъ-человѣкѣ Ренана и принимая во вниманіе съ одной стороны, что геніальность поскольку она въ условіяхъ нашего времени представляетъ собою явленіе аномальное и въ извѣстномъ смыслѣ патологическое—не наследственна, а съ другой стороны, что сильный и здоровый умъ такъ-же наследствененъ въ длинномъ рядѣ поколѣній, какъ и не заурядная глупость,

мы само собою приходимъ къ заключенію о томъ, какія уклоненія въ сторону геніальности могутъ быть признаны нормальными и какіе (путемъ пресѣченія потомства, природа поставила бы человѣку предѣлы, если бы онъ сдѣлалъ ихъ предметомъ своихъ стремленій путемъ искусственнаго отбора.

Подводя общій итогъ ученію Ренана о сверхъ-человѣкѣ, какъ цѣли человѣческой цивилизаціи и средствахъ итти на встрѣчу этой цѣли путемъ подбора опредѣленныхъ уклоненій, мы должны знать, что факторы біологіи лишь въ такой мѣрѣ могутъ быть использованы человѣчествомъ, въ какой „геніальность“ въ число своихъ свойствъ не включаетъ признаковъ патологическихъ; но искусственный отборъ, поставившій своею задачей поддержку выдающихся умственныхъ способностей надъ всѣми остальными (безъ нарушенія правильнаго цикла фізіологическихъ процессовъ), можетъ служить могущественнымъ факторомъ культурнаго прогресса. И этого вполне достаточно для опредѣленія правилъ поведенія съ той ихъ стороны, которая касается этого частнаго вопроса общественной жизни.

Біологія, установивъ законъ трансформаціи организмовъ, не даетъ мѣста сомнѣнію въ возможности развитія типа болѣе совершеннаго, чѣмъ современный нашему поколѣнію. Она даетъ и критерій для опредѣленія такого совершенства, свидѣтельствуя, что такимъ сверхъ-человѣкомъ будетъ не геній, въ смыслѣ, въ какомъ его принималъ Ренанъ, ни—еще того менѣе—сверхъ-человѣкъ Ничше, такъ какъ уменьшеніе звѣря въ человѣкѣ, которое оплакиваетъ послѣдній, не помѣшало въ прошломъ „колоссальной банкирской конторѣ человечества“ не только свести концы съ концами, но еще и процвѣтать, свидѣтельствуя этимъ, что уменьшеніе счетовъ по данной статьѣ есть дѣло нормальное и пока „доставило акціонерамъ только прибыль.“

О гармоническомъ развитіи человѣка.

(Мечниковъ и Толстой).

I.

Въ этой статьѣ намъ предстоитъ рассмотретьъ тотъ же собственно вопросъ—объ отношеніи въ человѣкѣ наслѣдственнаго къ благопріобрѣтенному—но уже нѣсколько съ иной точки зрѣнія, чѣмъ мы это дѣлали въ двухъ предшествующихъ.

У читателя, конечно, въ памяти не такъ давно горячо дебатировавшійся въ печати вопросъ о томъ, какое правило поведенія естественнѣе и потому правильнѣе: равномерное ли развитіе физическихъ и психическихъ силъ человѣка, съ такимъ расчетомъ, чтобы развитіе тѣхъ, и другихъ не производилось за счетъ другъ друга, или правило это ничего естественнаго собою не представляетъ? Нужно ли, если справедливо первое изъ этихъ мнѣній, такъ устроить свою жизнь, чтобы всѣ работы, связанныя съ личною жизнью, производились каждымъ, или этого дѣлать не слѣдуетъ, а слѣдуетъ—какъ полагали и полагаютъ другіе—не только примириться съ невозможностью такого совмѣщенія разнородныхъ дѣятельностей при современныхъ условіяхъ жизни, но и признать, что такого совмѣщенія вовсе не нужно?

Талантливейшимъ представителемъ первой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія является Толстой. Онъ считаетъ единственно справедливымъ рѣшеніе вопроса о

правилахъ поведенія: стремленіе къ такому гармоническому развитію человѣка, при которомъ равномерно развивались бы всѣ данныя ему отъ природы органы и силы. Это правило можетъ, разумѣется, помѣшать успѣхамъ научнаго знанія, но важности такая помѣха не представляетъ, такъ какъ наука главнаго въ жизни человѣка не даетъ и дать не можетъ.

Мечниковъ держится иной точки зрѣнія на предметъ. Онъ тоже считаетъ необходимымъ гармоническое развитіе человѣка, но разумѣетъ подъ нимъ не то, при которомъ равномерно развиваются всѣ данныя человѣку органы и способности, ибо въ числѣ ихъ есть органы, естественно подлежащіе исчезновенію, органы рудиментарные, служащіе источникомъ различныхъ страданій, а то, при которомъ могутъ развиваться органы и силы, способные дать человѣку возможность достигнуть безболѣзненной старости и нормальной (физиологической) жизни.

Я не буду останавливаться на соображеніяхъ сторонъ: онѣ у всѣхъ въ памяти, а если кто не знакомъ съ ними, то онѣ заслуживаютъ того, чтобы ознакомиться съ ними по первоисточникамъ. Скажу лишь, что постолько, поскольку вопросъ этотъ стоитъ въ предѣлахъ анатомо-физиологическихъ данныхъ, Мечниковъ несомнѣнно стоитъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Толстой, которому нечего противопоставить силѣ аргументаціи нашего извѣстнаго біолога. Возражать на то, что рудиментарные органы у человѣка (lanigo, зубы мудрости, червеобразный отростокъ и пр.), если не всегда вредные, то всегда бесполезные, сдѣлались таковыми вслѣдствіе измѣненія его образа жизни сравнительно съ той, которую вели его антропоморфные предки, невозможно: прежде данный органъ былъ на своемъ мѣстѣ, функционировалъ въ согласіи съ другими, дополняя ихъ и въ свою очередь дополняясь ими; теперь—этого

согласія больше нѣтъ, органъ не только не дополняетъ общей работы, но мѣшаетъ ей, нарушаетъ такимъ образомъ гармонію цѣлага. Все это такъ просто и ясно, что не видѣть здѣсь правды можно только, полагая, что міръ стоитъ на мѣстѣ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ, и что люди нашего времени остались тѣми же, какими были когда-то.

Дѣло осложняется и становится неяснымъ, когда Мечниковъ изъ области анатомио-физиологическихъ признаковъ переходитъ въ область психологіи.

Правда, и здѣсь принципиально онъ стоитъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Толстой, но лишь постолько, поскольку утверждаетъ, что не все изъ того, что есть у человѣка, совершенно и что многое подлежитъ измѣненіямъ. Какимъ однако измѣненіямъ, почему и въ какомъ направленіи—на эти вопросы Мечниковъ даетъ отвѣты, оставляющіе мѣсто большимъ сомнѣніямъ, на которыхъ я, въ виду важности предмета, и остановлю вниманіе читателя.

II.

У антропоморфныхъ предковъ человѣка существовали и инстинкты и разумныя способности, какъ бы ни были элементарны эти послѣднія.

У человѣка остались тѣ же инстинкты и тѣ же разумныя способности, съ тою однако существенною разницей, что первые сдѣлались нѣсколько слабѣе, вторые—необычайно велики.

Эти явленія Мечниковъ называетъ дисгармоническими, взамѣнъ уже имѣющагося въ наукѣ опредѣленія ихъ Спенсеромъ, какъ явленій нарушеннаго равновѣсія. Такая замѣна одного термина другимъ, идентичнымъ, сама по себѣ не представляла бы ничего существеннаго, если бы Мечниковъ не давалъ своему тер-

мину такого толкованія, которое въ извѣстной своей части расходится съ фактами. По смыслу этого толкованія выходитъ такъ, что дисгармоническое въ человѣкѣ является таковымъ не съ точки зрѣнія гармоническаго въ человѣкѣ, а съ точки зрѣнія гармоническаго въ животномъ царствѣ. Поясню это примѣрами, которые Мечниковъ приводитъ въ своей книгѣ „Этюды о природѣ человѣка“.

Главу о дисгармоническомъ развитіи инстинктовъ у человѣка ученый начинаетъ съ инстинкта питанія и пишетъ по этому предмету слѣдующее.

При выборѣ пищи для себя самихъ или для своего потомства животныя исключительно руководствуются своими слѣпыми и врожденными инстинктами.

Такъ, роющія осы охотятся за опредѣленными видами насѣкомыхъ или пауковъ. Инстинктъ указываетъ имъ родъ пищи, наиболѣе пригодный для ихъ личинокъ. Сладкія выдѣленія цвѣтовъ привлекаютъ пчелъ: шелковичный червь инстинктивно грызетъ листья шелковичнаго дерева и отвергаетъ большинство другихъ растеній. У высшихъ животныхъ при выборѣ пищи инстинктъ также играетъ главную роль. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно уничтожить крысъ отравленной пищей. Инстинктъ тотчасъ выдаетъ имъ опасность предлагаемаго вещества. Точно также и собаки отлично умѣютъ избѣгать пищи, смѣшанной съ ядомъ. Всѣмъ извѣстно, какъ тщательно обезьяны изслѣдуютъ пищу, прежде чѣмъ приступить къ ея поѣданію. Онѣ обнюхиваютъ ее, осматриваютъ со всѣхъ сторонъ, обчищаютъ и начинаютъ ѣсть только послѣ такого строгаго испытанія. Часто онѣ отбрасываютъ пищу, не вкусивши ее. И тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ столь развитой инстинктъ, обезьяны нерѣдко отравляются разными ядовитыми веществами, даже такими, которыя отличаются рѣзкимъ запахомъ. Такъ, мнѣ извѣстны случаи

отравленія обезьянъ похищенными ими фосфорными спичками и йодоформомъ.

Извращенія инстинкта при выборѣ пищи особенно распространены у человѣка. Какъ только дѣти начинаютъ ходить, они тотчасъ поднимаютъ съ пола разные предметы и кладутъ ихъ въ ротъ. Бываетъ очень трудно помѣшать имъ проглатывать всѣ эти, часто вредныя вещи. Разные фрукты и ягоды неизмѣнно соблазняютъ дѣтей, и нерѣдки случаи болѣе или менѣе серьезнаго отравленія ими. Такъ какъ эти примѣры всѣмъ извѣстны, то я ограничусь приведеніемъ лишь одного изъ нихъ. Господа Бидль и сыновья, фабриканты растительнаго масла въ Бостонѣ, выбросили передъ дверьми своей фабрики негодныя, испорченныя клещевидныя зерна. Нѣсколько дѣтей, игравшихъ на улицѣ, приняли ихъ за фисташки и распредѣлили между собой и своими друзьями. Всѣ ихъ поѣли, вслѣдствіе чего у 70 дѣтей обнаружались сильнѣйшіе признаки отравленія. Поглощеніе ржаной головки, испорченной кукурузы и нѣкоторыхъ бобовыхъ растеній (Латируса) часто вызываетъ эпидемическія отравленія, причѣмъ инстинктъ не предостерегаетъ отъ этой непригодной пищи.

Всѣ эти явленія, по мнѣнію Мечникова, свидѣтельствуютъ о дисгармоническомъ развитіи инстинктовъ питанія у человѣка: прежде инстинкты эти ему служили, теперь болѣе не служатъ, или служатъ очень несовершенно. Было хорошо—стало хуже; таковъ смыслъ тѣхъ фактовъ, которые приводитъ ученый и которые съ его точки зрѣнія дѣйствительно всего ближе было бы назвать явленіями дисгармоническаго развитія инстинктовъ у человѣка въ отличіе отъ ихъ гармоническаго развитія у животныхъ.

Мнѣ представляется однако, что смыслъ фактовъ, на которые указываетъ Мечниковъ, нѣсколько иной, чѣмъ онъ ему кажется. Факты эти говорятъ намъ не о томъ,

что прежде было хорошо, что прежде была гармонія, а теперь у человѣка стало хуже—гармонія нарушена; они говорятъ лишь о томъ, что нарушилась прежняя форма равновѣсія между инстинктивной и разумной дѣятельностью и нарушилась не въ дурную, а въ хорошую, полезную для человѣка сторону. Прежде вопросы о вредѣ или полезности пищи рѣшались инстинктами, теперь они рѣшаются при посредствѣ разумныхъ способностей, при содѣйствіи воспитанія, и потому, конечно, рѣшаются такимъ способомъ, что онъ выгоднѣе, полезнѣе для тѣхъ, кто можетъ имъ пользоваться.

По разсужденіямъ Мечникова выходитъ такъ, что съ человѣкомъ вышла какая то неудача, которую надо исправить въ томъ направленіи, въ которомъ стояло дѣло, когда этой неудачи не было. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ передъ нами обычное явленіе прогрессивнаго развитія: вѣчное нарушеніе равновѣсія и восстановленія его помощью новыхъ средствъ и новыми путями. Никакой неудачи въ отмѣчаемыхъ Мечниковымъ фактахъ нѣтъ, а имѣется лишь случай обычныхъ процессовъ эволюціи. Въ самомъ дѣлѣ, когда у животныхъ инстинктивная дѣятельность замѣняется дѣятельностью разумною, то это всегда признается явленіемъ прогрессивнымъ—и это хорошо; а когда инстинктивная дѣятельность замѣняется разумною у человѣка, то, по разсужденіямъ Мечникова, какъ будто выходитъ плохо: получается дисгармонія, которую надо исправить въ томъ направленіи, которое было хорошо у животныхъ.

Слѣдующей по очереди идетъ дисгармонія семейнаго инстинкта, подъ которой Мечниковъ разумѣетъ совокупность фактовъ, свидѣтельствующихъ о широкомъ распространеніи въ средѣ людей производства искусственныхъ выкидышей, дѣтоубійства и т. п. явленій. Въ мірѣ животныхъ, говоритъ онъ, нѣтъ слу-

чаевъ, гдѣ бы оплодотвореніе, беременность и роды встрѣчали препятствіе въ какихъ-нибудь извращенныхъ инстинктахъ. Родъ человѣческой одинъ имѣетъ привилегію, несмотря на половыя сношенія, дѣлать оплодотвореніе невозможнымъ.

Дикіе или мало цивилизованные народы прибѣгаютъ къ средствамъ, мѣшающимъ оплодотворенію, рѣже, чѣмъ къ искусственнымъ выкидышамъ, у нихъ очень распространеннымъ.

Далѣе слѣдуютъ примѣры, подтверждающіе сказанное. У большинства первобытныхъ, или мало цивилизованныхъ народовъ это безпрепятственно практикуется открытымъ и легальнымъ образомъ. У многихъ народовъ принято имѣть двухъ дѣтей; въ случаѣ новой беременности, не колеблясь, производятъ выкидышъ. Туземцы Кайзара и острововъ Ватубела строго придерживаются этого правила. У туземцевъ острововъ Аару рѣдко встрѣтишь болѣе трехъ дѣтей въ одной семьѣ, такъ какъ остальные выкидываются ранѣе срока способомъ, освященнымъ обычаемъ. Искусственное выкидываніе особенно распространено въ Индіи. Оно столь же часто встрѣчается у индусовъ, подвластныхъ англичанамъ, какъ и у независимыхъ. На полуостровѣ Кутчъ женщины очень часто сокращаютъ свою беременность искусственными мѣрами. Одна мать открыто хвасталась Макмурду тѣмъ, что пять разъ прибѣгала къ такимъ мѣрамъ. У африканскихъ народовъ, а также у природныхъ американцевъ или у американцевъ бѣлой расы, искусственное выкидываніе тоже очень распространено. Даже и въ Европѣ у нѣкоторыхъ народовъ оно допускается, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Турки думаютъ, что до 5-го мѣсяца зародышъ не имѣетъ реального существованія; поэтому, они не считаютъ грѣхомъ его извлеченіе. Но это дѣлается даже и въ такой періодъ, когда подобная

мѣра считается преступной. Въ 1872 году въ теченіе 10 мѣсяцевъ въ Константинополь зарегистрировано болѣе 3.000 случаевъ искусственныхъ выкидышей.

Далѣе Мечниковъ говоритъ объ убійствѣ дѣтей.

Животныя, будучи неспособными производить выкидыши, довольно часто уничтожаютъ свое потомство.

У людей убійство новорожденныхъ встрѣчается очень часто. Греки и римляне не признавали, чтобы ребенокъ въ моментъ рожденія имѣлъ уже право на жизнь. Древнимъ германцамъ дозволялось покидать своихъ дѣтей. У арабовъ, до принятія ислама, существовало обыкновеніе закапывать живыми большинство новорожденныхъ дочерей. Аналогичный обычай очень распространенъ въ Индіи. Всѣмъ извѣстно, какъ китайцы покидаютъ своихъ дѣтей. По свѣдѣніямъ, оставленнымъ Эйтелемъ, китайцы провинціи Кантона часто при рожденіи убиваютъ дѣтей. „Можно сказать—утверждаетъ этотъ авторъ—что убійство дѣвочекъ представляетъ общее правило у земледѣльческихъ классовъ Хак-ло и особенно у Хак-ка“. Среднее число дѣвочекъ, убиваемыхъ тотчасъ послѣ рожденія, по словамъ самихъ же Хак-ка, достигаетъ почти двухъ третей новорожденныхъ. Въ Таити убивали двѣ трети новорожденныхъ дѣтей, большей частью женскаго пола. Уничтожали трехъ первыхъ дѣтей, а также и близнецовъ и никогда не воспитывали болѣе двухъ или, въ крайнемъ случаѣ, трехъ дѣтей.

Изложивъ эти данныя, Мечниковъ пишетъ: „семейный инстинктъ коренится очень глубоко, такъ какъ происходитъ отъ животныхъ, гораздо болѣе давнихъ, чѣмъ человѣкъ; тѣмъ не менѣе въ родѣ людскомъ онъ подвергается множеству измѣненій, способныхъ привести даже къ исчезновенію нѣкоторыхъ народовъ или расъ. Тѣмъ не менѣе онъ достаточенъ для того, чтобы навѣки обезпечить сохраненіе человѣка“.

Какой же выводъ можетъ быть сдѣланъ изъ приведенныхъ данныхъ?

Животныя и люди убиваютъ своихъ дѣтей. Выходить, стало быть, что въ этомъ отношеніи никакой дисгармонии въ человѣческихъ инстинктахъ не наблюдается; наблюдается же различіе между ними въ томъ, что люди производятъ, тогда какъ животныя не производятъ выкидышей, люди дѣлаютъ актъ оплодотворенія безплоднымъ, тогда какъ животныя этого не дѣлаютъ. Но, вѣдь, оба эти послѣдніе акта представляютъ акты не инстинктивные, а сознательные (цѣлепонимательные), и потому именно, что они таковы, акты эти, очевидно, и не производятся животными. Гдѣ же дисгармоническое развитіе и чего собственно? Какая способность утрачена и что надлежитъ исправить съ точки зрѣнія возстановленія гармоніи? Это представляется совершенно неяснымъ.

Явленія эти, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, никакой дисгармоніи не представляютъ, а свидѣлствуютъ о появленіи въ жизни людей новыхъ факторовъ культуры, отрицательныя стороны которой должны были вызвать стремленіе исправить ихъ вредное вліяніе отнюдь однако не въ смыслѣ возстановленія нарушенной гармоніи, а въ направленіи—только одному чело-вѣку доступныхъ—идеаловъ.

Наконецъ, послѣдняя группа дисгармоническихъ инстинктовъ указывается Мечниковымъ въ явленіяхъ самосохраненія (гл. IV).

„У нисшихъ существъ, читаемъ мы въ книгѣ Мечникова, сохраненіе особи достигалось безъ содѣйствія сознательныхъ или безсознательныхъ психическихъ актовъ. Но вскорѣ появились многочисленные инстинкты, обеспечивающіе защиту. Одни организмы убѣгаютъ при малѣйшей опасности. Другіе избѣгаютъ врага, окружая себя пѣнистой слизью, или разными

посторонними тѣлами и т. д. „Всѣ эти явленія“, по утверженію Мечникова, „указываютъ на любовь къ жизни и на глубокую потребность самосохраненія во всемъ мірѣ организованныхъ существъ“.

„Но всѣ эти средства для устраненія опасности и смерти, продолжаетъ ученый, могли примѣняться безъ того, чтобы животныя имѣли сколько нибудь определенное понятіе о самой смерти. Несомнѣнно, что иныя животныя въ состояніи отличить живую добычу отъ мертвой. Нѣкоторые хищники узнаютъ трупный запахъ. Привыкшіе питаться живой пищей, отвергаютъ мертвую. Они руководствуются неподвижностью послѣдней. Въ этомъ случаѣ не полного пониманія смерти легко обмануть животное: стоитъ искусственно двигать предполагаемую мертвую добычу или, наоборотъ, живой придать неподвижный видъ. Многія насѣкомыя, опасаясь преслѣдованія такихъ мало развитыхъ враговъ, сразу останавливаются и прикидываются мертвыми. Это поведение также относится къ категоріи столь разнообразныхъ естественныхъ средствъ для обезпеченія жизни особи.“

Высшій классъ животныхъ: млекопитающія, обнаруживаетъ полное непониманіе смерти: многія изъ нихъ остаются совершенно равнодушными при видѣ труповъ своихъ родичей или же пожираютъ ихъ, рискуя схватить смертельную болѣзнь“.

Приведенныхъ строкъ совершенно достаточно для того, чтобы видѣть, изъ какой школы біопсихологіи черпаетъ матеріалъ для своихъ соображеній И. И. Мечниковъ (лично изслѣдованіями въ этой области онъ, сколько я знаю, не занимался), а съ этимъ вмѣстѣ заключить, что соображенія эти въ самой своей основѣ не вѣрны, ибо матеріалъ этотъ заимствуется изъ того склада литературныхъ источниковъ, который серьезные ученые называютъ „à la Бремъ и à la Бюхнеръ“.

Разсужденія ученаго о томъ, что у нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ животныхъ будто-бы существуетъ „любовь къ жизни“ и хотя-бы „неполное пониманіе смерти“, утраченное высшими позвоночными (млекопитающими), является тому яркимъ примѣромъ.

Тѣ „факты“, которые указываются Мечниковымъ, свидѣтельствуютъ объ иной совершенно категоріи психическихъ процессовъ, несравненно правильнѣе оцѣненныхъ еще Спенсеромъ въ его книгѣ: „Научныя основы нравственности“¹⁾, чѣмъ Мечниковымъ.

Стараясь дать отвѣтъ на вопросъ о природѣ удовольствія и страданія, Спенсеръ устанавливаетъ связь между пріятными дѣйствіями и продолженіемъ или поддержаніемъ жизни съ одной стороны, а съ другой— между непріятными дѣйствіями и уменьшеніемъ или прекращеніемъ жизни. Эту связь онъ доказываетъ тѣмъ, во-первыхъ, что, начиная съ самыхъ низшихъ организмовъ, полезное дѣйствіе и дѣйствіе, къ которому побуждаетъ собственное стремленіе, представляютъ двѣ стороны одного и того-же явленія; а, во-вторыхъ, тѣмъ, что животныя въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ настоящее время, изо дня въ день сохраняютъ свою жизнь только потому, что преслѣдуютъ пріятное и избѣгаютъ непріятнаго.

Исходя изъ группы фактовъ, которыми устанавливается справедливость сказаннаго положенія и переходя отъ организмовъ, занимающихъ нижшія ступени организаци, къ высшимъ, Спенсеръ заключаетъ цѣпь своихъ разсужденій слѣдующими словами: „Итакъ, мы видимъ, что связь между удовольствіемъ и благотворнымъ дѣйствіемъ съ одной стороны и между страданіемъ и пагубнымъ дѣйствіемъ съ другой, возникшая вмѣстѣ съ

¹⁾ Переводъ съ послѣдняго (1892 года) англійскаго изданія. Спб., 1896.

появленіемъ одаренныхъ чувствительностью существъ и продолжавшаяся непрерывно у всѣхъ одушевленныхъ существъ до человѣка, обнаруживается, обыкновенно, и у него во всей нишей и болѣе совершенно организованной части его природы, и что эта связь должна проявляться все съ большею и большею полнотою и въ болѣе высокой части его природы, по мѣрѣ все большаго возрастанія его приспособленности къ условіямъ общественной жизни“.

Идеи эти, не будучи безукоризненными въ деталяхъ, въ основномъ, какъ я сказалъ уже, несравненно ближе къ истинѣ, чѣмъ толкованіе фактовъ этой категоріи Мечниковымъ. Но если бы на минуту мы и согласились съ послѣднимъ и признали правильнымъ мнѣніе о томъ, что низшія существа любятъ жизнь и кое-что понимаютъ въ смерти, а высшіе никакого пониманія послѣдней не обнаруживаютъ, то что же собственно вытекало бы изъ этого соображенія ученаго по отношенію къ человѣку? Очевидно, только одно, что страхъ смерти у человѣка—явленіе не наследственное, а благопріобрѣтенное. Совершенно непонятно поэтому, на какомъ-же основаніи, если это чувство не унаслѣдовано, Мечниковъ считаетъ его инстинктивнымъ и толкуетъ про дисгармоническое его развитіе? Въ доказательство того, что страхъ смерти, хотя и не наследствененъ, все же инстинктивенъ, Мечниковъ ссылается на Шопенгауэра и Байрона. Но мнѣнія ихъ меня въ области точнаго знанія ни въ чемъ, разумѣется, ни убѣдить, ни разубѣдить не могутъ. На основаніи Мечниковымъ-же приводимыхъ фактовъ я считаю себя вправѣ утверждать, что страхъ смерти въ томъ смыслѣ, въ которомъ его трактуетъ авторъ, чувство не инстинктивное, что у животныхъ (особенно низшихъ) его нѣтъ и слѣда, что онъ представляетъ благопріобрѣтенное чувство человѣка и ничего дисгармоническаго въ смыслѣ чего то, бывшаго въ животномъ

царствѣ и у человѣка извращеннаго не представляет. Здѣсь поучительно будетъ отмѣтить, что Ламаркъ столѣтъ тому назадъ по этому вопросу, какъ и по всѣмъ остальнымъ, о которыхъ трактуетъ Мечниковъ въ области биопсихологіи, подошелъ къ истинѣ несравненно ближе, чѣмъ къ ней стоитъ послѣдній. Ламаркъ въ своей удивительной книгѣ: „Философія Зоологіи“ писалъ о страхѣ смерти слѣдующія строки:

„Эго глубокое чувство, по всей вѣроятности, составляетъ общую и исключительную принадлежность человѣка, такъ какъ онъ представляетъ собою единственное разумное существо, имѣющее понятіе о смерти; оно заставляетъ его испытывать ужасъ и отвращеніе къ уничтоженію и составляетъ источникъ надежды на второе безконечное существованіе, которое послѣдуетъ за смертью. Въ этой надеждѣ наша мысль находитъ себѣ утѣшеніе въ потерѣ перваго. Положительныя основанія однако еще неизвѣстны, и ихъ предстоитъ открыть“.

III.

Такимъ образомъ факты изъ области биопсихологіи и изъ психологіи человѣка, собранные въ 3-й главѣ книги нашего выдающагося ученаго, въ связи съ заключеніями, которыя онъ изъ нихъ дѣлаетъ, вводятъ нѣкоторую неясность въ рѣшеніе вопроса о гармоническомъ развитіи человѣка.

Когда рѣчь шла объ отношеніи развитія физическаго къ развитію психическому, вопросъ рѣшался просто и ясно: дисгармоническое въ человѣкѣ есть результатъ того, что органы, въ прошломъ игравшіе необходимую для жизни роль, теперь стали не нужными, вслѣдствіе чего въ концѣ концовъ сдѣлались рудиментарными. А сдѣлались они таковыми потому, что сумма удѣленныхъ на особой

вида силъ точно опредѣлена, и если часть этихъ силъ, этой энергіи, затрачивается въ одномъ направленіи, то въ другомъ неизбеженъ дефицитъ, слѣдствіемъ чего является недоразвитіе, являются рудиментарные органы.

У борцовъ развиваются мускулы рукъ и груди за счетъ мускулатуры ногъ, у людей, занимающихся умозрительными науками слабѣютъ способности къ лабораторному наблюденію и опыту въ такой мѣрѣ, что они часто дѣлаются не способными понимать истинное значеніе факта даже тогда, когда имъ это объясняютъ, казалось бы, съ полною очевидностью.

Болѣе того: мы встрѣчаемся съ проявленіями этого биологическаго закона въ органахъ каждаго даннаго сложнаго организма. Самое возникновеніе органовъ чувствъ, напр., достигается лишь путемъ усиленнаго развитія однѣхъ способностей данной группы элементовъ, образующихъ органъ чувствъ, за счетъ другихъ: въ элементахъ этихъ повторяется тотъ же процессъ дифференцировки путемъ усиленія и ослабленія функціи.

Тотъ-же законъ обусловилъ и превалирующее развитіе психическаго надъ физическимъ. Ничего, поэтому, дисгармоническаго въ томъ смыслѣ, который этому термину придаетъ Мечниковъ, здѣсь нѣтъ, а имѣется лишь одинъ изъ моментовъ нормальной эволюціи, обусловивающійся данными человѣческой культуры. Никакому исправленію, поэтому, да еще по образцамъ прошлаго этотъ моментъ эволюціи не подлежитъ, ибо анатомио-физиологическіе признаки человѣка, создавшіеся въ условіяхъ его прошлой жизни, существенно измѣнились. А такъ какъ правила поведенія должны согласоваться не съ минувшими, а съ настоящими и будущими задачами жизни, то центр тяжести самъ собою переносится изъ жизни физической въ жизнь психическую, подчиняя первую послѣдней. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ Мечниковъ и она пред-

ставляется мнѣ несравненно болѣе близкой къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе авторовъ, утверждающихъ, что неравно-мѣрное развитіе физическихъ и духовныхъ силъ вредно по очень многимъ причинамъ, и, между прочимъ, потому, что организмъ вслѣдствіе этого можетъ сдѣлаться болѣе слабымъ въ борьбѣ за существованіе.

Эти опасенія авторовъ за то, что организмы сдѣлаются менѣе стойкими въ борьбѣ за существованіе вслѣдствіе спеціализаціи однѣхъ способностей въ ущербъ другимъ, принципиально не основательны, ибо, какъ я уже не одинъ разъ имѣлъ случай говорить это въ предшествующихъ статьяхъ, естественный отборъ не можетъ и не долженъ быть критеріемъ поведенія человѣческой жизни. Неизбѣжный и благодѣтельный въ царствѣ животныхъ, законъ этотъ въ человѣческомъ обществѣ потерялъ свой смыслъ: составляя часть той или иной соціальной организаціи, все увеличивающейся по своей численности и своему составу (первичныя группы, племена и современные государства съ расширяющимися международными институтами, служатъ отличной иллюстраціей къ сказанному),—человѣкъ не нуждается въ тѣхъ приѣмахъ борьбы, которые устанавливаются отборомъ въ борьбѣ за существованіе. И если борьба въ біологическомъ смыслѣ этого слова все же существуетъ въ человѣческомъ обществѣ, то это вовсе не значитъ, что она существовать должна и что у человѣка нѣтъ средствъ сбросить съ себя ея тяжелый и позорный гнетъ. Человѣку для устройства нормальной человѣческой жизни нужны другіе приемы и средства рѣшенія задачи. Эти приемы требуютъ усиленной дѣятельности той части его организаціи, благодаря которой онъ занялъ господствующее мѣсто на землѣ: его психическихъ, а не физическихъ способностей. Гордая заявленія англійскихъ педагоговъ о томъ, что они въ своихъ школахъ стремятся путемъ

всевозможнаго спорта развивать въ питомцахъ школы такъ же хорошо физическія, какъ и духовныя способности, едва-ли не имѣютъ, поэтому, того-же смысла, какъ если бы кто нибудь въ интересахъ гармоническаго развитія сталъ упражнять мускулы, подвигающіе волосяной покровъ головы къ бровямъ и затылку, или мускулы, двигающіе ушныя раковины, на томъ основаніи, что у нашихъ гармонически развитыхъ антропоморфныхъ предковъ мышцы эти были прекрасно развиты

Отъ дисгармоническаго развитія физическихъ способностей по отношенію къ способностямъ психическимъ перейдемъ теперь къ дисгармоническому развитію нашихъ психическихъ способностей.

Мечниковъ по этому вопросу настаиваетъ на томъ, что животныя, руководствуясь инстинктами, находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ жизни, чѣмъ человѣкъ, потерявшій это гармоническое развитіе между его психическими способностями.

Онъ утверждаетъ при этомъ, что въ области психической природы человѣка, во многихъ отношеніяхъ совершенной и возвышенной, тѣмъ не менѣе проявляются очень многочисленныя и крупныя дисгармоніи, служащія источникомъ многихъ нашихъ бѣдствій. Признавая съ тѣмъ вмѣстѣ, что у животныхъ такой дисгармоніи нѣтъ, Мечниковъ оказался въ очень трудномъ положеніи, вслѣдствіе чего, какъ мы видѣли, не даетъ, да и не можетъ дать отвѣта на вопросъ: къ чему же слѣдуетъ стремиться, чтобы выйти изъ создавшагося дисгармоническимъ развитіемъ человѣка нестроенія его жизни? Къ гармоническому ли развитію животныхъ, т. е. назадъ, или впередъ, т. е. въ сторону запросовъ, слагающихся новыми и новыми условіями поступательной эволюціи?

А между тѣмъ огромная важность въ рѣшеніи этихъ

вопросовъ, особенно при опредѣленіи задачъ школы и правильной организаціи дѣла просвѣщенія, нуждается въ наиболѣе полномъ и точномъ отвѣтѣ на вопросъ.

Лично мнѣ отвѣтъ этотъ представляется слѣдующимъ. Усиленное развитіе какой либо одной функціи (въ виду ограниченнаго количества энергіи, приходящейся на долю каждаго отдѣльнаго индивида) не можетъ не сопровождаться сокращеніемъ какой-либо иной функціи, за счетъ которой совершается развитіе первой изъ нихъ. А отсюда само собою слѣдуетъ, что дисгармоническое развитіе между инстинктами и разумными способностями человѣка ничего дисгармоническаго въ томъ смыслѣ, въ которомъ принимаетъ этотъ терминъ Мечниковъ, не представляетъ, а представляетъ моментъ нормальнаго развитія, вытекающій изъ данныхъ человѣческой культуры и никакому исправленію по образцамъ прошлаго не подлежащій, подобно тому какъ ничего дисгармоническаго не представляетъ и никакому исправленію не подлежитъ превалирующее развитіе у человѣка психическаго надъ физическимъ.

На пути къ этому заключенію однако стоятъ укоренившіяся въ біопсихологіи и раздѣляемыя Мечниковымъ заблужденія; отсюда его колебанія въ рѣшеніи вопроса, неясность въ изложеніи заключеній и неопредѣленность конечныхъ выводовъ. Заблужденія эти имѣютъ своимъ источникомъ матеріалы и выводы по вопросамъ сравнительной психологіи старой дарвиновской школы, представителемъ которой въ числѣ многихъ другихъ, какъ выше сказано, является и Мечниковъ.

Онъ все еще продолжаетъ дѣлать такіе, напримѣръ, „à la Бремъ и à la Бюхнеръ“ сопоставленія: „Не будучи приспособленной къ условіямъ жизни, какъ, напримѣръ, орхидеи—къ оплодотворенію при помощи насекомыхъ, или какъ роющія осы—къ сохраненію своего потомства, природа человѣческая скорѣе напоминаетъ

насъкомыхъ, инстинктивно привлеченныхъ къ свѣту и обжигающихъ себѣ крылья“—и т. д. и т. д. и т. д...

Путемъ такихъ аналогій вопросы психологіи чело-вѣка, какъ индивидуальной, такъ и коллективной (соціо-логіи), рѣшались съ большимъ увлеченіемъ дарвини-стами 70 хъ годовъ. Тогда они были умѣстны и совер-шенно понятны: борьба съ телеологіей, борьба съ про-тивниками дарвинизма и біологіи вообще въ качествѣ источника познанія челоувѣческой природы вызвала крайности и объясняла увлеченія сторонъ ¹⁾. Теперь же эти приемы въ такой же мѣрѣ соотвѣтствуютъ запро-самъ науки и ея новому матеріалу, какъ отростокъ слѣпой кишки—современной структурѣ челоувѣческаго организма: когда-то онъ былъ полезенъ, но теперь „слу-жить источникомъ бѣдствій“.

Руководясь этими, когда-то въ біопсихологіи полез-ными, точками зрѣнія, Мечниковъ настаиваетъ на необ-ходимости равномѣрнаго развитія всѣхъ спо-собностей того же духа (инстинктивныхъ и разумныхъ).

Очень многіе авторы той же школы указываютъ на систематическое пониженіе силы воли, стойкости харак-тера и пр. и пр., будто бы связанныхъ съ преоблада-ніемъ разсудочной дѣятельности надъ чувствами, надъ инстинктами, указываютъ на то, что при усиленіи однѣхъ психологическихъ способностей за счетъ другихъ, при благопріятныхъ (извинѣ) условіяхъ существованія могутъ получаться такіе въ психологическомъ смыслѣ уроды, какіе мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ муравейникахъ, искажающихъ нормальную особь до полного отупѣнія²⁾.

¹⁾ См. Владиміръ Вагнеръ. «Біологическія основы сравнитель-ной психологіи».

²⁾ Въ муравейникахъ извѣстны особи, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы служить пробкой, «добровольно» затыкающей вход-ныя отверстія въ муравейникъ на время ночи, или служить бутыл-кой для сохраненія въ свѣжемъ состояніи сладкаго сока, которымъ

Вредъ такой спеціализаціи, такого развитія однѣхъ психическихъ способностей (даже однородныхъ) за счетъ другихъ, говорятъ намъ, совершенно очевиденъ. Такое толкованіе вещей, по мнѣнію авторовъ, грозитъ большими опасностями „в и д у“, ибо, хотя спеціализація функцій, повидимому, и обезпечиваетъ лучшее выполненіе каждой данной изъ нихъ, въ сущности же дѣлаетъ спеціализировавшихся особей односторонними и потому ослабляетъ ихъ способности къ самостоятельной борьбѣ за существованіе: достаточно, на примѣръ, погибнуть маткѣ пчелинаго улья, какъ и всему рою грозитъ неминуемая гибель.

Естественнымъ выходомъ изъ положенія, утверждаютъ они, вслѣдствіе этого является гармоническое развитіе всѣхъ психическихъ способностей.

Въ этихъ соображеніяхъ авторовъ читатель безъ труда узнаетъ основы той же классической школы біо-психологовъ, къ которой принадлежитъ и Мечниковъ. Тѣми же, поэтому, будутъ и возраженія по ихъ адресу о томъ, что ссылки на муравьевъ и пчелъ въ рѣшеніи вопросовъ о правилахъ поведенія человѣческихъ обществъ ничего научнаго въ себѣ не заключаютъ: у, такъ называемыхъ, общественныхъ насѣкомыхъ, нѣтъ разумныхъ способностей, ихъ дѣятельность сполна безсознательна, онѣ руководствуются только инстинктами, регулируемымъ естественнымъ отборомъ. У этихъ животныхъ нѣтъ ступеней психическихъ способностей, и въ этомъ смыслѣ всѣ особи представляютъ единицы, совершенно подобныя другъ другу. У нихъ нѣтъ ни болѣе умныхъ, ни болѣе тупыхъ, а есть лишь особи, допущенныя отборомъ къ существованію, — и только. Муравьи и пчелы лишены возможности вмѣшательства и въ

пользуются другія особи, не изуродовавшія своихъ инстинктовъ вслѣдствіе спеціализаціи и «раздѣленія труда» и т. п.

процессъ развитія психическихъ способностей, и въ ихъ измѣненія какимъ-либо инымъ путемъ, кромѣ естественнаго отбора и „случайно прикинувшихся признаковъ“. У нихъ нѣтъ и опасностей для жизни вида, котораго судьба остается неизмѣнной десятки тысячелѣтій и который исчезнетъ безъ малѣйшихъ попытокъ къ самосохраненію, если измѣнившіяся условія жизни сдѣлаются для него неблагопріятными, ибо условія эти не могутъ быть ими ни поняты, ни по достоинству оцѣнены.

Совершенно иное мы видимъ у людей. Въ то время, какъ психика животныхъ, какъ и ихъ жизнь за періодъ времени, несравненно болѣе длинный, чѣмъ періодъ самого существованія людей, остались неизмѣнными ¹⁾, человѣкъ за періодъ времени, о которомъ сохранились свѣдѣнія даже въ исторіи, (на языкѣ палеонтологіи это — современность) — измѣнилъ свои нравы, свои понятія, свою психику до неузнаваемости. Даже способность къ членораздѣльной рѣчи, когда то сдѣлавшая человѣка человѣкомъ, теперь вслѣдствіе того, что различные народы говорятъ на разныхъ языкахъ, соответствующихъ минувшимъ стадіямъ эволюціи, дифференцировки, становится тормазомъ дальнѣйшаго развитія человѣчества.

Основные моменты культурнаго развитія человѣчества совершены при содѣйствіи и подъ руководствомъ не инстинктовъ, а его разумныхъ способностей. Естественный отборъ за короткій періодъ культурной жизни людей существенно измѣнилъ свой характеръ; бывали отдѣльные случаи, когда онъ уже не находилъ себѣ приложенія и встрѣчалъ открытый отпоръ.

Въ то время, наконецъ, какъ тамъ у животныхъ не было и не могло быть вмѣшательства въ дѣятельность естественнаго отбора — потому что о существова-

¹⁾ См., напримѣръ, изслѣдованіе Фертона надъ инстинктами островныхъ насѣкомыхъ.

ни этого закона тамъ нѣтъ и не можетъ быть представленія—у людей одно сознаніе того, что этотъ законъ въ органической природѣ существуетъ, что онъ продолжаетъ еще играть огромную роль въ жизни человѣческихъ обществъ, создаетъ почву для возможностей, которыя кладутъ пропасть между міромъ животныхъ и царствомъ человѣка, въ такой степени глубокую, что строить правила поведенія послѣднему по даннымъ жизни первыхъ становится ненужнымъ, да и невозможнымъ.

Я не хочу сказать этимъ, разумѣется, что законы жизни животныхъ не для людей писаны: всѣ они писаны и для него, какъ писаны для животныхъ, но человѣкъ умѣлъ сначала догадываться о нихъ, а потомъ научился ихъ читать, и эта его грамотность создала условія, дѣлающія невозможнымъ дисгармоническое въ его психикѣ разсматривать, какъ случайное явленіе, изъ котораго выходомъ должно служить возвращеніе къ прежнему гармоническому состоянію. То, что Мечниковъ называетъ дисгармоническимъ состояніемъ въ психологіи, представляетъ собою естественно создавшійся моментъ въ систематической эволюціи разумныхъ способностей человѣка, которыя уже давно развиваются за счетъ инстинктовъ. Завоеванія разума, правда, очень скромны, совершаются они съ чрезвычайной медленностью, но они неуклонны и къ нимъ сводится исторія всей эволюціи психики человѣка.

Въ виду всего сказаннаго взглядъ на дисгармонію въ психикѣ человѣка съ точки зрѣнія гармоніи въ царствѣ животныхъ, которая имѣетъ служить руководящей нитью при исправленіи дисгармоничнаго въ человѣкѣ, представляетъ такую же ошибку, какъ идея о необходимости гармоническаго развитія всѣхъ элементовъ и физическихъ и психическихъ, которые въ прошломъ намъ были даны природой. Ни та, ни другая точка отпавленія не создадутъ истинныхъ правилъ поведенія:

настаивать на неизмѣнномъ сохраненіи того, что мы имѣли и что мы утрачиваемъ, сверхъ того и бесполезно. Но если бы это оказалось возможнымъ, то было бы безусловно вреднымъ, такъ какъ прошлое въ человѣкѣ не другъ его, а врагъ. Врагъ уже по тому одному, что дисгармонія въ человѣческой психикѣ имѣетъ человѣческое происхожденіе: она—продуктъ сопротивленія человѣка законамъ космическимъ и стоитъ съ ними въ открытой враждѣ. Ясно, стало быть, что или мы, стремясь къ гармоническому животнаго типа, имѣемъ вернуться къ міру животныхъ,—и тогда естественный отборъ, который приведетъ къ этому прямой дорогой, будетъ составлять критерій въ правилахъ поведенія—или мы должны довести до конца начатую борьбу съ тѣми элементами, съ которыми когда-то гармоническое развитіе обусловливалось, а потомъ нарушилось. И борьбу эту мы должны вести тѣмъ же орудіемъ разумныхъ способностей, тѣмъ же путемъ превышающаго ихъ развитія надъ способностями и инстинктами, въ интересахъ соціальныхъ, а не біологическихъ, человѣческихъ, а не животныхъ—путемъ, какимъ она велась до сего времени, съ тою лишь разницей, что, въ виду обстоятельствъ, существенно осложнившихъ общественную жизнь, разумъ приходится вооружить научнымъ знаніемъ.

Не гармоническое—между физическимъ и психическимъ, между разумнымъ и инстинктивнымъ,—а дисгармоническое до полного подчиненія физическаго психическому, инстинктивнаго—разумному, должно быть девизомъ этой борьбы.

998-10
10/2/10

БИБЛИОТЕКА

Кабинета Дарвинизма

МУ

БИБЛИОТЕКА
168664
Инст. №
Белогорск
Инст. №
Своего места и разряда в ономъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Введеніе	I
II. Границы и область біологіи	1
III. Біологическіе принципы въ соціологіи	36
IV. Наука, какъ критерій качества жизни (Толстой и Дарвинъ)	70
V. Ренанъ и Ничше (о звѣрѣ въ человѣкѣ)	127
VI. О гармоническомъ развитіи человѣка (Мечниковъ и Толстой)	151

**Печатаются и въ январѣ 1910 г.
поступятъ въ продажу:**

1. П. Дюгемь. Физическая теорія. Ея цѣль и строеніе. Переводъ съ франц. Г. А. Котляра, съ предисловіемъ Э. Маха. 2 р.

2. Петръ Энгельмейеръ. Теорія творчества. Съ предисловіемъ Э. Маха 1 р. 50 к.

3. Гуссерль. Логическія изслѣдованія. Прологмены къ чистой логикѣ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго Э. А. Берштейнъ, подъ редакціей С. Л. Франка. 1 р. 50 к.

„Нельзя не привѣтствовать появленія въ рус. переводѣ этой книги, полезной не только для специалистовъ, но и для лицъ, впервые начинающихъ изученіе логики.

Переводъ выполненъ хорошимъ литературнымъ языкомъ. Имя редактора служить ручательствомъ за его точность“. Н. Лоскій (Рус. М. 12 кн. 1909).

„Для того, кто сколько нибудь пріобщенъ къ философіи, вдумчивое чтеніе книги Husserl'я могло бы послужить прекрасной школой научно-философскаго мышленія; а сторонники психологической логики могли бы воспользоваться его критикой, какъ средствомъ для самопознанія.

Рус. В. 15 Декабря 1909 г.

